А. Н. БѢЖЕЦКІЙ

ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ

ВЪ СТРАНѢ МАНТИЛЬИ
И
КАСТАНЬЕТЪ

ЗА ПИРЕНЕЯМИ — МАДРИДЪ — СЕВИЛЬЯ — ГРЕНАДА

БІАРРИЦЪ — ПАРИЖЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1884

I.

БІАРРИЦЪ.

I.

О „сезонахъ“, — Воображаемая деревня и деревенское времяпрепровожденіе. — Сезоны въ Біаррицѣ. — Омнибусы, отели и расположеніе города. — Подражаніе Парижу. — Значеніе Парижа для провинціи. — Купанья и газеты. — „Grande plage“ „Vieux-port“ и „Côtes des Basques“.

Деревья повсюду распустились, травка зазеленѣла, воды нагрѣваются, а вмѣстѣ съ нагрѣваніемъ наступаютъ и лѣтніе «сезоны». Сезоны эти начинаются собственно для «заграницы» и, какъ тамъ ни повышайся налогъ на паспорты, все же множество скучающихъ и утомленныхъ россіянъ потянутся по прежнему въ разные Висбадены, Баденъ-Бадены, Карлсбады, Теплицы, Виши, Спà, Трувилли, Довилли и Сорренто. Почему такъ, а не иначе — рѣшать не берусь.

Если бы у меня была своя деревня, но не было бы лишнихъ денегъ, то я непремѣнно жилъ

бы лѣтомъ у себя въ деревнѣ. Я такъ вотъ себѣ и представляю свою усадьбу. Стоитъ она на большой скотопрогонной дорогѣ, всего въ какихъ нибудь сорока верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи и отъ уѣзднаго города въ какихъ нибудь двадцати-тридцати верстахъ; кто ихъ мѣрилъ? пословица говоритъ: «мѣрили Иванъ да Тарасъ, да цѣпь оборвалась; Иванъ сказалъ — свяжемъ, а Тарасъ сказалъ: и такъ скажемъ»... Домъ старый, наполовину состоящій изъ крыльца, покосившійся, съ весьма низкими комнатами и выгнутыми потолками, что заставляетъ предполагать, что половыя балки ростутъ и не знаютъ куда податься. Отъ всей этой внутренности, отъ всей этой старомодной мебели съ пружинами, издающими необыкновенные звуки, съ лакомъ, наполовину выѣденнымъ свирѣпыми мухами и клопами, вѣетъ милой стариной и на душѣ становится не только что тепло, а просто даже горячо.

При усадьбѣ конечно садъ, а въ какихъ нибудь шести верстахъ лѣсъ. Что можетъ быть лучше лѣса въ средней Россіи? Зелень яркая, какъ изумрудъ, тѣнь густая, потому что отъ березы, а въ особенности отъ липы, а еще болѣе отъ клена тѣнь падаетъ темная, прохладная, а тамъ еще кусты, грибы, ягоды и всякая мелочь, какъ изящная отдѣлка къ щегольскому платью. У меня въ воображеніи рисуется такой старый и чудесный лѣсъ, что я тотчасъ же продаю его на срубъ всѣмъ неземнымъ покровителямъ и

покровительницамъ искусства, если только воображаемые мужики не сдѣлали этого безъ моего разрѣшенія.

Теперь на счетъ рѣки. Рѣка въ какихъ нибудь пяти верстахъ: она не судоходная и даже «не купальная», какъ говорятъ мальчишки и пѣтухи, переходя оную въ бродъ, но въ ней водятся превосходные лини и окуни, но я не люблю ни тѣхъ, ни другихъ, потому, быть можетъ, что покойный Суворовъ говаривалъ, что окуней въ сметанѣ любятъ только обжоры или пьяницы.

Въ саду, около дома, полуразвалившаяся бесѣдка, гнилыя скамьи, источенныя муравьями, на позеленѣлыхъ столбикахъ; одна изъ нихъ скрыта въ такомъ темномъ мѣстѣ, что тамъ по ошибкѣ можно объясниться въ любви первой попавшейся бабѣ или теленку, не возбудивъ ничьей ревности. Посреди сада — прудъ, хотя и проточный, но проросшій мѣстами тростникомъ и задернутый лиліями, тиной и цѣлыми милліонами мошекъ, которыя даже не жужжатъ; съ краю, гдѣ «поглыбже», древніе остатки мостковъ и купальни; вода теплая, какъ подливка къ котлетамъ, когда ее принесутъ изъ трактира на домъ. Окунешься нѣсколько разъ и вытянешь на себѣ изъ воды пуда два тины. Захочешь на охоту — была бы лишь охота: всегда гдѣ нибудь есть болото или мочежина.

Что можетъ быть лучше
Охотничьей жизни!

Затѣмъ молоко, яйца, творогъ, грибы, ягоды—

ѣшь вволю; за говядиной только посылай въ городъ. Что же касается прохладительнаго, то что можетъ быть вкуснѣе и удивительнѣе самодѣльныхъ «водичекъ» изъ смородинаго листа, земляники, малины и другихъ ягодъ? Конечно, ничего не можетъ быть лучше. И ни отъ какого шампанскаго не хлопаютъ такъ пробки и не рвутъ такъ бутылки, какъ отъ этихъ самыхъ «водъ». Это ли не житье?

Несмотря однако на всѣ эти прелести, которыя обрѣтаются въ моей фантастической деревнѣ, не смотря на россійскій просторъ, на наши необозримыя поля, подобно широкимъ полямъ богато изданной книги, для которой бумаги не пожалѣли, мы все-таки стремимся на западъ, въ болѣе тѣсныя, но неизвѣданныя нами мѣста...

Весьма вѣроятно, что эти тѣсныя и неизвѣданныя мѣста мы начнемъ находить когда нибудь и на собственной родинѣ, которая такъ велика, что конца ей нѣтъ; тогда вѣроятно и иностранцы поѣдутъ къ намъ, подобно тому какъ мы ѣздили къ нимъ, и въ эти грядущія времена мы будемъ уже не то, что прежде, такъ какъ наши русскіе секреты всѣмъ будутъ извѣстны, разболтаны и росписаны разными Альберами Вольфами и другими знаменитостями, которые тогда однако за знаменитостей уже ходить не будутъ. Тому же французскому корреспонденту, который во время коронованія ѣздилъ по Москвѣ на тройкѣ, запряженной четверкой лошадей, по тому же закону пониженія придется поступить въ кучера и во-

зить на себѣ болѣе образованныхъ чѣмъ онъ литераторовъ...

Теперь — къ дѣлу, т. е. къ Біаррицу. Въ виду начинающагося лѣтняго перекочевыванія русскихъ заграницу, я пользуюсь удобнымъ случаемъ возобновить свои воспоминанія и разсказать то, что помню и вообще кое-что по поводу этого городка, пріютившагося на берегу Гасконскаго моря. Не помню теперь, когда Біаррицъ выплылъ на сцену и сталъ извѣстенъ путешественникамъ, своимъ климатомъ, удобными морскими купаньями и живописнымъ мѣстоположеніемъ. Знаю только, что французамъ онъ уже извѣстенъ давно, что императрица Евгенія очень любила Біаррицъ, но Трувилль былъ въ большей модѣ и русскіе ѣздили въ Трувилль и Остенде; виды Трувилля появлялись въ иллюстраціяхъ, а въ парижскихъ каррикатурныхъ журналахъ каждое лѣто помѣщались цѣлыя страницы игривыхъ каррикатуръ, подъ названіемъ: «Морскія купанья» или «Наши купальщики»... Затѣмъ неожиданно выплылъ Біаррицъ, о немъ заговорили и Бретань отошла на второй планъ. Въ прошломъ году я собрался въ Біаррицъ во второй половинѣ нашего сентября. Въ это время купальные «сезоны» вездѣ кончаются; уже въ первыхъ числахъ этого мѣсяца весь модный Парижъ бросаетъ морскіе берега и возвращается въ свою излюбленную столицу. Но, такъ какъ «сезоны» выдуманы людьми и отъ отъѣзда нѣсколькихъ франтиковъ и франтихъ солнце не можетъ внезапно потухнуть, а волны остынуть, то я все-

таки рѣшилъ ѣхать. Послѣ парижскаго лѣтняго сезона для счастливаго Біаррица наступаетъ еще два: русскій, такъ какъ русскіе продолжаютъ купаться еще въ сентябрѣ и въ октябрѣ и наконецъ англо-испанскій, когда англичане, американцы и испанцы съѣзжаются сюда съ своими семействами на зиму.

Желѣзная дорога изъ Парижа въ Біаррицъ проходитъ черезъ Орлеанъ, Туръ, Ангулемъ и Бордо. Все это мѣста весьма интересныя для путешественниковъ; чудесный Турень по справедливости носитъ названіе сада Франціи. Вся эта провинція, орошаемая Луарой, положительно тонетъ въ зелени садовъ, виноградниковъ и плодородныхъ полей. Все превосходно обработано, покрыто отличными дорогами и оживлено множествомъ маленькихъ и живописныхъ городковъ. Впрочемъ, изъ окна желѣзнодорожнаго вагона много не увидишь и не узнаешь, потому что поѣздъ несется быстро и одно впечатлѣніе смѣняется другимъ, и если вы, читатель, хотите познакомиться съ Туренемъ, то изберите болѣе медленный способъ передвиженія.

Біаррицъ расположенъ въ двухъ или трехъ километрахъ отъ желѣзнодорожной станціи «Négresse», которую впрочемъ обязательные кондукторы, чтобы не сбить съ толку недогадливаго путешественника, называютъ Біаррицъ. «Négresse! кричатъ они, cinq minutes d'arrêt...

M-eurs les voyageurs à Biarritz, sortez, s'il vous plait!..

Въ небольшомъ вокзалѣ васъ уже ожидаютъ, впрочемъ, довольно спокойно, комиссіонеры отъ разныхъ гостинницъ и отъ общества экипажей въ импровизированныхъ ливреяхъ и шляпахъ. Они сажаютъ васъ въ омнибусъ и укладываютъ на верхъ вашъ чемоданъ. Бритый кучеръ въ высокихъ сапогахъ, въ длинной бѣлой ливреѣ съ металлическими пуговицами, въ красномъ двубортномъ жилетѣ и въ клеенчатомъ цилиндрѣ съ кокардой на боку, взлѣзаетъ на козлы и, звонко хлопая бичемъ, везетъ васъ въ гостинницу. Дорога къ городу идетъ по шоссе, вдоль котораго тянутся изгороди, жидкіе садики и небольшой паркъ, ходящій подъ названіемъ Булонскаго лѣса.

Весь городъ расположенъ на холмистомъ берегу, который по мѣрѣ удаленія на югъ, къ Пиринеямъ, сначала возвышается надъ моремъ, а потомъ, подобно волнѣ, падаетъ и опять поднимается. Городъ не великъ и въ неправильномъ расположеніи домовъ и улицъ видна лихорадочная поспѣшность, съ которой Біаррицъ изъ деревушки обращается къ городъ. Самыя большія и наиболѣе оживленныя улицы «rue de France» и «Mazagran», носящая одинаковое названіе съ мѣстечкомъ въ Оранѣ (въ Алжирѣ), въ которомъ въ 1840 году 123 француза защищались противъ 12 тысячъ арабовъ. Эти улицы и прилегающія къ нимъ площади

(Belle Vue, S-te Eugénie, de la Mairie) наиболѣе изобилуютъ отелями, а слѣдовательно и иностранцами, отъ наплыва которыхъ французы защищаются съ меньшей отвагой и охотой, чѣмъ противъ арабовъ.

Кромѣ того, всякая дрянная улица имѣетъ свое «названіе»: «Croix-des-Champs», «rue des Basques», «rue d'Espagne», «d'Imprimerie», «Silhouette» и другія. Біарроты пока не столь самонадѣянны и еще не устроили у себя Петербургской или Берлинской улицъ, подобно парижанамъ, которые, считая свой городъ столицей земного шара, собираютъ названія со всей вселенной, и гдѣ у насъ скромная Гороховая или Мясницкая, тамъ у нихъ навѣрно была бы Неаполитанская или Миланская, въ память занятія этихъ городовъ русскими войсками, а вмѣсто Морской былъ бы Синопскій бульваръ.

Вліяніе Парижа на провинцію выражается въ подражаніи провинціальнаго города своей столицѣ; оно отражается на всей внѣшней, показной сторонѣ города, въ перениманіи названій, въ устройствѣ улицъ, въ архитектурѣ, въ отеляхъ и фіакрахъ. Объ этомъ обо всемъ заботятся торговцы и люди живущіе праздно своими доходами, которые незыблемо твердо убѣждены, что дальше Парижа идти нельзя и что Парижу достаточно поперхнуться, чтобы вся провинція закашляла.

Это вліяніе Парижа на верхній слой не унич-

тожаетъ однако въ конецъ своеобразной оригинальности беарнцевъ и гасконцевъ и, если приглядѣться внимательнѣе, то и у нихъ существуетъ что-то свое, что ихъ отличаетъ отъ населенія сѣверныхъ провинцій, или Бургундіи, или Прованса.

Поговорка «что не городъ, то нѝровъ», такъ идущая къ Россіи, гдѣ, напримѣръ, между Москвой и Петербургомъ столько же сходства, сколько между сапогомъ и перчаткой, поговорка эта подходитъ отчасти и къ французскимъ городамъ.

Я говорилъ выше, что число домовъ въ Біаррицѣ увеличивается съ лихорадочною поспѣшностью и что наплывъ путешественниковъ-французовъ и иностранцевъ въ особенности въ августѣ мѣсяцѣ бываетъ такъ великъ, что найдти помѣщеніе по близости отъ главнаго купальнаго мѣста бываетъ очень трудно и стѝятъ онѣ, во время лѣтняго сезона, довольно дорого. Одинъ постоянный обитатель Біаррица мнѣ говорилъ, что въ теченіи послѣдняго года было выстроено около восьмидесяти новыхъ домовъ. Если онъ ошибся, то я слагаю отвѣтственность на него. Впрочемъ, вспоминая крыловскую басню о римскомъ огурцѣ, я долженъ оговориться, что все это дома, кромѣ отелей, «маленькіе», двухъ и одно-этажные. Почва въ Біаррицѣ свѣтло-сѣрая и довольно твердая; послѣ дождя улицы высыхаютъ довольно скоро; правда, что онѣ всѣ шоссированы.

Особымъ богатствомъ растительности Біаррицъ похвастаться не можетъ: въ городѣ кое-гдѣ на улицахъ попадаются каштановыя деревья и нѣсколько жиденькихъ садиковъ. Лѣсокъ съ сѣверной стороны постепенно вырубается; онъ состоитъ изъ особой породы сосны съ мягкими иглами, далеко не достигающей такихъ размѣровъ, какъ наша сѣверная сосна и не имѣющей здороваго аромата послѣдней. Крутые береговые склоны также мѣстами покрыты этими соснами.

Къ самому берегу моря, гдѣ образуется съ сѣверной стороны широкая песчаная отмель ведутъ крутыя и извилистыя дорожки. Это называется — «Grande Plage». Здѣсь на отмели стоитъ длинное деревянное зданіе съ галереей для защиты отъ солнца и гулянья во время дождя. Зданіе раздѣлено на двѣ половины — мужскую и дамскую, но подъ конецъ сезона, когда число купающихся значительно уменьшается, дамы и кавалеры раздѣваются на одной половинѣ. Внутри барака устроены небольшія кабинеты для раздѣванья и отгорожены отдѣленія для кассы и храненія простынь и купальныхъ костюмовъ. «Grande Plage» весьма слабо вдается въ берегъ, волненіе во время вѣтра здѣсь порядочное и немного только умѣряется цѣпью отдѣльныхъ скалъ, торчащихъ изъ моря съ южной стороны и постепенно уменьшающихся и обращающихся въ большіе камни, по мѣрѣ удаленія въ море. Это наиболѣе удоб-

ное и пріятное мѣсто для купанья и для прогулокъ.

На югъ, вдаль моря, видъ берега очень живописенъ. На ближайшія скалы перекинуты мостики, дорога то идетъ низомъ около «большой рыболовной тони», то подымается наверхъ берега, въ которомъ океанъ промылъ причудливые заливчики и подземные каналы, съ нависшими громадными глыбами земли, готовыми обрушиться вмѣстѣ съ домами, стоящими на самомъ краю. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, по распоряженію города, уже не живутъ, такъ какъ они того и гляди обратятся въ развалины. Такимъ образомъ, море ведетъ постоянную борьбу съ людьми и въ особенности съ содержателями отелей и разныхъ меблированныхъ домовъ. Эти господа стараются пріобрѣсть мѣста на самомъ берегу, чтобы быть поближе къ купаньямъ, а слѣдовательно, и къ карманамъ путешественниковъ, а море, въ которомъ не мало потоплено золота и дно еще «дорогія жемчужины таитъ», медленно, но вѣрно разрушаетъ ихъ ловушки и гонитъ назадъ отъ берега.

Затѣмъ слѣдуетъ «Vieux-Port». Тутъ море довольно круто вдается въ берегъ и образуетъ маленькій заливъ съ неширокимъ проходомъ въ океанъ и защищенный высокими берегами отъ вѣтра. Черезъ заливъ перетянутъ канатъ. Здѣсь также устроены кабины. Волненія почти никакого; во «Vieux-Port» купаются болѣе слабые и больные люди, на которыхъ дѣйствуетъ сильный ударъ морской волны. Для желающихъ принять ванну изъ

нагрѣтой морской воды имѣется на верху особое зданіе; а если кто хочетъ посовѣтоваться по части температуры, химическаго и физическаго дѣйствія морской воды, то для этого наѣзжаютъ отовсюду французскіе доктора, которые выдумаютъ вамъ какую угодно болѣзнь и какъ хотите васъ напугаютъ. Однимъ словомъ — все есть, были бы деньги... Далѣе, по направленію къ Испаніи, берегъ идетъ почти въ прямой линіи, дѣлается круче и почти безъ отмелей опускается въ море. За городомъ онъноситъ названіе «Côtes des Basques». — Тамъ, въ сторонѣ, на дорогѣ, попадаются виллы богатыхъ иностранцевъ и между прочимъ удивительная вилла одной англійской леди. Эта леди, по словамъ мѣстныхъ жителей, весьма оригинальная особа, живетъ одна, днемъ занимается живописью, а по вечерамъ тянетъ въ одиночку хересъ въ большомъ количествѣ.

II.

Наши соотечественницы за границей. — Незнакомка и морскія волны. — Купальные костюмы. — Поэтъ-пирожникъ.

—

Въ день пріѣзда я порядочно раскаявался въ томъ, что меня попутало посѣтить Біаррицъ и я невольно вспоминалъ совѣты, которые давали мнѣ въ Парижѣ разные знатоки сезоновъ. Небо было пасмурное и цѣлый день шелъ проливной дождь, придавая крайне невеселый видъ этому малень-

кому городу. Въ моей комнатѣ было темно и даже холодновато. Цѣлую ночь гудѣлъ вѣтеръ и хлопалъ чѣмъ-то объ стѣну. «Вотъ тебѣ и купанье!..» думалъ я, кутаясь въ одѣяло. Черноволосыя и сухощавыя горничныя съ строгими глазами, въ бѣлыхъ чепчикахъ и передникахъ напоминали мнѣ почему-то не то монастырь, не то госпитальную прислугу. Завтракалъ я одинъ, а къ обѣду спустился въ общую столовую. Тамъ уже сидѣло нѣсколько мужчинъ съ физіономіями кислыми и серьезными и между ними какое-то существо средняго рода, — португальскій маркизъ, поджарый и тощій, съ необыкновенно пискливымъ голосомъ, точно ему кто-нибудь вставилъ въ горло стручекъ отъ акаціи, на которыхъ обыкновенно дудятъ маленькія дѣти. Ко мнѣ подошелъ бритый гарсонъ съ небольшими баками около ушей и прической à la Capoul и, подавая карточку, спросилъ желаю ли я обѣдать.

— Какъ васъ зовутъ, любезный другъ? спросилъ я.

— Пьеръ, къ вашимъ услугамъ... Это имя часто встрѣчается на нашей сторонѣ, но оно не хуже другихъ...

— Не только что не хуже, но даже лучше; у насъ, у русскихъ, есть Акакій и Акулина.

Пьеръ улыбнулся.

Желая его задобрить и видѣть хотя одно лицо, расположенное ко мнѣ, я ему сказалъ:

— Вы знаете, Пьеръ! Вы ужасно красивый мужчина...

— О, да m-eur! Я самъ это знаю...

— Я думаю всѣ біарротки отъ васъ безъ ума?

Задумавшись на нѣсколько секундъ, очаровательный Пьеръ отвѣчалъ:

— Я не скажу, чтобы мнѣ не везло, но не всѣ, m-eur, о, нѣтъ, далеко не всѣ...

— Очень жаль; но за то у васъ ужасно скучно: вы надуваете иностранцевъ. Что такое вашъ Біаррицъ?—гадость.

— Помилуйте, m-eur... У насъ прекрасно... Помѣщенія отличныя... Столъ превосходный: вы имѣете рыбу, креветокъ, устрицы, испанскій виноградъ, а вино самое здоровое, какое только есть во Франціи... Морской видъ удивительный. Наконецъ, купанья... Жаль, что вы пріѣхали немного поздно: парижскій бомондъ разъѣхался... Но за то здѣсь много русскихъ дамъ... Въ Байонѣ — театръ, а въ казино каждую недѣлю танцуютъ и цѣлый день можно играть въ баккара и въ маскоттъ... Наконецъ, по улицамъ ходятъ итальянцы съ мандалинами... О! у насъ превеселый городъ...

Въ это время подошли дамы съ букетиками фіалокъ, розъ и вервены, усѣлись за столомъ и стали съ аппетитомъ кушать; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли видъ необыкновенно веселый, любопытный и довольный, точно онѣ совершили какое-нибудь необыкновенное дѣло или сдѣлали какое-нибудь удивительное открытіе, такое удивительное, что даже, ожидая всего отъ заграницы, этого уже никакъ не ожидали. По этимъ признакамъ

я узналъ своихъ дорогихъ соотечественницъ. Тутъ же за общій столъ подсѣлъ красивый молодой французъ, съ добрыми глазами и застѣнчивой улыбкой.

Онъ оказался впослѣдствіи кирасиромъ и скромнымъ, но неизмѣннымъ поклонникомъ русскихъ дамъ.

Что касается русскихъ дамъ, то одинъ опытный русскій путешественникъ совѣтовалъ мнѣ, находясь заграницей, бояться ихъ какъ огня и по возможности избѣгать, если я желаю что нибудь видѣть и разглядѣть, кромѣ своихъ прекрасныхъ землячекъ. «Я ужь это знаю по опыту, говорилъ онъ, только-что познакомятся съ вами заграницей, сейчасъ начинаютъ укорять, почему раньше не представился и должно быть въ наказаніе поятъ «настоящимъ» московскимъ чаемъ, котораго онѣ привозятъ съ собой по пяти фунтовъ и отъ котораго не спишь цѣлую ночь. А потомъ обращаютъ въ своего раба и заставляютъ съ собою ѣздить на разныя увеселительныя прогулки, на лодочкахъ, на лошадкахъ и въ колясочкахъ смотрѣть разные виды, отъ которыхъ тоска забираетъ»... Это впрочемъ мнѣ говорилъ господинъ весьма угрюмый и староватый, который на самомъ дѣлѣ привезъ бы своихъ не то что пять, а двадцать пять фунтовъ чаю, чтобы сдѣлаться добровольнымъ оруженосцемъ молодой и красивой русской путешественницы, то есть таскать за ней зонтики, вѣеръ, мантилью, романъ Додэ, букеты и всѣ покупки, какія она сдѣлаетъ на до-

рогѣ. Такимъ образомъ, я думаю, что онъ былъ неправъ и хотя испорченныхъ мужчинъ и тянетъ къ иностранному, а все-таки милыя землячки прекрасны и имѣютъ свои оригинальныя прелести и тайны...

Единственное развлеченіе въ первый день пріѣзда мнѣ доставилъ поэтъ-пирожникъ, расхаживавшій по городу съ корзинкой за спиною и воспѣвавшій въ стихахъ собственнаго сочиненія свои пирожки. Я записалъ одно изъ такихъ стихотвореній и для образца привожу одинъ куплетъ:

Allons, messieurs et mesdames!
Dépechez vous à venir,
Voici la boutique du Croumis;
Il y a toujours un employé,
Bien disposé à vous servir.
Oh! qu'ils sont bons, qu'ils sont jolis!
C'est des vrais gâteaux de Paris;
Qu'ils sont bons et qu'ils sont fins;
C'est des gâteaux républicains,
Dont les réactionnaires se régaleront très bien,
A condition qu'ils m'en achètent, le comprenez vous bien!
. . . .

Эти прибаутки, хотя и не особенно остроумны, оказывается, употребляются французскими пирожниками, также какъ и нашими московскими; только у насъ онѣ не имѣютъ политическаго характера; за то наши пирожники — даже безграмотные — болѣе забавны и образны въ своихъ выраженіяхъ...

Подъ утро подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, который обыкновенно приноситъ въ Біаррицъ

ясную погоду. Сквозь разорванныя облака выглянуло солнце и заиграло на волнахъ океана. Съ перемѣной погоды измѣнилось и мое скверное расположеніе духа и я увидѣлъ, что Біаррицъ вовсе не такъ дуренъ, какъ онъ мнѣ показался вчера, во время дождя. Я всталъ довольно рано и, увидѣвъ въ окно лазоревое небо, отправился осматривать городъ и его народонаселеніе.

Для приданія живости и интереса описанію этого осмотра слѣдовало бы, по совѣту одного извѣстнаго русскаго литератора, дать ему интересное названіе, вродѣ «незнакомка и морскія волны» и начинать приблизительно такъ: ..... на колокольнѣ часовни св. Мартина пробило десять. Тротуары подсохли и изъ дверей одной изъ гостинницъ на улицѣ «Mazagran» вышелъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати. Солнце выглянуло изъ-за тучъ, убѣгавшихъ въ безпорядкѣ за Пиринеи, и заиграло на маковкѣ его шляпы. На пути ему попадались на каждомъ шагу цвѣточницы, предлагавшія небольшіе, но хорошенькіе букеты изъ розъ и фіалокъ, хотя сами цвѣточницы не отличались красотой. Купивъ нѣсколько цвѣтковъ у одной нихъ и бросивъ Бертѣ (ее звали Бертой) въ корзинку двухъ франковую монету, молодой человѣкъ перевелъ взоры въ сторону, гдѣ изъ узкой улицы, круто спускавшейся къ морю, приближались чьи-то легкіе шаги и доносился серебристый смѣхъ. Вскорѣ показались три прелестныя дѣвицы, оказавшіяся

впослѣдствіи дочерьми одного испанскаго гранда, которыя, рѣзвясь, и живо перебрасываясь словами на своемъ благозвучномъ языкѣ, давали возможность различить гибкость и прелесть своего стана и знойную поспѣшность своихъ южныхъ натуръ.

— Хороши... пробормоталъ молодой человѣкъ; даже очень недурны... Но еще молоды...

И затѣмъ, послѣ краткаго размышленія, сталъ спускаться постепенно по разнымъ улицамъ и аллеямъ внизъ къ «Grande plage'у». По дорогѣ, у дверей нѣкоторыхъ отелей, сидѣли хозяйки, изящно одѣтыя и причесанныя, съ вышиваніемъ въ рукахъ, бросающія необыкновенно кроткіе взгляды на всякаго проходящаго путешественника или путешественницу и какъ бы стараясь этимъ изяществомъ и этою кротостію переманить къ себѣ лишняго постояльца и заставить взять пустой номеръ съ полнымъ пансіономъ и съ отличнымъ видомъ изъ оконъ (изъ окна всегда что-нибудь видно). Спускъ къ морю шелъ по извилистой аллеѣ между маленькими соснами и цвѣтниками. Передъ молодымъ человѣкомъ открылся видъ на безграничное море съ бѣлымъ парусомъ на горизонтѣ и онъ, остановившись на мгновеніе, казалось взорами хотѣлъ поглотить эту дивную картину. «Отсюда править міромъ я могу»... почему-то пришло ему въ голову. Потомъ, вдохнувъ полною грудью морской воздухъ, онъ пошелъ дальше, ускоряя шаги... Ему уже оставалось немного, чтобы спуститься на

плоскій песчаный берегъ, какъ вдругъ, на поворотѣ, онъ очутился неожиданно лицомъ къ лицу съ молодой дамой, которая шла въ задумчивости, держа въ рукахъ легкій «ombrelle» и «m-me de Bovary» Флобера. Она на него взглянула съ удивленіемъ и даже испугомъ.

«Это онъ», подумала она...

«Это она», подумалъ онъ.

Ее нельзя было назвать красавицей, но чѣмъ-то необыкновенно привлекательнымъ вѣяло отъ всей этой стройной и граціозной фигуры. Они разошлись, не сказавъ другъ другу ни слова; это и понятно: они не были знакомы. Молодой человѣкъ нахмурился. На лицѣ его отразилась беззавѣтная рѣшимость.

«Завтра, прошепталъ онъ, когда на часовнѣ с. Мартина пробьетъ опять десять, она уже будетъ моею». И блаженная улыбка разлилась по его лицу и даже даже кажется по волнамъ океана...

Продолжая въ такомъ родѣ, можно было бы, какъ бы мимоходомъ, разсказать все, что я знаю о Біаррицѣ, ничуть не утомляя читателя, который даже торопился бы прочесть мои «впечатлѣнія», интересуясь чѣмъ кончится неожиданная интрига между неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ и неизвѣстною молодою дамою, которые гораздо болѣе извѣстны автору, чѣмъ другъ другу. Но, не желая утомлять себя, я буду продолжать такъ, какъ началъ.

Въ хорошую погоду, передъ завтракомъ, т. е.

до полудня, на «Grande plage» царствуетъ оживленіе. Большинство въ это время купается... Нарядныя и здоровыя дѣти бѣгаютъ босикомъ н капаются въ рыхломъ пескѣ, оглашая воздухъ веселымъ смѣхомъ. Нѣкоторые дамы и кавалеры сидятъ, кто подъ навѣсомъ галлереи, кто въ креслахъ, поставленныхъ прямо на песокъ, читаютъ книги, смотрятъ на купающихся и на море, волны котораго добѣгаютъ до ихъ ногъ, и вдыхаютъ въ себя бризу, т. е. волны морского вѣтра, сильно насыщенныя наэлектризованными парами и особеннымъ запахомъ моря... Въ разгаръ сезона публики бываетъ такое множество, что кабины всегда заняты и опоздавшимъ нерѣдко приходится ждать, когда для нихъ освободится мѣсто. Сразу купается иногда до ста человѣкъ. Берегъ покрытъ изящно одѣтыми дамами и кавалерами, которые отсюда разгуливаютъ по направленію къ рыболовной тонѣ и на сѣверъ, къ маяку и на ферму пить молоко.

Въ это время обыкновенно пріѣзжаютъ вслѣдъ, за разными львицами и тигрицами свѣта и полусвѣта, парижскіе рисовальщики и каррикатуристы на ловлю темъ въ морскихъ волнахъ, а бульварные романисты среди знакомыхъ лицъ, но при иной обстановкѣ, придумываютъ сюжеты для своихъ зимнихъ произведеній. Біаррицъ, впрочемъ настолько невеликъ и въ указанное время такъ многолюденъ, что въ немъ можно откровенно вздыхать только ночью и при лунѣ: поэтому въ Біаррицѣ совершаются только за-

вязки романовъ, а за развязками предусмотрительныя дамы уѣзжаютъ въ окрестности Біаррица, въ По или Перпиньянъ.

На купальные костюмы у каждаго купальнаго мѣста есть своя мода. Прежде костюмы шились въ обтяжку изъ фланели и отдѣлывались шерстяными лентами разныхъ цвѣтовъ. Въ Остенде и, кажется, въ Трувиллѣ такая мода сохранилась до сихъ поръ. Нѣкоторыя дамы пользовались этимъ; носили панталоны выше колѣнъ, чтобы показать свои бѣлыя и красивыя икры и сильно декольтировались сверху. Въ водѣ костюмъ обтягивается и формы обрисовываются черезчуръ ясно. Понятно, что такая, если можно такъ выразиться, «постановка вопроса» привлекала любопытныхъ мужчинъ; иной противный мужчина и завтракъ и обѣдъ позабудетъ и все стоитъ да смотритъ на «формы» съ такимъ терпѣніемъ, какого конечно ни къ чему иному не прилагаетъ.

Нѣсколько молодыхъ франтовъ соберутся у самой воды, гдѣ стоитъ беньеръ съ покрывалами купающихся, и пропускаютъ мимо себя, какъ на парадѣ, хорошенькую женщину, которая бѣжитъ нетвердо по рыхлому песку, семеня обнаженными ножками и прижимая почему-то непремѣнно одну руку къ груди, краснѣетъ и сгибаетъ головку подъ любопытными и веселыми взглядами, а въ душѣ конечно довольна, что на нее смотрятъ.

— Какіе наглые мальчишки... говоритъ она,

прогуливаясь, послѣ купанья, подъ руку съ мужемъ—просто невозможно купаться...

И онъ совершенно искренно раздѣляетъ негодованіе своей супруги.

Вѣроятно, вслѣдствіе давленія, оказаннаго мужьями, болѣе скромными дамами и тѣми, которыя нехорошо сложены, купальный костюмъ въ Біаррицѣ измѣнился къ «худшему». За нѣсколько недѣль до моего пріѣзда, меръ города выслалъ одну русскую даму, за то что она слишкомъ мало на себя надѣвала и тѣмъ обращала слишкомъ много на себя вниманія. Теперь костюмъ состоитъ изъ широкой рубашки съ короткими рукавами и поясомъ и широкихъ панталонъ до колѣнъ изъ шерстяной матеріи, обыкновенно синяго цвѣта, отдѣланной бѣлыми или красными лентами. Мужчины носятъ тоже самое. На ноги нѣкоторые надѣваютъ холщевыя туфли съ лентами, которыя оплетаются на крестъ вокругъ ступни, придавая туфлямъ видъ сандалій. При выходѣ изъ кабины, большинство накидываетъ на себя нитяный пеноаръ съ рукавами, а дамы кромѣ того надѣваютъ на голову соломенныя шляпки, которыя почти совсѣмъ закрываютъ съ боковъ лицо. Нѣкоторыя до того стыдливы, что заставляютъ себя подносить къ водѣ въ особыхъ крытыхъ портшезахъ. Что же касается болѣе южныхъ купальныхъ мѣстъ, какъ напримѣръ, въ Неаполѣ, то тамъ опять своя мода. Итальянскіе мужчины купаются въ однихъ панталонахъ, вѣроятно, отъ

жары; о дамахъ же неслышно, чтобы они купались въ такомъ костюмѣ.

III.

Кабины и беньеры.—Океанъ ночью.—Маякъ.—Акварій и пьевры.— Фонтараби. —Жители города. — О нравственности вообще и лицемѣрной нравственности въ особенности. — Странствующіе музыканты. — Походный циркъ.

При входѣ въ зданіе, гдѣ устроены кабины для раздѣванія, виситъ такса, въ которой означены всевозможныя комбинаціи вещей, какія вы можете потребовать въ купальнѣ, и цѣна каждой изъ нихъ. Кто пришелъ ни съ чѣмъ и желаетъ выкупаться, тотъ можетъ на мѣстѣ получить все необходимое, т. е. рубашку, панталоны, туфли, покрывало, полотенце, кабину для раздѣванія, горячую воду для ногъ послѣ выхода изъ моря и купальщика, который провожаетъ васъ въ море и смотритъ, какъ вы будете тонуть. За это полное собраніе платится около полутора франковъ. Всѣ купальщики изъ мѣстныхъ жителей, здоровые и загорѣлые люди. Несмотря на то, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ свои дома въ Біаррицѣ, они тѣмъ не менѣе не брезгаютъ скучною обязанностью «беньера». Каждый «беньеръ» старается пріообрѣсти больше постоянныхъ кліентовъ и передъ ихъ отъѣздомъ разноситъ для памяти свои визитныя карточки, чтобы не быть позабытыми и въ будущій се-

зонъ. У меня сохранилась такая карточка съ надписью: «Jean—Baptiste Fourneau. Baigneur. Grande plage. Biarritz». Этотъ Фурно очень толстый мужчина, выпивающій послѣ каждаго купанья по большой рюмкѣ коньяку, но несмотря на то, что холодная вода мало ему пріятна, продолжаетъ лазить въ море до самаго конца осени. Купальщики всѣ одѣты въ однообразный костюмъ, состоящій изъ широкополой шляпы и кожанныхъ или клеенчатыхъ куртки и штановъ. Главнымъ образомъ купальщики служатъ дамамъ, дѣтямъ и больнымъ, держатъ ихъ за руки въ водѣ, когда набѣгаетъ морская волна, или стоятъ около и слѣдятъ, чтобы тѣ не зашли слишкомъ далеко отъ берега. Во время свѣжаго вѣтра и сильнаго волненія администрація купаленъ не допускаетъ никого въ воду безъ «беньера», взыскивая, конечно за это пятьдесятъ сантимовъ. Подъ конецъ сезона, чтобы увеличить чѣмъ нибудь доходъ, въ кассѣ постоянно навязываютъ вамъ купальщика.

— Да мнѣ не надо, говорите вы, я и такъ хорошо плаваю...

— Вы можете плавать какъ вамъ угодно, серьезно и наставническимъ тономъ говоритъ вамъ купальщикъ... И лучше васъ плавали, m-eur, да погибали... Мы не хотимъ за васъ отвѣчать... Если вы неосторожны, такъ мы о васъ позаботимся...

— Обо мнѣ не надо заботиться; я самъ далеко пе пойду отъ берега...

— Это ничего не значитъ, m-eur, вы не знакомы съ моремъ, а мы его знаемъ какъ свои пять пальцевъ... Беньеръ вамъ скажетъ: идите сюда, не ходите туда... Тутъ вамъ можно, а тамъ вамъ нельзя купаться... Беньеръ васъ всегда направитъ какъ слѣдуетъ... Посмотрите, какая теперь погода: Боже сохрани! Въ морѣ такія теченія, что и не выберешься, если зайдешь далеко... Нѣтъ, безъ беньера нельзя...

Въ океанѣ дѣйствительно существуютъ около берега особыя подводныя теченія, которыя могутъ подхватить и отнести довольно далеко. Для тѣхъ, кто хорошо плаваетъ, они не особенно опасны; на извѣстномъ разстояніи отъ берега теченіе ослабѣваетъ и тамъ уже нетрудно изъ него выплыть и вернуться обратно. Хотя плавать въ океанѣ во время сильнаго волненія очень трудно, но не смотря на это, даже при 11° R. въ водѣ, холодъ испытывается только до перваго вала; онъ набѣгаетъ на васъ, высоко хлещетъ черезъ голову и ударяетъ съ такой силой, что тѣло быстро согрѣвается. Если кто не успѣетъ приготовиться къ волнѣ, то она подхватываетъ его какъ перышко, и быстро выноситъ ва берегъ.

Въ этомъ купаньи среди большихъ и пѣнистыхъ валовъ заключается особенное наслажденіе, вслѣдствіе чего въ закрытомъ мѣстѣ, какъ Vieux-Port, мало кто купается изъ настоящихъ любителей.

Послѣ утренняго купанья обыкновенно совер-

шается прогулка по берегу. Многіе, чтобы побольше дышать морскимъ воздухомъ, гуляютъ даже подъ зонтикомъ во время дождя. Хотя эта прогулка и довольно однообразна, но любители моря не скучаютъ и находятъ, что океанъ безконечно прекрасенъ и разнообразенъ.

Надо признаться, что во время свѣжаго вѣтра, ночью, когда по темному небу быстро носятся разорванныя облака, то набѣгая на луну, то ее открывая, океанъ представляетъ истинно величественную картину. Поверхность его на значительное протяженіе покрыта густой пѣной, причудливо блистающей и бѣлѣющей отъ луннаго свѣта. Около берега валы съ яростнымъ рокотаніемъ бѣгутъ за валами, точно колонна отчаянно наступающихъ воиновъ, и съ страшной силой ударяютъ объ отвѣсныя части берега и утеса; отъ этого удара клочья пѣны и крупныя брызги высоко взлетаютъ на воздухъ, сверкнувъ на нѣсколько мгновеній въ ночной полутьмѣ. На пологомъ берегу волна, мельчая, набѣгаетъ на землю, какъ будто стараясь догнать кого-нибудь и, оставивъ на пескѣ клубы пѣны, слабѣетъ и отступаетъ назадъ, чтобы собраться съ новыми силами. Вода чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ кажется чернѣе и за дальними утесами сливается съ воздухомъ и облаками въ одну темную массу, изъ которой вдругъ, какъ какое-нибудь громадное чудовище, поднимается темный валъ, пѣнится и исчезаетъ въ той же тьмѣ и прибавляетъ свой могучій голосъ къ общему гулу и

реву моря, который не умолкая несется отовсюду. Это такая картина, кто всякій, еще не привыкшій человѣкъ, проходя по береговой сторонѣ, невольно остановится и долго будетъ стоять задумавшись, глядя на эти ревущія волны.

Особыхъ достопримѣчательностей въ Біаррицѣ, кромѣ маяка, на который всѣ взбираются и затѣмъ росписываются въ особой книгѣ, и акварія морскихъ рыбъ и животныхъ, устроеннаго на рыболовной тонѣ, нѣтъ. Акварій не особенно великъ, но въ немъ можно видѣть, между прочимъ, пьевру или осьминога—отвратительнѣйшее изъ морскихъ животныхъ, которое описалъ нѣсколько фантастично Викторъ Гюго въ своемъ романѣ «Труженики моря». Тамъ герой романа неожиданно подвергается нападенію большой пьевры и, только благодаря своей ловкости и физической силѣ, весь израненый, выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы. Въ одномъ изъ романовъ Жюля Верна осьминоги невѣроятныхъ размѣровъ останавливаютъ движеніе подводнаго судна «Наутилусъ»; судно принуждено подняться на поверхность воды, чтобы тамъ дать возможность экипажу вступить въ борьбу съ чудовищами. Такихъ пьевръ въ Біаррицѣ нѣтъ, да, вѣроятно, онѣ и существуютъ только въ воображеніи названныхъ писателей, но небольшія попадаются, по словамъ жителей, довольно часто. Вслѣдствіе скверной привычки хватать все, что плыветъ около, пьевры, какъ говорятъ, цѣпляются иногда за ноги купающихся. Обыкновенно онѣ держатся

въ темныхъ разщелинахъ скалъ, между камнями, гдѣ онѣ мало замѣтны, вслѣдствіе своего безформеннаго вида и сѣроватаго цвѣта; здѣсь онѣ караулятъ рыбъ и разныхъ мелкихъ морскихъ животныхъ; затягиваютъ къ себѣ и засасываютъ. Во время отлива, когда между утесами освобождается отъ воды часть каменистаго дна, рыбаки ходятъ тамъ, засучивъ выше колѣнъ свои штаны, и ловятъ пьевръ особенными двузубцами, съ повязанной на нихъ тряпкой. Пьевра, принимая тряпку за рыбу, бросается на нее и въ это время ее стараются приколоть двузубцемъ, такъ какъ эта гадина настолько эластична, что поймать ее очень трудно. Прибрежные жители ее чистятъ, варятъ изъ нея супъ и утверждаютъ, что онъ очень вкусенъ. Это показываетъ, что изъ всякой гадости можно извлечь пользу.

Какъ и слѣдовало ожидать, я перезнакомился съ своими соотечественницами, жившими со мной въ одномъ отелѣ, и право въ этомъ не раскаяваюсь, такъ какъ всѣ онѣ оказались премилыя особы. Съ мужчинами меньше церемоній, чѣмъ съ дамами и поэтому къ концу октября, когда Біаррицъ значительно опустѣлъ, мы всѣ почти знали другъ друга. Кавалеровъ оказалось вдвое менѣе чѣмъ дамъ и поэтому намъ по нѣскольку разъ приходилось ѣздить въ качествѣ оруже-

носцевъ въ Байону, Сенъ-Жанъ-де-Люсъ, въ Фуентарабію и другіе городочки, расположенные въ окрестностяхъ, которые, за исключеніемъ послѣдняго, даже менѣе живописны, чѣмъ Біаррицъ.

Въ Фуентарабіа или, какъ ее называютъ французы, Фонтараби ѣздятъ отчасти потому, что это ближайшій испанскій городъ, расположенный у устья р. Бидассоа, недалеко отъ Ируна. Здѣсь можно видѣть нѣсколько старинныхъ улицъ испанскаго характера — узкихъ, съ окнами, снабженными маленькими чугунными балкончиками, любопытныхъ женщинъ, выглядывающихъ во всѣ эти окна, дерзкихъ мальчишекъ, выпрашивающихъ денегъ и ветхія развалины укрѣпленій и большой башни, съ которой открывается прекрасный видъ на красивую Бидассоа съ зелеными островками и на Пиренеи. Кромѣ того, надъ самымъ берегомъ рѣки стоитъ окруженное красивымъ садикомъ небольшое казино съ рулеткой, привлекающей любителей. Конечно, настоящей игры, какъ въ Монако, здѣсь не увидишь. Въ Байону ѣздятъ за нѣкоторыми покупками и въ театръ, на которомъ даютъ небольшія пьесы и комическія оперы. Въ Байонѣ военный второразрядный портъ, крѣпосца старинняго начертанія, старинный соборъ и скука. Еще менѣе занятенъ Сенъ-Жанъ-де-Люсъ: здѣсь и море, скованное довольно глубоко вдающимся берегомъ, не шумитъ и не играетъ, какъ въ Біаррицѣ и однообразные, тихіе удары широкой волны о

набережную напоминаютъ глубокій, сдержанный вздохъ человѣка.

Съ окончаніемъ лѣтняго сезона, жизнь въ Біаррицѣ идетъ мирно и однообразно. Здѣсь, какъ и вездѣ, имѣется большое казино, освѣщаемое по вечерамъ электрическими фонарями Яблочкова. Залы и галлереи казино особенно наполняются лѣтомъ. Но и осенью въ игорныхъ комнатахъ можно встрѣтить достаточное число страстныхъ любителей игры въ баккара и въ маскоттъ (родъ дозволенной рулетки), преимущественно испанцевъ и португальцевъ, проигрывающихъ состояніе своихъ женъ и приданое дочерей. До первыхъ чиселъ октября заѣзжіе артисты даютъ въ казино небольшіе концерты; кромѣ того, еженедѣльно бываютъ танцовальные вечера. На зиму, какъ я уже говорилъ, пріѣзжаетъ много американцевъ съ своими дамами и дѣтьми, которыя цѣлый день бѣгаютъ и играютъ на берегу и выкапываютъ ямы и маленькія крѣпости въ рыхломъ морскомъ пескѣ. Американки днемъ занимаются хожденіемъ взадъ и впередъ по «Grande plage» или катаются въ шарабанахъ самыхъ причудливыхъ формъ, запряженныхъ маленькими пони, а по вечерамъ собираются въ гостиной отеля, поютъ подъ фортепьяно томные романсы и устраиваютъ танцы; старухи же въ это время сидятъ по угламъ и искоса наблюдаютъ за молодыми.

Жители города — беарнцы и отчасти баски. Вслѣдствіе здороваго климата народъ здѣсь все

крѣпкій и сильный. Простолюдины одѣваются въ синія куртки и блузы, а на головѣ носятъ береты разныхъ яркихъ цвѣтовъ, очень идущіе къ ихъ загорѣлымъ и нѣсколько строгимъ лицамъ.

По окончаніи работъ, когда на Біаррицъ спускается вечеръ, весь городъ слоняется по большимъ улицамъ взадъ и впередъ; курятъ, болтаютъ, поютъ и насвистываютъ. Отельная прислуга, рыбаки, купальщики и всякій рабочій людъ пріодѣваются почище и или гуляютъ, или набиваются въ кафе выпить вина, почитать газету и сыграть въ шашки. Горничныя, швейки и всякія другія дѣвы, обнявшись по три или по четыре, чинно прохаживаются по срединѣ улицы, пересказывая другъ другу разныя сплетни и посматривая на проходящихъ иностранцевъ. Вотъ проходитъ мимо веселая компанія мѣстной молодежи. Кто-нибудь подскакиваетъ къ прекраснымъ горничнымъ (а онѣ только этого и желаютъ) и выкидываетъ какую-нибудь шутку. Подымается шумъ, хохотъ, толкотня, не доходящія, впрочемъ, ни до чего серьезнаго, ибо всѣ эти дѣвы, толстѣющія отъ сплетень, несмотря на кажущуюся дружбу, зорко слѣдятъ другъ за другомъ; затѣмъ компаніи опять чинно расходятся. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ болѣе заинтересованнымъ въ любви лицамъ назначать другъ другу свиданія гдѣ-нибудь за маякомъ, или въ Булонскомъ лѣсу, или подъ скалой, а то и просто лѣзть черезъ окно; лишь бы все дѣлалось отчетливо, тонко и незамѣтно для глазъ.

Мало ли что говорятъ; лишь бы не видѣли. Въ этомъ, т. е. въ залѣзаніи въ окно и въ уличныхъ раутахъ и заключается главное развлеченіе біарротовъ.

Кромѣ того, есть второстепенные: это попугаи, которые торчатъ на жердочкѣ почти у каждаго окна содержательницъ меблированныхъ комнатъ, очевидно замѣняющіе маленькихъ комнатныхъ собачекъ; итальянскіе слѣпцы, играющіе цѣлый день гдѣ-нибудь на мандолинахъ и гитарахъ и собирающіе изрядныя деньги съ иностранцевъ и странствующія труппы актеровъ, ломающія комедію для простого народа. При мнѣ въ теченіи трехъ недѣль въ Біаррицѣ пользовался большимъ успѣхомъ походный циркъ.

Каждый день по всѣмъ улицамъ города разъѣзжала старая четырехмѣстная коляска съ выставленной сзади огромной афишей, на которой можно было прочесть о парфорсной скачкѣ на неосѣдланной лошади, объ удивительномъ упражненіи на воздушной трапеціи, о невиданномъ доселѣ бросаніи кинжаловъ въ живаго человѣка и такъ далѣе. Въ коляскѣ и на козлахъ сидѣли шесть музыкантовъ и играли какой-то адскій маршъ на четырехъ трубахъ и двухъ барабанахъ. Подобнаго рода реклама производила впечатлѣніе и циркъ, т. е. большой парусный балаганъ, всегда былъ полонъ. Я разъ зашелъ туда. Публика большей частью вся состояла изъ простонародья и дѣтей. Гимнасты и вообще всѣ артисты были неважные. Когда тощій содержа-

тель труппы съ лицомъ покойника сталъ представлять «каучуковаго человѣка» и просовывать свою блѣдную голову между ногами, покрытыми грязнымъ трико, и ползать на животѣ, какъ раненое пресмыкающееся, то даже невзыскательнымъ зрителямъ стало противно и они стали кричать: «довольно... довольно»! Другой мужчина, очевидно сильно выпившій, вывелъ толстую даму съ лицомъ намазаннымъ дешевыми румянами и съ такими толстыми ногами, будто онѣ были взяты на прокатъ у слона. Приставивъ ее къ доскѣ, мужчина сталъ метать въ нее кинжалами, стараясь ими очертить всю фигуру своей красавицы, и нѣсколько разъ промахивался. Быть можетъ, теперь она уже не существуетъ, павъ невинною жертвою весьма «виннаго» супруга.

.... Но кажется уже довольно о Біаррицѣ? Слишкомъ будетъ много чести для такого маленькаго мѣстечка—отводить ему много мѣста въ воспоминаніяхъ, хотя къ стыду своему я долженъ признаться, что могу о немъ написать еще столько и еще столько же. Какъ поэтъ—я забылъ прозу, а вы, читатель, можетъ быть интересуетесь — дорога ли тамъ жизнь?—Удовлетворяю ваше любопытство: за номеръ въ гостинницѣ, утреннее кофе, завтракъ изъ трехъ блюдъ и обѣдъ изъ пяти съ виномъ — я платилъ десять франковъ, что по курсу составляло четыре рубля. Дорого ли это или дешево, предоставляю судить вамъ.

1882 г. Октябрь.

II.

ИСПАНІЯ.

(впечатлѣнія)

ЗА ПИРЕНЕЯМИ.

I.

Испанскія чувства и краски.—Мои свѣдѣнія объ Испаніи.—Мнѣнія компетентныхъ лицъ. — Рѣка Бидасоа. — Баски.

—

Здѣсь, передъ бананами,—
Если не наскучу,—
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.
Будетъ въ нашей власти
Толковать о мірѣ,
О враждѣ, о страсти,
О Гвадалквивирѣ,
Объ улыбкахъ, взорахъ,
Вѣчномъ идеалѣ,
О терреодорахъ
И объ Эскурьялѣ...

Что это такое?.. Это маленькое путешествіе по Испаніи. Я вспомнилъ, что ничего вамъ не разсказалъ объ этой интересной поѣздкѣ и теперь

переношусь мысленно за Пиренеи. Сѣверъ меня утомилъ и я хочу успокоиться подъ голубымъ небомъ. Я не спрашиваю васъ, не боитесь ли вы утомиться сами моими письмами, потому что начинаю приходить къ убѣжденію, что на всѣ вкусы не угодишь, а свой собственный, пожалуй, и испортишь.

Кромѣ дневника, крайне сжатаго и необстоятельнаго, который я велъ въ Севильѣ всего нѣсколько дней, у меня никакихъ документовъ объ Испаніи не сохранилось. Послѣ быстрой и непродолжительной экскурсіи изъ Біаррица къ Кастилію, а изъ Кастиліи въ Андалузію, у меня осталось только сильное «чувство», безотчетное впечатлѣніе, голубыя, пунцовыя и розовыя краски и больше почти ничего. Но, къ великому моему огорченію и даже ужасу, я уже въ Парижѣ сталъ замѣчать, какъ изглаживается это чувство, какъ быстро смѣшиваются и тускнѣютъ эти краски и колориты, которыя я, незамѣтно для французской таможни, провезъ безпошлинно съ собой изъ Испаніи, взамѣнъ вѣеровъ и кружевъ, на которые такъ падки наши дамы...

Вотъ еще одна изъ важныхъ причинъ, почему, не окончивъ съ вами нашей бесѣды объ южной Франціи и, ограничиваясь Біаррицомъ, я перескакиваю на другой предметъ. Чтобы возобновить свои впечатлѣнія я кладу передъ собою фотографическія карточки хорошенькихъ испанокъ, закутанныхъ въ мантильи; нѣсколько нумеровъ ил-

люстрацій, изображающихъ бой быковъ; апельсинную вѣтку изъ Гренады и, какъ эта не странно, случайно сохранившійся счетъ изъ «Grand Hôtel de Madrid» въ Севильѣ. Всѣ эти жалкіе на видъ предметы пробуждаютъ однако воспоминанія; онѣ ростутъ и воплощаются подобно эльфамъ, принимаютъ краски и формы, собираются въ стройныя группы и возрождаютъ цѣльныя картины. Такъ точно, любимая женщина забываетъ у васъ иногда перчатку, ленточку или даже шпильку и вы, случайно взглянувъ на перчатку, конечно вспоминаете не о перчаточномъ магазинѣ, а о той, которая ее носила.

Самый не поэтичный изъ вышепоименованныхъ предметовъ это счетъ изъ отеля; Донъ-Кихотъ, когда ему подали подобный счетъ, сказалъ трактирщику, что онъ нигдѣ не читалъ, ни въ какихъ книгахъ, чтобы странствующіе рыцари возили съ собою деньги, но я, къ сожалѣнію, не рыцарь и ничѣмъ не могъ отвертѣться отъ уплатыты по счету. Теперь—къ дѣлу.

Въ Испанію я попалъ изъ Біаррица, гдѣ болѣе мѣсяца пользовался морскимъ климатомъ и купаньями. Это случилось въ ноябрѣ 1881 года. Въ это время, какъ вы помните, во всей Европѣ погода испортилась. Бурь было много. Въ Сѣверной Италіи были обширныя наводненія. Въ Біаррицѣ стало совсѣмъ нехорошо.

Этотъ маленькій городокъ съ его карточными домиками, отелями и обитателями совершенно

промокъ отъ непрерывнаго дождя. Вѣтеръ гудѣлъ и днемъ и ночью, не давая спать: то черепицу сорветъ съ крыши, то ставней хлопнетъ и такъ воетъ въ каминной трубѣ, что съ просонья думаешь, не начинается ли свѣтопредставленіе.

Тѣмъ не менѣе дома сидѣть скука. Развертываешь зонтикъ и, несмотря на то, что дождь сѣетъ со всѣхъ сторонъ, отправляешься на «Grande Plage».

Океанъ протяжно реветъ и плещетъ объ утесы; высокіе валы съ завороченными гребнями бѣлѣются отъ пѣны. Вѣтеръ выворачиваетъ зонтикъ въ противоположную сторону, какъ старый груздь. Штукъ пять или шесть голодныхъ собакъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, скачутъ по мокрому песку, лаютъ на морскую траву, которую неожиданно выброситъ вмѣстѣ съ клубами густой пѣны или отважно бросаются вплавь ловить птицъ, которыя низко летятъ надъ моремъ, садясь по временамъ на волну.

Подышешь «бризой», полюбуешься на море, которое, по словамъ поэтовъ, безконечно разнообразно, и не знаешь, что затѣмъ дѣлать.

Что дѣлать?.. Въ этихъ случаяхъ, то-есть когда не знаешь, что дѣлать, у русскаго человѣка сейчасъ же являются какія-нибудь мысли. Такъ и я въ эти минуты погружался въ размышленія о вліяніи погоды на расположеніе духа и приходилъ къ одному выводу, что чѣмъ хуже погода, тѣмъ чаще надо мѣнять свое мѣстопребываніе. Послѣдствіемъ этого вывода было то, что я сталъ

засматриваться на Пиринеи, и какой-то тайный голосъ мнѣ шепталъ: «поѣзжай въ Испанію... Въ Италію всѣ ѣздятъ, а въ Испаніи мало кто бываетъ; это чрезвычайно важно»...

Въ рѣдкіе ясные дни, когда капризный вѣтеръ, потянувъ съ сѣвера, разгонялъ черныя тучи, на югѣ открывались горныя цѣпи и испанскій берегъ Гасконскаго залива, уходившій на западъ и тамъ сливавшійся съ океаномъ и небомъ въ одну темносинюю даль... Правда, и шумные валы океана были хороши въ эти ясные дни: бѣлая пѣна казалась бѣлѣе и сверкала, какъ снѣгъ на солнцѣ; волны вблизи казались темнозеленыя, потомъ ясныя, какъ изумрудъ, потомъ бѣлѣлись около дальняго утеса, далѣе принимали янтарный оттѣнокъ, опять темнѣли и исчезали за какой-то легкой, но непроницаемой издали мглой или дымомъ.

Все это было хорошо, но не на долго, а главное не ново; а тамъ за горами все ново и не видано, а только извѣстно по наслышкѣ и представляется при сильномъ воображеніи.

Тамъ Донъ-Кихотъ, тамъ Санчо-Пансо, кастаньеты, площади auto-da-fé, Jerez de la Fronterra, торосъ и primera spada, вѣжливые разбойники и наглые нищіе, мавры и Джеральда; Мадридъ и какой-нибудь кабальеро, который несется по улицамъ этого города, «лицо плащемъ закрывъ, а брови шляпой» и спрашиваетъ — узнаютъ ли его здѣсь въ такомъ видѣ? оборванныя, грязныя дѣти красоты неописанной; Санхо Вели-

кій, Фердинандъ Святой—освободитель Севильи, Филиппъ II и Христофоръ-Колумбъ, открытіе Америки; Альказары и Аранхуэцъ; Альгамбра, арабески и осада Гренады; Донъ-Педро Жестокій и Марія Падилья; купальня Маріи Падильи, ножки Маріи Падильи, продѣтыя непремѣнно сквозь чугунныя перила. Мавры и гитаны. Севилья и Гренада при лунномъ свѣтѣ; шумитъ, бѣжитъ Гвадалквивиръ, и волнами играетъ прозрачный Хениль... Sant Jago! и вездѣ-то апельсины, и мирты, и лавры, и воздухъ напоенъ ароматомъ и теплотою, яркая луна виситъ на голубомъ сводѣ, гитара звенитъ и стонетъ по тамбурину, а тамбуринъ вздыхаетъ по гитарѣ. Рядъ пальмъ и платановъ и кипарисовъ, и мелькаютъ стройныя фигуры настоящихъ испанокъ, маленькія, сильныя ножки, улыбки, открывающія рядъ жемчужинъ, которыя одинъ нашъ общій знакомый сравнилъ съ газовыми рожками, пара (почему непремѣнно пара, а не два?) черныхъ глазъ, страстныхъ и пламенныхъ, какъ южное солнце, маленькая ручка въ черной перчаткѣ и съ чернымъ вѣеромъ, черная кружевная мантилья, исповѣдальница, шоколадъ съ ванилью, садъ и страстныя слова, лишенныя всякаго смысла, только ужасно страстныя и такіе же поцѣлуи и безъ всякаго угрызенія совѣсти...

Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его! Вотъ, что называется, недостойное легкомысліе и дѣтскіе мечты, скажутъ многіе серьезные люди. Можно ли взрослому человѣку, ужь

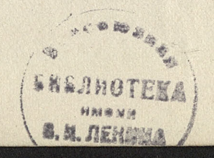
не говоря литератору, писать такой ералашъ? Что дѣлать! Я не дорожу, какъ говорилъ г-нъ Пушкинъ, «любовію народной», отъ серьезныхъ людей «похвалъ себѣ не жду», а только пишу въ свое и ваше удовольствіе; желаю вызвать на вашемъ утомленномъ лицѣ улыбку; желаю, чтобы среди трескучихъ морозовъ, смѣняющихся вдругъ гнилыми оттепелями, во время которыхъ плещутся въ грязной и холодной бурдѣ наши извочичьи сани и калоши, подъ сѣрымъ петербургскимъ небомъ, на которомъ не видать солнца, а какъ будто догараетъ сальный огарокъ, въ душной скучной квартирѣ, гдѣ только трещитъ мебель, да порхаетъ моль, чтобы васъ на нѣсколько минутъ озарила мечта о другомъ, болѣе горячемъ солнцѣ, о небѣ — небѣ болѣе синемъ и болѣе ясномъ, растительности нѣсколько болѣе богатой, чѣмъ наши дворницкія метелки и народѣ, слѣдовательно, болѣе счастливомъ на этотъ разъ. Разъ мы этого достигли, значитъ все обстоитъ благополучно, хотя бы нашъ «треножникъ» кто-нибудь и посягнулъ «колебать съ дѣтскою рѣзвостью»...

Итакъ, я продолжалъ засматриваться на Пиренеи и думалъ, не хватить ли мнѣ въ Испанію.

Впрочемъ это желаніе здѣсь болѣе или менѣе общее у всѣхъ путешественниковъ, засидѣвшихся въ Біаррицѣ, такъ какъ до границы какихъ-нибудь полчаса ѣзды.

Здѣсь какъ будто немножко и пахнетъ Испаніей.

Въ магазинахъ говорятъ по-испански, прода-

ютъ испанскіе ковры, кружева, виноградъ и «Rancio» — родъ дессертнаго вина; ходятъ испанскіе песеты и реалы, на половину фальшивые; на берегу нѣсколько аррагонцевъ въ толстыхъ вязанныхъ чулкахъ съ башмаками, бархатныхъ курткахъ и штанахъ съ краснымъ поясомъ и съ большимъ sombrero на головѣ, настойчиво предлагаютъ вамъ толедскіе ножи и кинжалы; они даже «примѣрно» закалываются передъ вами, чтобы показать, какъ искусно клинокъ входитъ въ назначенное для него углубленіе и этимъ доказываютъ испанскую кровожадность. Наконецъ, здѣсь всегда зимуютъ нѣсколько испанскихъ маркизовъ и дуковъ, съ остервѣненіемъ проигрывающихъ въ баккара и въ «маскотъ» приданое своихъ дочерей.

Рѣшивъ въ принципѣ посѣтить страну торроса и кастаньетъ, я сталъ собирать свѣдѣнія объ удобствахъ и неудобствахъ этого путешествія. Свѣдѣнія эти я собралъ отъ двухъ русскихъ дамъ, одной француженки, двухъ кавалеровъ и одного испанскаго маркиза.

Первая дама «не утерпѣла» и съѣздила въ Мадридъ лѣтомъ, гдѣ и пробыла всего два дня. Она нашла, что вагоны страшно грязны, что въ Пиринеяхъ было очень холодно ночью, а въ Мадридѣ было невозможно жарко. Въ одномъ изъ мадридскихъ кафе встрѣтила испанца удивительной красоты. Вотъ и все. Вторая дама призналась, что еще не была въ Испаніи, но

уже объявила своему мужу, что умретъ, если не увидитъ Альгамбры при лунномъ свѣтѣ.

Одинъ господинъ, знакомившій меня съ Испаніей, былъ тамъ, когда желѣзныя дороги еще составляли рѣдкость въ этой странѣ. Разсказывалъ много интереснаго.

— Въ Толедо, говорилъ онъ, въ тотъ же вечеръ, какъ я пріѣхалъ, влѣзли ко мнѣ два молодца въ окно. У каждаго по двѣ шпаги и по нѣскольку кинжаловъ. Я думалъ защищаться, а оказалось, что они просто пришли продавать оружіе собственнаго издѣлія...

Не безъ удовольствія вспоминалъ онъ также Севилью. «Тамъ на табачной фабрикѣ работаетъ около шести тысячъ женщинъ, одна другой лучше, и въ мое время крутили сигары не такъ какъ теперь, а по негритянски, «прямо» на колѣняхъ...

Представьте себѣ сразу двѣнадцать тысячъ колѣнъ.

Не мало интереснаго разсказывалось и о южныхъ танцахъ, которые гитаны танцуютъ на столѣ.

Второй кавалеръ, основательно изучившій южную Европу, объяснилъ мнѣ, что климатъ южной Испаніи — эксетирующій, т. е. «повышающій возбудимость, напряженность, дѣятельность кровеносной и нервной системъ и по своей сухости и другимъ условіямъ не годенъ для людей, которыхъ въ публикѣ называютъ нервными».

— Во всякомъ случаѣ, Андалузія чудесная страна. Растительность тропическая, нравы своеобразны и патріархальны. Женщины красивы и любятъ, когда за ними ухаживаютъ... Комплименты тамъ такъ и сыплютъ, такъ и сыплютъ... И это ничего... Еще недавно существовала рыцарская мода у кавалеровъ бросать свои плащи подъ ноги хорошенькимъ дамамъ...Если вы встрѣчаете на улицѣ напримѣръ, даму, которая вамъ нравится, то вы не только что можете, но даже должны говорить комплименты: «ваши ножки, синьора, не созданы для того, чтобы ходить... вашимъ глазамъ — мѣсто на небѣ; это звѣзды, а не глаза. Изъ вашихъ волосъ я, честное слово, надѣлалъ бы струнъ для своей гитары и все бы игралъ на ней... Наконецъ, я сожалѣю, что я не вашъ супругъ»... Все это въ обычаѣ. А ея мужъ, услышавъ такую лестную критику, обыкновенно отвѣчаетъ: «она ваша, если не противна вашей милости»... Но это, конечно, толъко на словахъ.

Испанскій маркизъ, какъ это ни странно, менѣе всего сообщилъ мнѣ интереснаго объ Испаніи. Онъ только сказалъ, что подтверждали и другіе, что въ одну сѣверную Испанію ѣхать не стоитъ, что въ Севильѣ и Гренадѣ надо побывать непремѣнно, и что въ Мадридѣ теперь устроенъ отличный водопроводъ... Вообще ему видимо непріятно было разсказывать о своей родинѣ и онъ все старался перевести разговоръ на воспоминанія о своей дружбѣ съ однимъ рус-

скимъ генераломъ, который, очевидно, оставилъ въ немъ неизгладимыя впечатлѣнія.

Вмѣстѣ со мной въ вагонѣ сидѣли одинъ русскій—г-нъ А* съ женою, англичанинъ съ толстымъ путеводителемъ въ рукахъ и два француза среднихъ лѣтъ, изъ коихъ одинъ оказался шелковый фабрикантъ и республиканецъ, а другой виноторговецъ и орлеанистъ. Ихъ политическія убѣжденія я узналъ изъ спора, который завязался между ними по поводу кандидатуры принца Орлеанскаго на престолъ.

— Что такое наша республика?.. говорилъ виноторговецъ... Развѣ нашъ рабочій понимаетъ, что такое республика?.. Pas de Dieu, pas de propriété, pas de devoir—вотъ, что это для него такое... Но время не далеко: не сегодня—завтра мы посадимъ Орлеановъ на престолъ.

— Croyez moi, m-ur, говорилъ мнѣ потомъ шелковый фабрикантъ, когда виноторговецъ вышелъ, la république est assurée... Омальскій хотя и храбрый генералъ, но онъ утратилъ всякую популярность, послѣ того, какъ не посовѣстился, несмотря на свое богатство, выторговать свои милліоны съ государства въ самую критическую минуту...

Въ это время, т. е. въ ноябрѣ мѣсяцѣ французскіе виноторговцы изъ Бордо шныряютъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ сѣверной Испаніи. Это ихъ сезонъ. Въ Леонѣ, Пампелунѣ и въ особенности въ Сарагоссѣ ихъ можно встрѣтить

сотнями; здѣсь они скупаютъ вина почти за безцѣнокъ.

— Теперь нашего брата здѣсь много, говорилъ нашъ спутникъ, да и цѣны поднялись. А ужъ испанцы это такіе мошенники, какихъ мало. Первые два года, когда я мало ихъ зналъ и плохо говорилъ по испански, меня постоянно надували. Вы видите эти крестики въ моей записной книжкѣ: это я, когда принимаю вина, такъ каждый литръ считаю; иначе съ ними нельзя, непремѣнно вмѣсто двадцати двухъ сосчитаютъ тридцать два; испанцы хорошо считаютъ! Мало того: кружку бокомъ держитъ, чтобы налить не до краевъ... У насъ полагается наливать такъ, чтобы немного переливалось и что перельется въ тазъ, то въ пользу покупателя... Такъ чтожъ бы вы думали? — возьметъ сигару да и уронитъ въ тазъ, а то чихнетъ туда... Ну, конечно, не берешь, а имъ все равно: сигару вынутъ и выпьютъ... Никакого разсчета нѣтъ съ ними торговать...

— Такъ зачѣмъ же вы себя утомляете?.. спросилъ шелковый фабрикантъ.

— Да ужъ такъ: только по привычкѣ... А вы по дѣламъ ѣдете?

— Нѣтъ; un petit voyage... ѣду въ Вальядолидъ... Тамъ у меня пріятель испанецъ, съ которымъ я веду дѣла... Такъ онъ пригласилъ посмотрѣть Испанію.

— Гмм... на сѣверѣ нечего смотрѣть... Надо ѣхать на югъ...

— Да? Вотъ какъ?

Всѣ замолчали...

Въ это время поѣздъ подошелъ къ Ируну, гдѣ находилась испанская таможня. По сю сторону моста, перекинутаго черезъ рѣку Бидасоа — Гендайя, французская таможня. Бидасоа служитъ границей между Франціей и Испаніей. Близъ моря, она сильно расплывается въ ширь и течетъ по мѣстности очень живописной, ограниченной съ южной стороны цѣпью Пиринеевъ, служившихъ въ недавномъ прошломъ театромъ карлистской войны. На Бидасоа сохранился маленькій плоскій островокъ «île des Faisans», покрытый деревьями. Мѣсто историческое. Здѣсь состоялось свиданіе Людовика XI съ Генрихомъ IV кастильскимъ; сыновья Франциска I выданы были заложниками взамѣнъ отца; Мазарини заключалъ мирный договоръ съ дономъ Луисомъ де Гаро и проч. При сильномъ воображеніи всѣ эти свиданія можно себѣ легко представить.

Хотя Ирунъ отъ Гендаи въ нѣсколькихъ шагахъ, но разница между ними сразу бросается въ глаза. На платформѣ валяются неубранныя ведра, фонари съ битыми стеклами, старый канатъ, сломанная товарная телѣжка, какія-то цѣпи. Вмѣсто французскихъ жандармовъ въ громадныхъ треуголкахъ и мундирахъ съ бѣлымъ эксельбантомъ — карабинеры, попарно марширующіе вдоль поѣзда. Костюмы ихъ довольно оригинальны и напоминаютъ оперетку: короткія

и высокія треуголки, суконныя краги на ногахъ и черные плащи съ перекинутою на лѣвое плечо полою. Аммуниція изъ выкрашенной желтой краской кожи и длинныя винтовки. Лица совершенно похожія одно на другое: густыя брови, черные усики. И на каждой станціи по парѣ такихъ молодцовъ и всѣ до того похожіе другъ на друга, что можно подумать, что на всю Испанію ихъ имѣется только одна пара.

Въ Ирунѣ *), также, какъ и при въѣздѣ во Францію, осматриваютъ чемоданы, нѣтъ ли чаю, табаку или чего нибудь запрещеннаго, но дѣлаютъ это скоро и довольно вѣжливо и пропускаютъ великодушно тѣхъ, кто откровенно объявляетъ, что у него есть. Дорога черезъ Пиринеи проходитъ черезъ провинцію басковъ (Гипускоа).

Про басковъ Вольтеръ сказалъ, что это маленькое племя, которое «скачетъ и танцуетъ на вершинахъ Пиринеевъ», а другой, кажется Теофиль Готье, что баски страшно любятъ играть въ мячи. Судя по этимъ свѣдѣніямъ, въ Пиринеяхъ не скучаютъ.

---

*) Ирунъ отъ Біаррица въ разстояніи часа ѣзды по желѣзной дорогѣ.

II.

Пасахесъ.—Разсказы французскаго виноторговца.—Альзасуа.—Миранда.—Бургосъ.—Обѣ Кастиліи.

—

Кто видѣлъ Кавказскія горы или Швейцарію, того Пиренеи не удивятъ. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь нерѣдко открываются живописные пейзажи. Желѣзная дорога большею частію идетъ ущельями, узкими долинами и поѣздъ то и дѣло исчезаетъ въ длинныхъ туннеляхъ.

Одна изъ наиболѣе интересныхъ станцій—это Пасахесъ; здѣсь находится морское озеро, наполняющееся водой черезъ узкое горное ущелье, составляющее естественный каналъ, соединяющій Пасахесъ съ моремъ. Здѣсь грузятъ вина, предназначаемыя въ Бордо; отсюда же въ оныя времена отплылъ въ Америку Лафайетъ.

Послѣ проѣзда Пасахеса вскорѣ стемнѣло и Пиринеи стали погружаться во мракъ. Отовсюду плылъ туманъ, шелъ дождь и по обрывистымъ скалистымъ стѣнамъ, мимо которыхъ бѣжалъ поѣздъ, тонкими струйками лилась вода. Буки, дубы и каштаны стояли мокрые и на половину желтые, сѣя по вѣтру дождевыя капли. Я не буду описывать вамъ Пиренеи, такъ какъ стало темно, а тѣмъ болѣе нравы и наружность басковъ, такъ какъ ни на одной станціи я не останавливался. Посовѣтую

только вамъ, когда вы будете переѣзжать Пиренеи, запастись теплой одеждой, потому что въ горахъ очень холодно, а вагоны согрѣваются только водяными грѣлками.

— Вотъ мы и въ Испаніи, говорилъ мой спутникъ-виноторговецъ... Sale pays!.. Вы не можете себѣ представить, что это за грязный народъ — испанцы... Моются только по воскресеньямъ, бѣлье носятъ не снимая, до износу... О! это родина клоповъ—Испанія... (онъ видимо не имѣлъ понятія о такъ называемыхъ диванахъ на нашихъ почтовыхъ станціяхъ). На послѣднія слова я усмѣхнулся съ недовѣріемъ, а шелковый фабрикантъ пришелъ въ ужасъ и началъ судорожно перелистывать записки Готье, розыскивая главу о клопахъ.

— Что вы туда смотрите?.. Эти поэты глядятъ на небо въ то время, когда ихъ кусаетъ всякая дрянь... А когда ѣздишь по дѣламъ, то больше думаешь о комфортѣ, а о немъ здѣсь и понятія не имѣютъ... Да вотъ я вамъ разскажу примѣръ... Зашелъ я въ Эскуріалѣ обѣдать въ испанскій ресторанъ... Подали одно блюдо; я съѣлъ. Подали другое, а тарелки не мѣняютъ... Я и говорю гарсону, чтобы подали чистую. Такъ, какъ вы думаете, что онъ сдѣлалъ? Взялъ мою тарелку, выпачканную въ соусѣ, быстро размазалъ своей грязной салфеткой и поставилъ опять передо мной... Вотъ какія свиньи... Меня чуть не стошнило... (Въ этотъ моментъ мы въѣхали

въ длинный туннель и нѣсколько минутъ думали о томъ, какъ скверно кормятъ въ Испаніи).

— А оливковое масло!.. Вѣдь это ужасъ! Оливки у нихъ отличныя, но они не умѣютъ ихъ выдѣлывать... Вы увидите ихъ масло: совсѣмъ зеленое. У насъ его въ лампу не нальютъ, а они ѣдятъ и всюду льютъ... Сливочнаго масла нѣтъ въ Испаніи... Оно у нихъ называется manteca de vacas, но его нѣтъ... Все пахнетъ здѣсь жаренымъ оливковымъ масломъ... И кухни, и дома, и улицы, и люди... Слышите, слышите запахъ?.. И онъ сталъ подозрительно втягивать носомъ воздухъ, врывавшійся черезъ открытое окно и приносившій вмѣстѣ съ свѣжестью горъ, дымъ изъ паровозной трубы.

— А вы не знаете, спросилъ я, зачѣмъ это здѣсь всѣ жандармы съ ружьями?

— Это осталось со временъ смутъ и карлистской войны... Вѣдь здѣсь только теперь притихло, а то съ разбойниками сладу не было... Состояніе себѣ составляли разбоемъ... Да я вотъ теперь знаю въ С. Себастіанѣ одного господина: теперь уважаемый человѣкъ, ведетъ оптовую торговлю, нѣсколько домовъ имѣетъ; а чѣмъ нажилъ?—Кошельки да цѣпочки отбиралъ съ кинжаломъ въ рукахъ...

— И его не преслѣдуютъ?

— Нѣтъ, ничего, а вѣдь всѣмъ, рѣшительно всѣмъ извѣстно, что онъ былъ начальникомъ банды... Онъ, напримѣръ, какія штуки выдѣлывалъ. Это было въ Вильядіэго или въ Логроньѣ,

теперь не помню. Пришелъ съ шайкой къ алькаду ночью и говоритъ: «кто у васъ тутъ богатые горожане? называй!» Тотъ назвалъ. Схватили они алькада и ходятъ съ нимъ по городу... Тукъ, тукъ! — Кто тамъ?—Это я—вашъ алькадъ; отоприте! Тотъ отпираетъ, а они хозяину сейчасъ ружье въ упоръ: показывай, у кого у тебя тутъ есть деньги, а то пафъ и готово... У одного трактирщика въ верхнемъ этажѣ жилъ одинъ французъ. Разбойники къ нему влѣзли, а онъ взялъ и повалилъ одного изъ револьвера... Конечно, его тотчасъ же убили, а въ карманѣ оказалось всего тридцать франковъ съ какими-то сантимами... И стоило изъ-за этого защищаться? Французы всегда такіе; c'est dans le sang du peuple, vous savez?.. Путешествовать было почти невозможно. Впрочемъ, съ тѣми, кто не защищался, они были вѣжливы, даже оставляли небольшую сумму, чтобы было на что доѣхать до перваго большаго города; какъ въ Монако»...

Скорый поѣздъ (expreso) отходитъ изъ Ируна въ 2 ч. 30 м. поп. и приходитъ въ Мадридъ въ 8 ч. 15 м. утра. *) Отъ главной линіи «Ирунъ-Мадридъ» отходятъ вѣтви: отъ станціи Альзасуа на Пампелуну; отъ ст. Миранды на сѣверъ на Билбао и на юго-востокъ на Сарагоссу, кото-

*) Кромѣ скораго есть еще два поѣзда: пассажирскій (mixto) и почтовый (correo), составленные изъ вагоновъ всѣхъ трехъ классовъ. Отъ Ируна до Мадрида 631 верста. Цѣна билетамъ: 1-го класса 315, 5 реала 2-го 236, 75 реал.; 3-го 142 реал. Реалъ по курсу равняется 10 коп.

рая въ свою очередь связана желѣзнодорожнымъ путемъ съ моремъ (Барселона) и съ Мадридомъ; далѣе отъ станціи Вента-де-Баньосъ отходятъ на сѣверъ къ Бискайскому заливу двѣ вѣтви, на Сантандеръ и Овьедо; наконецъ, отъ ст. Медина можно попасть въ Замору и въ Саламанку.

«Пампелуна главный городъ Наварры. Pamplina» по испански значитъ бездѣлица, но я думаю, что названіе города происходитъ не отъ этого слова. По словамъ болѣе ученыхъ историковъ Пампелуна существовала за 2 т. лѣтъ до Р. Х. и была возобновлена Помпеемъ (67 г. до Р. Х.) и названа Помпеополисомъ; Готы измѣнили это названіе въ Бамбилону, а Мавры въ Сансуэнью. Пампелуна замѣчательна видомъ, который открывается съ бульвара Таконера на панараму горъ до того хорошимъ, что такъ и хочется, по словамъ одного моего знакомаго, сбѣжать изъ города въ горы. Хотя городъ и означается въ учебникахъ географіи крѣпостью, но крѣпость эта временъ XVI ст. и уже развалилась. Кромѣ того, въ Пампелунѣ есть еще соборъ Пресвятой Дѣвы (V стол.), про который, какъ и про всѣ соборы въ Испаніи, въ путеводителяхъ, говорится, что это «одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, по правильности и полнотѣ, архитектурныхъ построекъ того времени, которая сохранила Европа». Если вы располагаете лишнимъ временемъ и деньгами, то ничто не мѣшаетъ вамъ свернуть на Сарагоссу (Caesarea-Augusta), этотъ городъ прославившійся своей геройской

обороной противъ французовъ въ 1809 году. Послѣ этихъ подробностей, быть и можетъ и лишнихъ, слѣдуетъ какъ говоритъ Сервантесъ, правдивое, хотя и краткое описанiе мѣстности обѣихъ Кастилiй, добросовѣстно изученное въ вагонѣ курьерскаго поѣзда.

Старая Кастилiя начинается въ Мирандѣ. Здѣсь поѣздъ стоитъ около получаса и пассажиры ужинаютъ; при этомъ я имѣлъ возможность убѣдится, что испанцы дѣйствительно скверно вытираютъ тарелки.

Дорога пересѣкаетъ р. Эбро, Дуэро и отроги сьерры-де-ла-Демандо; глубокiе овраги и голые склоны послѣдней, усѣянные глыбами камня, величиною въ кубическую сажень, великолѣпно освѣщались луной. Главный городъ этой провинцiи—Бургосъ, когда-то бывшая столица кастильскихъ государей, славится древнимъ соборомъ временъ XIII столѣтiя, выстроенномъ въ готическомъ стилѣ; двѣ колокольни собора около сорока саженъ высоты. Я ихъ видѣлъ только издали.

Утро застало насъ въ Новой Кастилiи.

Поѣздъ несся по возвышенной, волнистой пустынѣ, часто усѣянной крупными камнями, сѣраго и синеватаго цвѣта. Кое-гдѣ попадались жидкiя сосновыя рощицы... Почва здѣсь песчаная, временами состоитъ изъ сплошнаго камня, слабо поросшаго кактусомъ и травою, уже подернутой утренней изморозью. Кое-гдѣ пасутся стада тонкорунныхъ овецъ. Вся эта на видъ за-

заброшенная и безлюдная пустыня, окрашенная въ желтоватый цвѣтъ лучами восходящаго солнца, имѣла видъ печальный и вмѣстѣ съ тѣмъ театральный. Въ такой-то мѣстности расположенъ Мадридъ.

Голая и какъ бы безконечная пустыня кругомъ, огражденная только съ сѣверо-востока хребтами Самосьерры и Гуадаррамы. Мадридъ изо всѣхъ столицъ Европы наиболѣе возвышенъ надъ уровнемъ моря *). Вотъ почему андалузцы говорятъ, что испанскій тронъ самый высокій послѣ Божьяго трона. Весьма вѣроятно, Филиппъ II и выбралъ Мадридъ своей столицей, чтобы быть поближе къ Богу, или же печальная мѣстность гармонировала съ егоэ характеромъ; испанскіе историки объясняютъ этотъ выборъ тѣмъ, что Мадридъ не имѣлъ самостоятельной политической исторіи, какъ Гренада, Севилья, Бургосъ и другіе.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые патріоты увѣряютъ, что возникновеніе Мадрида теряется въ глубокой древности; говорятъ, что Мадридъ построенъ греками за десять вѣковъ до Рима. Въ доказательство приводится змѣя, изображенная на «puerta de Culebra»; змѣя же — эмблема греческая. Другіе же утверждаютъ, что арка «St. Maria» построена Навуходоносоромъ. Быть можетъ, что, сойдя съ ума, Навуходоносоръ и забѣжалъ какъ нибудь къ подножію Самосьерры.

*) 2,250 футъ.

МАДРИДЪ.

Разсужденія о географіи. — Puerta del Sol. — Манолы. — Мантильи и мадридскій воздухъ.

I.

Вы кажется недовольны, что я въ своемъ первымъ письмѣ объ Испаніи распространился подъ конецъ о географіи. Вы пожалуй замѣтите, что достаточно взглянуть на карту послѣдняго изданія, чтобы опредѣлить, какія рѣки пересѣкаетъ сѣверная желѣзная дорога и какія горы и дополните ваши замѣчанія солидными географическими подробностями объ обѣихъ Кастиліяхъ?

Я этому не удивлюсь, потому что русскіе давно уже славятся знаніемъ географіи и въ этомъ отношеніи могутъ поспорить съ кѣмъ угодно. Далеко не то, напримѣръ, французы: они гораздо менѣе знаютъ Россію, чѣмъ мы Францію. У насъ, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, институтки изучаютъ Францію прямо на французскомъ языкѣ. У насъ каждая образованная дѣвица вамъ скажетъ, что въ Парижѣ столько-то жителей, что городъ этотъ стоитъ на Сенѣ и Марнѣ и славится своими артиклями и модами; что Ліонъ — центръ шелковыхъ издѣ-

лій, что въ Страсбургѣ пытаютъ гусей, что въ Реймсѣ короновались короли, что въ Байонѣ изобрѣли штыки, въ Бордо — вина, что въ Ниццѣ хорошо умирать чахоточнымъ и что Бельфоръ— прекрасная крѣпость. Да что воспитанныя дѣвицы! Простой раешникъ, который говоритъ: «а вотъ, извольте видѣть, городъ Марсель, котораго не видать отсель», правъ, потому что Марселя дѣйствительно не видать изъ Москвы.

Другое дѣло хотя бы покойный Понсонъ-дю-Террайль. Въ одномъ изъ его романовъ (кажется «Мщеніе Баккара»), которымъ мы съ вами зачитывались въ деревнѣ и изъ-за котораго чуть даже не пострѣлялись, Петергофъ расположенъ на западной границѣ, а обольстительная графиня Василиса, которая такъ богата, что у нея даже зубы жемчужные, а глаза бриллiантовые, живетъ на аристократической Выборгской сторонѣ. У нея на лѣстницѣ стоятъ саженные гайдуки, на дворѣ ручные медвѣди, а волны синей Невы, какъ писалъ въ оныя времена Бенедиктовъ про утесъ, «лижутъ» могучія пяты ея мраморнаго дворца.

Неправда ли какое невѣжество? Ну можно ли отъ такого человѣка требовать какого-нибудь понятія о суздальской живописи и спрашивать, гдѣ выдѣлываются тульскіе пряники и сколько жителей въ станицѣ Цимлянской (нашъ Реймсъ). Не будемъ объ этомъ болѣе говорить, чтобы напрасно не раздражать ни васъ, ни себя.

Подобно тому, какъ русскій мужикъ, выскочивъ изъ «проруби», бѣжитъ безъ оглядки въ

баню, на полокъ, такъ точно и мы бросимся мысленно изъ холоднаго Петербурга въ теплый Мадридъ, гдѣ «лавромъ и лимономъ пахнетъ». Но, увы! ноябрь и декабрь здѣсь вовсе ужь не такъ теплы и отъ заката солнца до полудня порядочно холодновато. Я пріѣхалъ въ Мадридъ рано утромъ и въ это время въ улицахъ держалась сыроватая, холодная и даже немного вонючая мгла, а камни и деревья были покрыты изморозью.

Вы на «Puerta del Sol». Мѣсто это замѣчательно, во-первыхъ, тѣмъ, что здѣсь находится «Hôtel de la Paix» въ которомъ я остановился; во-вторыхъ, это наиболѣе шумная площадь въ центрѣ Мадрида, потому что на нее выходитъ одинадцать улицъ, изъ коихъ лучшія: «calle Mayor», «Alcala», «de Geronimo» и «de Carretas». Площадь такая маленькая *), что когда я, послѣ завтрака, на нее вышелъ, то невольно воскликнулъ: «такъ это-то «Puerta del Sol!» а потомъ сталъ искать глазами ворота, но не нашелъ. Она имѣетъ форму половины круга. По серединѣ, въ большой мраморный бассейнъ фонтанъ бросаетъ свои струи. По бокамъ большія газовыя канделябры (farolas).

На «Puerta del Sol» лучшія гостинницы и министерство внутреннихъ дѣлъ. Ни одного красиваго фасада. Четырехъ-этажные дома свѣтло-сѣраго цвѣта, какъ въ Парижѣ, ничѣмъ въ глаза не бросающіеся.

За то тутъ такое сборище, что если бы я былъ

*) Около 100 сажень длины и 30-ти ширины.

слишкомъ самонадѣянъ, то могъ бы подумать, что мадрильянцы, провѣдавъ о моемъ пріѣздѣ, нарочно собрались, чтобы показать, какъ ихъ много въ Мадридѣ. Число гуляющихъ увеличивается въ особенности послѣ заката солнца, когда зажигаютъ фонари. Тогда толкотня идетъ, какъ у насъ на «вербѣ» въ гостиномъ дворѣ. Тутъ смѣшеніе всѣхъ сословій: господа, одѣтые по послѣдней модѣ въ теплыхъ пальто и цилиндрахъ; рабочіе и мужики въ шапкахъ изъ бараньей кожи, отороченныхъ мѣхомъ, съ грязнымъ одѣяломъ черезъ плечо; нарядныя дамы; оборванныя старухи, весьма подозрительныя и кашляющія на каждомъ шагу; слѣпцы-музыканты, безпомощно прогуливающіеся подъ ручку, съ гитарами и кларнетами, хотя къ ихъ милымъ и выразительнымъ лицамъ болѣе къ лицу разбойничій ножъ; повсюду шныряютъ быстроглазые мальчишки, грязные какъ мостовая, настойчиво выпрашивающіе милостыню на пряники. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ и у насъ на Невскомъ, для виду продаютъ какую-нибудь мелочь. Лявинь и Мезонеро говорятъ, что мадридскіе мальчики живы, способны, насмѣшливы и очень милы. Я успѣлъ убѣдиться только въ ихъ живости и насмѣшливости, наблюдая, какъ нерѣдко два совершенно незнакомыхъ мальчика, обмѣнявшись при встрѣчѣ обычными привѣтствіями «buenos dias» или «buenas noches», схватывались за волосы, только каждый за чужіе, и до утомленія колотили другъ друга по лицу.

Въ толпѣ то и дѣло попадаются молодцы-солдаты и офицеры, красиво, хотя и нѣсколько театрально одѣтые: полированныя металлическія каски, треуголки, кивера, звонкіе палаши, тонкія шпаги въ кожанныхъ ножнахъ съ крестообразнымъ эфесомъ, похожія на наши кожанныя «селедки», которыя теперь уже не носятъ; ноги обтянуты въ рейтузы и обуты въ низкіе ботфорты съ раструбами. Тутъ же гуляютъ неизвѣстно по какимъ дѣламъ господа монахи и каноники съ веселыми лицами и въ шляпахъ à la донъ-Базиліо.

Наконецъ, манолы изъ рабочихъ кварталовъ въ шерстяныхъ платкахъ ярко-пунцоваго и блѣдно-розоваго цвѣта, кокетливо надѣтыхъ на голову и охватывающихъ крестъ на крестъ ихъ стройные бюсты. Теофиль Готье, какъ и другіе французы, посѣтившіе Испанію, сожалѣютъ, что этотъ «классическій типъ граціи, изящества и непринужденности, въ своемъ оригинальномъ короткомъ платьѣ, въ красныхъ чулочкахъ и узенькихъ башмачкахъ на стройной ногѣ, въ мантильѣ на роскошныхъ волосахъ, собранныхъ въ косу съ громаднымъ гребнемъ», что этотъ типъ исчезъ почти безслѣдно, подобно парижской гризеткѣ. Очевидно, Готье оплакиваетъ костюмъ и красные чулочки.

По моему онъ слишкомъ чувствителенъ и не правъ. На каждомъ народномъ праздникѣ, а въ особенности на торросѣ можно встрѣтить этотъ великолѣпный типъ среди любительницъ боя бы-

ковъ и любовницъ торреадоровъ. Сюда онѣ являются въ полномъ парадѣ, т. е. въ національномъ платьѣ и въ чулочкахъ, покуривая пахитосы. Вообще же, за исключеніемъ костюмовъ, все осталось попрежнему: и красивыя южныя головки, густыя косы и стройные бюсты. Такимъ образомъ, если нѣкоторые господа утверждаютъ, что манолы исчезли, то я говорю: нѣтъ, онѣ существуютъ и будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока не исчезнутъ съ лица земли эти ужасныя обманщицы-женщины.

Въ живой южной толпѣ слышится веселый смѣхъ, говоръ и шутки. Вдоль домовыхъ стѣнъ и на углахъ тротуаровъ кучи мелкихъ торговцевъ съ восковыми спичками, сахарными конфектами, вѣерами, лубочными каррикатурами. Цѣлый день, безъ устали, они возглашаютъ хриплыми голосами: abanicos! fosforos! paraguas! *) и эти «осы» и «асы» такъ и звенятъ въ ушахъ. Тутъ же и продавщицы газетъ, которыя здѣсь выкрикиваются такъ же, какъ и лотерейные билеты: Correspondencia! Loteria! и т. д. На нѣкоторыхъ углахъ, въ формѣ, похожей на парижскую, дремлютъ, прислонившись къ стѣнкѣ, полицейскіе сержанты. Въ четвертомъ часу дня, черезъ площадь, отъ центра города по улицамъ «Alcala» и «Geronimo» тянутся нескончаемой вереницей кареты и коляски, запряженныя великолѣпными лошадьми. Откуда только берется въ

---

*) Вѣера! спички! зонтики!

такомъ маленькомъ городкѣ *) такая масса экипажей! Разные доны, гранды, маркизы, синьоры и разряженныя въ пухъ и прахъ синьориты ѣдутъ кататься на «Prado».

«Prado» (мѣсто прогулки) широкій, въ шесть рядовъ деревьевъ, единственный бульваръ, подъ разными названіями охватывающій западную сторону города на протяженіи четырехъ километровъ. Часть бульвара между улицами «de Atocha» и «Alcala» называется «Salon del Prado»; онъ имѣетъ около сорока саженъ ширины и тянется мимо ботаническаго сада, площади Мурильо, Королевскаго Музея, монумента «Втораго Мая», окруженнаго скверомъ и кончается садомъ «Buen Retiro», напоминающимъ нашъ Лѣтній садъ въ Петербургѣ. На бульварахъ—южныя акаціи, каштаны, стройные кипарисы, кедры, мирты и алоэ; множество мраморныхъ скамеекъ, желѣзныхъ стульевъ, будочекъ съ прохладительными напитками; большіе мраморные фонтаны, украшенные группами: «fuenta de Cibeles», «fuenta de Neptune» и другія. Выѣхавъ на бульвары, экипажи ѣдутъ нѣсколько скорѣе; тутъ же скачутъ на горячихъ андалузскихъ коняхъ кавалеры и амазонки. Надо сказать правду, испанцы прекрасно сидятъ въ сѣдлѣ и смѣло управляютъ конемъ.

Въ хорошую погоду Прадо полонъ гуляющими. Публика здѣсь очень разнообразна, но шикарно одѣтыхъ дамъ, кавалеровъ и студенской молодежи попадается болѣе. Даже разслаб-

*) 240 тысячъ жителей.

ленныхъ старыхъ доновъ лакеи катаютъ на бульварахъ въ какихъ-то тачкахъ. Въ дѣлѣ гулянья испанцы никому не уступятъ. Это ихъ любимое занятіе и ему, я думаю, слѣдуетъ приписать открытіе Америки, завоеваніе Перу и гибель великой армады.

Въ Мадридѣ весь городъ то и дѣло, что слоняется день деньской по улицамъ; слоняются и курятъ; испанцы исполняютъ это гораздо степеннѣе парижанъ. Большинство парижанъ бѣгаютъ по дѣламъ или за дѣломъ, а испанцы отъ дѣла. Первые бѣгутъ по улицѣ въ припрыжку, со скоростью десяти километровъ въ часъ; вторые ходятъ медленно, не торопясь, какъ будто что-то обдумывая; на каждомъ углу стоятъ толпами, иногда молча и мрачно насупившись и неистово курятъ сигару за сигарой.

Женщины здѣсь кажутся какъ будто веселѣе мущинъ: на строгомъ и блѣдномъ фонѣ мужскихъ лицъ превосходныя головки испанокъ какъ будто еще болѣе выигрываютъ. Еще милѣе кажется улыбка на ихъ пунцовыхъ губахъ; жарче кажется огонь ихъ прекрасныхъ глазъ. Ахъ, какіе глаза, уважаемый другъ! Что за глаза и что за зубы! Удивительные глаза!..

Французскія моды все болѣе и болѣе проникаютъ въ Испанію и этимъ въ особенности обезличиваютъ Мадридъ. Въ этомъ городѣ и такъ ужь мало оригинальнаго: улицы довольно узкія для столицы, но прямыя и новыя; дома построены плохо, въ однообразномъ парижскомъ

стилѣ и по большей части грязнаго свѣтло-сѣраго цвѣта). Тѣмъ не менѣе кружевная мантилья и классическій плащъ (capa) все еще храбро борятся съ нововводимыми парижскими шляпками и пальто.

Я увѣренъ, что вы со мной бы согласились, еслибы побывали, какъ я, въ Испаніи, что изъ всѣхъ женскихъ изобрѣтеній, кромѣ слезъ, самое лучшее изобрѣтеніе — это кружевная мантилья. Великолѣпная коса собирается сзади и закалывается черепаховымъ гребнемъ; на лбу искусно располагаются блестящіе завитки волосъ; они падаютъ даже на густыя соболиныя брови; и все это покрыто чернымъ или бѣлымъ кружевомъ, перекрещеннымъ и заколотымъ на груди такъ, чтобы немного было видно бѣлую шею. Рисунокъ кружевной мантильи бросаетъ нѣжную тѣнь на кокетливое личико и отъ этой тѣни взглядъ большихъ черныхъ глазъ дѣлается какъ будто таинственнѣе, какъ будто бы призракъ любви осѣняетъ своими прозрачными крыльями эти черты, полныя жизни и страстныхъ желаній. Наконецъ и самое слово—мантилья—очень звучное.

Многіе испанцы еще сохранили свои плащи и носятъ ихъ при обыкновенныхъ сюртукахъ и цилиндрахъ, что не совсѣмъ идетъ одно къ другому. Полы плащей подшиваются плюшемъ, большею частью яркаго цвѣта, премущественно гранатоваго. Одна пола плаща перекидывается черезъ плечо; дѣлается это для того, чтобы при-

крыть грудь и ротъ отъ горнаго вѣтра, очень опаснаго для легкихъ. Это особенный вѣтерокъ, сухой и пронизывающій, который дуетъ тихо и даже нѣжно. Про него въ Мадридѣ говорятъ, что онъ и свѣчи не задуетъ, а убьетъ человѣка.

El aire de Madrid es tan sotil
Que mata á un hombre
Y no apaga á un candil.

Кромѣ «Puerta del Sol», заслуживаютъ нѣкотораго вниманія: Главная площадь (la plaza Mayor) и Восточная (de Oriente). Первая находится недалеко отъ «puerta del Sol» и въ прежнія времена служила мѣстомъ для турнировъ, піэсъ духовнаго содержанія Кальдерона, аутода-фе и вообще казней; репутація печальная. Площадь «de Oriente» — напротивъ дворца (тутъ же королевскій театръ), обсажена деревьями и уставлена 44-мя каменными статуями. Посреди сада на высокомъ пьедесталѣ сидитъ на конѣ король Филиппъ IV. Со стороны дворца на монументѣ означено, что онъ сооруженъ въ царствованіе Изабеллы II-ой Бурбонской въ 1844 году, а съ другой стороны надпись гласитъ:

Во славу искусства,
И для украшенія столицы,
Воздвигла Изабелла II
Этотъ монументъ.

II.

Статуя Сервантеса.—„Buen Retiro“.—Воздухоплаватель.--Кафе.—Подозрительная землячка.—Испанскіе театры.—„Variedades“.

—

Въ первый же день своего прибытія въ Мадридъ, я отправился по улицѣ св. Іеронима въ королевскій музей. Здѣсь, на небольшой площадкѣ, противъ зданія кортесовъ, окруженный маленькимъ скверомъ, стоитъ на довольно высокомъ пьедесталѣ бронзовое изваяніе знаменитаго автора Донъ-Кихота. Сервантесъ представленъ въ костюмѣ того времени, т. е. въ башмакахъ, панталонахъ въ обтяжку и въ плащѣ со стоячимъ воротникомъ; въ правой рукѣ свернутая рукопись, а лѣвая опирается на шпагу. Статуя неважная и значительно уступаетъ той, которая поставлена у насъ Пушкину. Только барельефы даютъ значеніе и идею памятнику: на одномъ-донъ-Кихотъ на Россинантѣ и Санхо на ослѣ отправляются на подвиги, напутствуемые крылатымъ геніемъ ихъ создателя — Сервантеса, на другомъ — донъ-Кихотъ стоитъ передъ открытой клѣткой и, закрывшись щитомъ, вызываетъ льва на поединкъ. Остальные берельефы я не помню. Здѣсь кстати замѣтить, что въ одной изъ старенькихъ улицъ (Cantarranas), на фасадѣ одного дома, на бѣломраморной плитѣ надписано золотыми буквами:

Здѣсь жилъ и умеръ,
Мигуэль де Сервантесъ Сааведра,
Геніемъ котораго восхищается міръ.

Прогуливаясь по Прадо, я замѣтилъ особенное скопленіе народа на углу улицы «Alcala». Публика, не двигаясь, стояла толпами, упорно глазѣя на садъ «Buen Retiro» Кабальеросъ адски окуривали толпу табачнымъ дымомъ. Въ особенности много молодежи собралось около фонтана: нѣкоторые залѣзали на самый фонтанъ, откуда по временамъ лѣнивые полицейскіе гнали ихъ въ шею. Экипажи съ трудомъ проѣзжали шагомъ черезъ толпу народа. Время отъ времени въ саду раздавались какіе-то выстрѣлы. Что такое? Я сначала подумалъ, что уже не ожидаютъ ли какой нибудь процессіи или не изготовляется ли какое нибудь народное празднество въ «Buen Retiro», по случаю рожденія инфанты. Оказалось не то. Замѣтивъ, что довольно много публики направляется къ воротамъ сада, я самъ двинулся туда же и тутъ только увидѣлъ большія афиши, возвѣщавшія, что въ три часа пополудни, изъ сада будетъ пущенъ большой воздушный шаръ съ пассажиромъ.

Въ саду, по срединѣ небольшой круглой площадки, противъ павильона, въ которомъ музыканты отхватывали какой-то прусскій маршъ, надували большой воздушный шаръ. Способъ надуванія былъ самый первобытный. Въ резервуарѣ, похожемъ на желѣзную будку съ трубою, торопливо жгли солому. Шаръ придерживаемый веревками, все болѣе и болѣе наполнялся нагрѣтымъ воздухомъ и рвался вверхъ. Для развлеченія публики, стоявшей и сидѣвшей

кругомъ на скамейкахъ и на стульяхъ въ открытыхъ ложахъ, откуда-то изъ кустовъ, черезъ каждыя шесть минутъ — пускали ракеты, что заставляло дамъ вздрагивать, а мальчишекъ кричать отъ восторга благимъ матомъ.

Наконецъ, когда шаръ, совершенно надувшись, сталъ отвѣсно, около него появился осыпаемый аплодисментами какой-то здоровый господинъ, съ черными усами на беззаботной физіономіи и въ костюмѣ акробата; веревки, удерживавшія шаръ, сняты и шаръ быстро понесся вверхъ къ голубому небу. Господинъ въ трико пронзительно взвизгнулъ и, стрѣляя одной рукой изъ пистолета, другой повисъ на подвѣшанной къ шару трапеціи, и въ такомъ видѣ поднялся или вѣрнѣе укатилъ, Богъ знаетъ, на какую высоту.

Испанцы и испанки, довольные такимъ невиннымъ гимнастическимъ упражненіемъ, огласили воздухъ—viva! и bravo! посылали странному воздухоплавателю, обратившемуся на такой высотѣ въ небольшую куклу, поцѣлуи, и махали шляпами и платками. Между тѣмъ шаръ понесло вѣтромъ на западъ, что, однако, ни капли не огорчило отважнаго воздухоплавателя, который, какъ я усмотрѣлъ въ бинокль, началъ выдѣлывать на трапеціи, неизвѣстно для кого, разныя весьма опасныя гимнастическія упражненія.

На меня, однако, это неожиданное представленіе произвело такое впечатлѣніе, что я въ

избыткѣ чувствъ и уваженія къ отвагѣ испанской націи почувствовалъ необходимость зайдти въ кафе и выпить тамъ за здоровье испанцевъ рюмку хересу или чашку кофе.

Испанцы могутъ гордиться своими кафе, какъ мы, напримѣръ, гордимся своими колоколами, оглоблями, ушатами, моченой брусникой и икрою (нигдѣ нѣтъ такой икры).

Эти кафе, какъ мнѣ показалось, еще обширнѣе, чѣмъ парижскія. Впечатлѣніе производимое ими было бы полное, если бы испанцы мели ихъ хотя бы по праздникамъ или, что впрочемъ одно и то же, держали бы грязь гдѣ-нибудь отдѣльно для любителей. Кафе большею частью состоятъ изъ обширной залы съ колоннадой, передняя часть которой отдѣляется отъ задней аркой и перекрыта стеклянной крышей. Лѣтомъ здѣсь бьетъ фонтанъ. Вся зала наполнена маленькими мраморными столиками на желѣзныхъ ножкахъ. Своды и потолки украшены гербами или арабесками. Въ кафе почти никто ничего не ѣстъ, а только пьютъ вино, кофе или шоколадъ; шоколадъ очень густой и приправленъ всевозможными пряностями. Въ лѣтнее время, кромѣ того пьютъ всевозможныя прохладительныя. Ко всему, чтобы вы не спросили, гарсоны подаютъ вамъ графинъ съ водой. Это обыкновеніе вѣроятно сохранилось какъ нѣчто шикарное съ тѣхъ поръ, когда въ Мадридѣ не было еще устроено водопровода и на улицахъ мальчишки продавали воду.

Я сидѣлъ въ кафе вмѣстѣ съ знакомымъ русскимъ, который выѣхалъ въ одно время со мной изъ Біаррица. Такъ какъ оба мы знали весьма неважно превосходный испанскій языкъ, а между тѣмъ, г. А. почему-то особенно хотѣлъ знать, что это за театръ «Liceo Capellanos—compania comico-lirico-dramatico» (надпись эту онъ прочелъ на афишѣ), то мы и принуждены были вступить въ бесѣду съ нашимъ гарсономъ, которыхъ здѣсь зовутъ «мосо». Для того, чтобы быть понятыми, мы употребляли для разговора среднее нарѣчіе, смѣшанное изъ французскихъ, итальянскихъ и русскихъ словъ, замѣняя букву «г» буквою «х» и ставя во множественномъ числѣ «осы». Глупый мосо насъ плохо понималъ и потребовалъ на помощь своего товарища, который немного говорилъ по-французски. Мы желали попасть въ наиболѣе національный театръ, чтобы слышать испанскія пѣсни и видѣть качучу и фанданго. Оказалось, что все это мы увидимъ въ «Liceo Capellanos». Любопытство заразительно и наши добродушные распросы на нѣсколько странномъ испанскомъ языкѣ привлекали вниманіе свободной прислуги, которая и окружила съ участіемъ столъ, за которымъ мы сидѣли. Но мы не смутились, потому что русскіе смущаются только въ одиночку; вдвоемъ же чувствуютъ себя хорошо, а въ большой компаніи даже начинаютъ разносить.

По мѣрѣ того, какъ на улицѣ темнѣло, кафе все болѣе и болѣе наполнялось посѣтителями и

вскорѣ въ залѣ установился непрерывный звонъ посуды и стало такъ душно и сѣро отъ дыма, что въ горлѣ становилось скверно, какъ въ нашихъ театральныхъ курительныхъ. Мы уже собирались уходить, какъ вдругъ къ намъ подошла какая-то женщина, довольно высокая, среднихъ лѣтъ, съ лицомъ вовсе не испанскимъ и съ маленькими глазами, изъ которыхъ одинъ нѣсколько сворачивалъ въ сторону, по направленію къ сьеррѣ Гуадараммѣ. Она была одѣта бѣдно, по-мѣщански, и держала въ рукахъ лотокъ, въ родѣ плоскаго ящика, на которомъ были разложены кучками бѣлыя, сѣрыя и розовыя сахарныя соломинки.

— Купите что-нибудь у бѣдной женщины,— сказала она по-французски.

— Почему вы говорите съ нами по-французски? сердито спросилъ я.—Быть можетъ мы испанцы и даже самой чистой крови испанцы, а вы начинаете прямо на иностранномъ языкѣ, который мы можемъ и не понимать?...

Таинственная женщина хитро улыбнулась и сказала, что издали слышала, что мы говорили не по-испански, но что, еслибъ не это, то она, пожалуй, по типу и приняла бы насъ за испанцевъ. Признаніе это очень насъ обрадовало и мы потребовали у нея конфектъ на три реала. Она намъ дала бѣлыхъ соломинокъ, говоря, что онѣ для кавалеровъ, хотя и не съумѣла объяснить, почему розовыя предпочитаются дамами. По этому поводу мы начали ее разспрашивать

о мадридскихъ дамахъ вообще, и не можетъ ли она насъ представить хорошенькимъ женщинамъ изъ порядочнаго общества; затѣмъ, кто нравственнѣе въ Испаніи—мужчины или женщины и при этомъ, временами, перекидывались русскими фразами. Каково же было наше удивленіе, когда наша собесѣдница заговорила по-русски.

— Кто вы? Откуда вы? и зачѣмъ вы здѣсь? спросилъ я.

Хотя это было и не такъ давно, но, хоть убейте, я не помню объясненій этой таинственной женщины, какимъ образомъ она попала изъ Буковины въ Мадридъ, потому что она была изъ Буковины. Папенька ея померъ, родительница тоже; потомъ скончался супругъ и судьба, толкая и бросая ее съ тремя малолѣтними дѣтьми въ разныя стороны, занесла ее наконецъ въ Мадридъ. Такъ свирѣпый тайфунъ, налетѣвъ на корабль, гдѣ-нибудь около ост. Формозы выбрасываетъ его неожиданно на берегъ и глупый человѣкъ, съ удивленіемъ взирая на корабль, лежащій между бананами и ананасами, ломаетъ себѣ голову надъ вопросомъ—гдѣ онъ встрѣчалъ это знакомое строеніе! Очевидно, что не любознательность и не пытливость были причиною появленія буковинки въ Мадридѣ. Этихъ чувствъ нельзя было прочесть въ ея глазахъ. Напротивъ того, въ нихъ отражалось неудовлетворенное любостяжаніе, что заставляло сильно подозрѣвать ее въ еврейскомъ происхожденіи.

Разсказавъ ей нѣкоторыя новости о Буковинѣ,

въ которой мы никогда не были, обругавъ австрійцевъ и давъ ей пять песетъ, мы ее отпустили, взявъ съ нея обѣщаніе придти завтра вечеромъ въ кафе.

Вслѣдъ затѣмъ мой пріятель отправился съ своей женой въ итальянскую оперу, а я въ театръ «de Variedades».

Въ Мадридѣ около пятнадцати главныхъ театровъ [1]), не считая тороса и второстепенныхъ сценъ, которыя устраиваются въ нѣкоторыхъ кафе для простого народа.

Испанцы очень любятъ всякія зрѣлища и притомъ въ Испаніи они наиболѣе разнообразны, если принять во вниманіе, что только у нихъ существуетъ бой быковъ, весьма рискованный для здоровья торреадоровъ. Этотъ бой, какъ по устройству театра, такъ и по характеру, напоминаетъ древній Римъ, а потому испанцы наиболѣе похожи на римлянъ. Это сходство станетъ еще ближе, если я вамъ скажу, что простой народъ здѣсь часто голодаетъ и требуетъ хлѣба и, быть можетъ, глядя на убитую быкомъ лошадь, мысленно представляетъ себѣ вкусный «solomo con vino», что возможно только при сильномъ южномъ воображеніи.

---

[1]) Teatro Real, Variedades, Español, de la Comedia, del Circo, La Zarzuela, d'Apolo, cirque de Madrid, Les Novedades, le salon Eslava, Martin, l'Alhambra и др.

Мнѣ кажется, что нѣкоторыя кафе не могли бы существовать безъ театральныхъ представленій. Такъ какъ бѣдные испанцы заказываютъ себѣ питательныя блюда только мысленно, а на дѣлѣ немного пьютъ вина и кофе и истребляютъ свои сигары, платя за послѣднія ресторатору дымомъ, то очевидно, что надо много бѣдныхъ испанцевъ, чтобы потребленное вино, кофе, шоколадъ и плата за входъ окупили содержаніе кафе. «Liceo de Capellanes» одинъ изъ лучшихъ кафе-шантановъ въ такомъ родѣ, хотя онъ очень грязенъ. Здѣсь играетъ небольшой оркестръ и на маленькой сценѣ даютъ небольшіе фарсы, поютъ и танцуютъ съ кастаньетами. Окурковъ сигаръ и папиросъ здѣсь никогда не убираютъ, вѣроятно за недостаткомъ благотворительныхъ обществъ. Пролитый на столѣ хересъ, шоколадъ, масло и другія жидкости только размазываются, но не вытираются, вслѣдствіе чего столы и стулья имѣютъ какой-то грязно-черепаховый цвѣтъ. Какъ вы видѣли выше, многія названія мадридскихъ театровъ такія же, какъ и въ Парижѣ; изъ этого я заключилъ, что и въ театрахъ, какъ и въ костюмахъ, испанцы стараются подражать французамъ. Какъ и у насъ, французскій языкъ считается въ здѣшнемъ обществѣ языкомъ хорошаго тона, а французскій ресторанъ и отель образцами. Мало того: когда Наполеонъ I увезъ изъ здѣшней арменіи шпагу Франциска I-го (въ 1808 г.), то испанцы заказали себѣ копію этой

шпаги. И такъ, вы видите, что не мы одни беремъ примѣръ съ французовъ; испанцы тоже берутъ и всѣ порядочные люди берутъ.

Выше я сказалъ, что мой русскій пріятель съ женой отправился въ итальянскую оперу, а я въ «Variedades»: Въ этотъ день въ королевскомъ театрѣ давали Гугенотовъ съ Мазини въ роли Рауля. Кромѣ него тамъ было еще нѣсколько артистовъ, знакомыхъ намъ по Петербургу. Между прочимъ Раппъ (Марсель), которому въ прошломъ году всякій разъ, когда онъ раскланивался вмѣстѣ съ м-мъ Дюранъ передъ публикой послѣ дуэта въ 3-мъ актѣ, кто-то изъ райка кричалъ: «скверный басъ!» чтобы дать ему этимъ понять, что аплодисменты до него не касаются.

Я обратилъ ваше вниманіе на то, что мои русскіе друзья отправились прежде всего слушать знакомую имъ оперу, потому что въ этомъ выборѣ видна наша страсть къ итальянской оперѣ вообще и поклоненіе передъ замѣчательными пѣвцами въ частности. Впрочемъ и мы съ вами виноваты въ томъ же. Иногда, какъ во снѣ, я вспоминаю послѣднія блестящія времена итальянской оперы въ Петербургѣ. Тамберликъ, Кальцолари, Граціани, Патти, Лукка, Фіоретти, Вольпини... Что за имена! Какъ тогда пѣли!.. Теперь такъ уже не поютъ. Помню, какъ мы съ вами забирались въ парадизъ, изъ котораго видны только правый или лѣвый башмакъ, смотря по тому, съ какой стороны си-

дишь, а то въ амфитеатръ, этотъ ящикъ, изъ котораго можно видѣть только переливы огня въ хрустальной люстрѣ, переливы столь гармонировавшіе съ нашимъ молодымъ воображеніемъ. И ничего: восторгались и не сердились на то, что неизвѣстно зачѣмъ привѣшенный термометръ показывалъ сорокъ градусовъ, и что у каждаго изъ насъ на плечахъ сидѣло не менѣе двухъ любителей, которые, такъ же какъ и мы, хотѣла видѣть мелькающій въ углахъ сцены башмачекъ Патти, чтобы потомъ сказать, что эта дива сегодня была не авантажна. Въ то время составлялись партіи, шикали и апплодировали такъ, что сыпалась штукатурка. Изъ театра выходили послѣдними и ощупью, потому что газъ къ этому времени тушили... Потомъ бросались къ подъѣзду, подсаживали, бѣгали за фотографическими карточками и, получивъ портретъ дивы, да еще съ подписью, имѣли видъ рыцаря Амадиса Гальскаго, побѣдившаго чудовище.

Года уносятъ старыя очарованія и теперь, изъ любви къ таланту, мы, пожалуй и не полѣзли бы опять въ ящикъ. Но нѣкоторые итальяноманы, которые можетъ быть никогда особаго очарованія и не испытывали, а держали за собой кресла ради шика и ради того, чтобы сравнивать новыхъ артистовъ съ вѣчными Гризи, Маріо, Рубини и Віардо Гарсіа, какъ сравниваютъ мѣры съ аршиномъ, который хранится на монетномъ дворѣ, эти господа продолжали упорно посѣщать ту же оперу, какъ баню. Во-

ображаю ихъ душевное разстройство, когда итальянскую оперу перевели изъ Большого въ Маріинскій театръ.

У нѣкоторыхъ эта страсть къ итальянскимъ пѣвцамъ и къ насиженному мѣсту осталась впрочемъ въ полной артистической чистотѣ, хотя бы весь составъ оперы состоялъ изъ французовъ, нѣмцевъ и евреевъ, и никакія новости не могутъ ее уничтожить. Трогательна и сладостна такая вѣрность, но и воспоминанія о любви, даже минувшей, которыми я теперь съ вами не удержавшись подѣлился, также сладостны.

Театръ «Variedades» помѣщается на улицѣ Магдалины. Это старое зданіе, имѣющее только одинъ выходъ и, въ случаѣ пожара, мало кто выйдетъ цѣлымъ. Зрительный залъ довольно просторный. Ложи маленькія, на четыре человѣка, изъ которыхъ хорошо видно только двумъ переднимъ. Я былъ въ театрѣ въ обществѣ двухъ бельгійскихъ инженеровъ, которые давно уже жили по дѣламъ въ Мадридѣ. Представленія въ театрѣ иногда тянутся съ шести часовъ пополудни до двухъ ночи и состоятъ изъ одноактныхъ пьесъ, которыя только, потому и одноактныя, что декораціи мѣняютъ, не опуская занавѣси. На каждую пьесу можно брать отдѣльный билетъ, вслѣдствіе чего большая часть публики мѣняется въ каждомъ антрактѣ. Мы пришли въ восемь час. веч. и взяли ложу на три послѣднія пьесы и за удовольствіе, которое

тянется до двухъ часовъ ночи, заплатили каждый по пяти съ половиною песетъ, что составляетъ на наши деньги—два рубля двадцать копѣекъ.

Такъ какъ большая дверь въ театръ одна, то намъ пришлось довольно долго ждать, пока не вышла старая публика и не стали пускать новую. Жара въ театрѣ страшная; кромѣ того въ антрактахъ начинаютъ курить и по залѣ разносятся клубы дыма. Относительно куренья здѣсь разныя правила, или вѣрнѣе обычаи. Въ нѣкоторыхъ театрахъ, какъ напримѣръ, въ королевскомъ, совсѣмъ не курятъ, въ другихъ допускаютъ это развлеченіе во время антракта, и наконецъ, есть и такіе, гдѣ курятъ даже во время представленія. Только милость Божія оберегаетъ беззаботныхъ испанцевъ отъ пожара.

Испанцы большіе любители театровъ и даже при довольно скучныхъ представленіяхъ театры почти полны. Многіе кавалеры и дамы, прослушавъ въ «Teatro Real» итальянскую оперу, которая какъ и у насъ кончается около полуночи, ѣдутъ еще въ Варьедадесъ смотрѣть оперетку.

Серія пьесъ, которую я видѣлъ, состояла изъ небольшой комедіи, переведенной съ французскаго, изъ довольно длиннаго «revue» и наконецъ чисто національныхъ сценъ, въ которыхъ представляютъ торосъ, приготовленія къ нему и осмѣиваютъ неумѣлыхъ любителей, стремящихся принять активное участіе въ этомъ опасномъ упражненіи. Нечего и говорить, что ис-

панское «revue» было скроено по парижской мѣркѣ; «revue» произведеніе чисто французское и, мнѣ кажется, исключительное достояніе столичныхъ театровъ. Артисты исполняютъ свои роли весело, съ оживленіемъ и вообще талантливо.

III.

Проживъ нѣсколько дней въ Мадридѣ, я убѣдился въ справедливости мнѣнія тѣхъ, которые мнѣ говорили, что хотя Мадридъ и столица Испаніи, но далеко не имѣетъ той оригинальности, какъ, напримѣръ, Севилья, Кордова, Гренада, Бургосъ и другіе.

Климатъ — скверный, и, кромѣ нѣсколькихъ музеевъ, смотрѣть нечего. Одно достоинство только и есть, что Мадридъ въ серединѣ Испаніи, такъ сказать въ сердцѣ, хотя сердце человѣка вовсе не помѣщается по серединѣ.

Конечно, во время моего пребыванія въ этомъ городѣ, я обошелъ музеи, чтобы вы не упрекали меня въ невѣжествѣ и въ отсутствіи любознательности и любви ко всѣмъ искусствамъ, чѣмъ долженъ обладать всякій порядочный русскій. Чтобы не подражать «любопытному» Крылова, я старался не пропустить ни одного слона въ тѣхъ мѣстахъ, которыя посѣтилъ.

Я былъ въ «Museo Real». Мадридскій музей основанъ при Фердинандѣ VII; въ немъ были собраны неоцѣненныя произведенія живописи, которыя пріобрѣтались испанскими королями въ

особенности въ теченіи XVI вѣка, во время богатства и процвѣтанія испанской монархіи. Любители здѣсь могутъ наслаждаться картинами Теньера, Рубенса, Пуссена, Ванъ-Дика, Рафаэля, Лорена, Гвидо-Рени, Тиціана, Тинторета, Веронеза и другихъ старинныхъ и современныхъ мастеровъ. Всего здѣсь около двухъ съ половиною тысячъ картинъ; ими собственно и славится музей; произведеній скульптуры мало и онѣ не замѣчательны. Изъ иностранныхъ мастеровъ наибольшее количество картинъ приходится на долю Рубенса; ихъ здѣсь болѣе шестидесяти. Особенно хороши: «Садъ любви», «Нимфы и сатиръ» и «Поклоненіе волхвовъ». Затѣмъ слѣдуетъ Тиціанъ (болѣе сорока картинъ: «Вакханалія», «Иродіада съ головою Іоанна Крестителя» и другія).

Но изо всѣхъ школъ въ здѣшнемъ музеѣ, конечно, наиболѣе интересна національная. Судя по современнымъ картинамъ, испанскіе художники не утратили до сихъ поръ ласкающую теплоту красокъ, ясность тона и какую то особую прелесть, отличающую старинныхъ мастеровъ ихъ родины отъ всѣхъ остальныхъ школъ. Здѣсь только можно видѣть во всей прелести картины Мурильо, Веласкеца и Рибейра, извѣстнаго своимъ мрачнымъ реализмомъ. Изъ картинъ Веласкеца мнѣ больше всего понравились «Сдача крѣп. Бреды», «Пьяницы» и, въ особенности, «Христосъ, умирающій на крестѣ»; нигдѣ мнѣ не приходилось видѣть такого величественнаго и прекраснаго изображенія Христа. Эта картина

и одна изъ мадоннъ Мурильо (безгрѣшное зачатіе) составляютъ поистинѣ чудо искусства и неоцѣненные перлы въ галереѣ Мадрида. Изъ картинъ Мурильо, которыя всѣ прекрасны, упомяну еще поясное изображеніе мадонны, «Видѣніе св. Варфоломея» и «Святое семейство съ собачкой». Музей содержится въ порядкѣ, но въ размѣщеніи картинъ нѣтъ системы и зала королевы Изабеллы, гдѣ собраны шедевры, плохо освѣщена. Кромѣ королевскаго музея, въ академіи «San Fernando», на улицѣ «Alcala», имѣется около трехсотъ картинъ, но академія эта содержится въ невозможномъ видѣ. Картины и статуи, украшающія мраморную лѣстницу, покрыты грязью, пылью и паутиной. Еще въ худшемъ положеніи находится «Національный музей», по числу картинъ превосходящій академію. Кромѣ этихъ музеевъ, въ Мадридѣ находится еще нѣсколько замѣчательныхъ галерей, принадлежащихъ стариннымъ аристократическимъ фамиліямъ.

Я ходилъ также смотрѣть скелетъ допотопнаго животнаго, подареннаго г-омъ Кювье здѣшнему зоологическому кабинету и носящаго названіе «Megatorium americanum», и нашелъ его въ нѣкоторомъ пренебреженіи и покрытымъ пылью. Бѣдный «megatorium», и какой печальный видъ! Однако, такъ какъ я далъ себѣ обѣщаніе не вдаваться особенно ни въ серьезное, ни въ печальное, то и не буду входить въ подробности,

тѣмъ болѣе, что о музеяхъ написаны цѣлыя книги настоящими знатоками.

Скажу только напослѣдокъ нѣсколько словъ объ арменіи. На восточной сторонѣ города, противъ зданія королевскаго дворца, въ одномъ изъ флигелей помѣщается богатѣйшая коллекція старинного оружія, носящаго названіе арменіи (Armeria). Сначала меня не хотѣли туда пускать, такъ какъ музей былъ запертъ, по случаю передѣлокъ. Тѣмъ не менѣе я три раза звонилъ и всякій разъ, когда отпирали дверь, давалъ на «хересъ» сторожу, прибавляя, что я иностранецъ и очень желаю видѣть шпагу Сида Компеадора. Наконецъ, меня впустили, потому что добрые испанцы за нѣсколько песетъ, если толъко онѣ не фальшивыя, пропустятъ даже въ рай; впрочемъ и не одни испанцы сдѣлали бы тоже самое.

Кромѣ шпаги Сида въ оружейной можно видѣть массу другихъ доспѣховъ, которые тогда принадлежали разнымъ замѣчательнымъ людямъ. Кольчуга Альфонса Аррагонскаго, латы дона Хуана Австрійскаго, мечъ и стальная чалма короля Боабдила, шпага Гонзальвы Кордуанскаго и другихъ. Необыкновенной красотой и художественностью чеканки отличаются вооруженія герцога Альбы, Христофора Колумба и Франциска I.

Наибольшее количество латъ, щитовъ, кольчугъ, сабель, копій и охотничьихъ мускетовъ осталось послѣ Карла V-го. Въ арменіи имѣется около десятка куколъ изъ «papier-mâché», изобра-

жающихъ въ натуральную величину этого короля и одѣтыхъ въ разные доспѣхи; повсюду стоятъ Карлы V-е, то пѣшіе, то посаженые на лошадей, покрытыхъ парчевыми чапраками, бронею и павлиными перьями.

Больше ничего о Мадридѣ вамъ разсказывать не буду; кончаю съ Мадридомъ и ѣду въ Андалузію, что весьма естественно въ сѣверномъ человѣкѣ, который изъ холоднаго мѣста ѣдетъ въ теплое, а изъ теплаго въ жаркое. Хотя онъ и жалуется иногда при этомъ на южное солнце и говоритъ: «фу, какъ жарко», но и прибавляетъ: «вотъ такъ климатъ! а у насъ-то теперь, въ Москвѣ, тридцать градусовъ морозу... ничего! пускай померзнутъ... а мы погрѣемся».

Этимъ тяготѣніемъ къ югу, мнѣ кажется, слѣдуетъ объяснить отчасти всѣ наши турецкія и азіятскія войны, а также любовь къ банѣ. О послѣдней, впрочемъ, и Геродотъ упоминаетъ.

«Это все хорошо, скажете вы; армерія, музеи и прочее... А что же торросъ, классическій торросъ, самое національное и самое оригинальное испанское развлеченіе»?

На это я долженъ отвѣтить съ грустью, что большіе торросы имѣютъ свой сезонъ и въ зимнее время въ Мадридѣ ихъ нѣтъ, хотя въ ожиданіи, что у короля родится инфантъ, а не инфанта, и предполагали устроитъ большой бой быковъ. Зимніе бои, какъ мнѣ объяснили, не

отличаются великолѣпіемъ, публики не такъ много и кромѣ того извѣстные терреадоры участія въ немъ не принимаютъ, уступая въ немъ мѣсто еще неопытнымъ метадорамъ. Во всякомъ случаѣ о боѣ быковъ писалось столько, что вы, я думаю, ничего не выиграете, если я къ этимъ описаніямъ прибавлю еще свое?

Въ каждомъ мало-мальски порядочномъ испанскомъ городѣ имѣется обширное зданіе для боя быковъ. Въ Мадридѣ очень красивый каменный торросъ, выстроенный въ арабскомъ стилѣ, можетъ вмѣстить до четырнадцати тысячъ зрителей. Въ Санъ-Сабастіанѣ также большое зданіе, только деревянное. Въ лѣтнее время французы и иностранцы, посѣщающіе южную Францію, пользуясь близостью Санъ-Себастіана, ѣздятъ туда на представленія. Испанцы очень ревниво относятся къ своему національному развлеченію. Одного новаго торреадора, оказавшагося французомъ, чуть не убили, за то, что онъ въ числѣ разныхъ штукъ, которыя продѣлываются съ быкомъ, схватился за рога и перепрыгнулъ черезъ быка, чѣмъ возбудилъ зависть въ испанцахъ. Впрочемъ, здѣшніе торреадоры продѣлываютъ также удивительныя вещи. Лучшіе изъ нихъ извѣстны всей Испаніи. Они разъѣзжаютъ по городамъ и собираютъ цѣлыя состоянія. Не только ихъ біографіи и портреты печатаются, но даже особенно удачные удары и продѣлки иллюстрируются въ журналахъ.

Маленькіе бои съ неопытными бойцами не осо-

бенно нравятся также потому, что испанцы любятъ, чтобы быкъ выпустилъ какъ можно болѣе лошадиныхъ кишекъ и смѣются, когда много пикадоровъ и бандарильеровъ летятъ вверхъ съ переломанными ногами и ребрами.

СЕВИЛЬЯ.

Отъѣздъ въ Андалузію.—Аргамазилья.—Кордуанскій соборъ.—Долина Гвадалквивира.—Нищій и гитаристъ.

I.

Играя вашимъ терпѣніемъ и угощая васъ безсодержательными письмами о Мадридѣ, я убаюкивалъ себя надеждою поправиться на Севильѣ. Изъ такого матерьяла можно что нибудь сдѣлать, въ особенности если принять во вниманіе андалузскихъ женщинъ, а женщины, какъ утверждаютъ нѣкоторые — вѣнецъ Божьяго созданія, хотя, между нами, этотъ вѣнецъ и бываетъ иногда терновымъ.

И такъ, я надѣялся поправиться на описаніи своихъ андалузскихъ приключеній. «Поберегу, думалъ я, порохъ подъ конецъ; пусть этотъ порохъ послужитъ мнѣ для салютаціонной кононады въ честь андалузскихъ красотъ»...

Теперь я боюсь, какъ бы этотъ порохъ не оказался подмоченъ. Какъ бы я въ этомъ случаѣ не оказался схожъ съ нашими мелкими фруктовщиками, которые, продавая напередъ испорченные плоды, въ концѣ концовъ сбываютъ свой

товаръ не иначе, какъ въ гниломъ видѣ. Дѣло въ томъ, что мой небольшой дневникъ, относящійся по времени моего пребыванія въ Андалузіи, оказался очень страненъ и кратокъ, и далеко не воспроизводитъ въ моемъ воображеніи всего того, что мнѣ прежде такъ ясно бросалось въ глаза. Огорченный этимъ, я заглянулъ свою записную книжку, надѣясь почерпнуть въ ней что-либо. Я записывалъ въ эту книжку свои ежедневные расходы (русскіе заграницей всегда ведутъ такія книжки), заглянулъ въ нее и, невольно покраснѣвъ за себя, бросилъ ее въ сторону. Нечего дѣлать, приходится довольствоваться дневникомъ и, дополняя его воспоминаніями, составить нѣчто вродѣ не то описанія, не то романа безъ конца и начала. Какъ вы увидите мои воспоминанія объ Андалузіи написаны въ нѣсколько «поднятомъ», экзальтированномъ тонѣ. За образецъ, въ этомъ отношеніи, я принялъ манеру поэтовъ—путешественниковъ добраго стараго времени, умѣвшихъ приводитъ себя въ восторгъ на случай надобности. Это тѣ самые добрые и милые ребята, которые имѣли всегда достаточно средствъ, чтобы укатить съ дамой своего сердца даже на луну и жить тамъ, не смотря на отсутствіе атмосферы.

Конечно, въ нынѣшнія времена имъ можно только слабо подражать, но вполнѣ воплотить ихъ славный духъ уже невозможно... Время то же что океанъ: безжалостная волна часто уно-

ситъ съ берега драгоцѣнность, а взамѣнъ послѣдней выбрасываетъ никуда негодную тину...

...6-го (18-го) Ноября, рано утромъ, успѣвъ на скорую руку уложить свой небольшой багажъ, карне и порфель и, выпивъ чашку превосходнаго шоколада, я поспѣшно спустился по лѣстницѣ лостинницы Мира и, что называется, бросился въ дилижансъ. Боялся опоздать. Жребій брошенъ! Ѣду въ Андалузію. Въ Мадридѣ, кромѣ музея и жаровенъ, ничего испанскаго не нашелъ.

Какъ было холодно... бррр! По улицамъ стлался холодный синеватый туманъ, бѣлая заря глядѣла изъ-за сѣрыхъ домовъ; пахло горѣлымъ оливковымъ масломъ и остывшими кушаньями, которыми Мадридъ вчера ужиналъ. Со мной въ дилижансѣ сидѣли г. А. съ женой и англичанинъ, отъ которыхъ нигдѣ нельзя избавиться. Подгоняемыя холодомъ, скверныя клячи, которымъ пора быку на рога, дотащила насъ до южнаго вокзала.

Кромѣ нѣсколькихъ каретъ и трехъ полицейскихъ «сархентовъ» никого у подъѣзда не было. Одному изъ нихъ, который, безъ всякой видимой причины, далъ въ шею нашему кучеру, я гордо взглянулъ въ глаза, чтобы онъ даже мысленно не сдѣлалъ со мной то же самое.

Временное зданіе вокзала произвело на меня непріятное впечатлѣніе; въ особенности, когда я заглянулъ въ его грязную внутренность. Сдавъ

багажъ и взявъ билеты, мы отправились на платформу. Вдоль нея уже вытянулась длинная цѣпь старыхъ, запыленныхъ вагоновъ, съ надписью «Andalucia». Не знаю отчего, сердце у меня забилось. Это уже второй разъ; первый разъ я почувствовалъ сладость въ груди еще въ гостинницѣ, прочитавъ въ желѣзнодорожникѣ надпись надъ однимъ расписаніемъ: «linea general de Madrid à Cordova y Sevilla.» Два паровоза, свистя, маневрировали взадъ и впередъ. «Одинъ изъ нихъ, подумалъ я, понесетъ насъ какъ сказочный конь въ страну, въ которую... однимъ словомъ — въ Андалузію»...

Мы заняли купе и разсѣлись. Сначала разговоръ какъ-то не клеился. Всѣ были сонны. А* и его жена досадовали, что выѣхали съ раннимъ поѣздомъ и не успѣли напиться кофе. Изъ деликатности я имъ выразилъ свое сочувствіе, сказавъ, что я ихъ понимаю, ибо самъ не успѣлъ выпить кофе, но ничего не упомянулъ о чашкѣ превосходнаго шоколада; однако не удержался, высунулъ голову въ окно и улыбнулся. Здѣсь буфеты очень рѣдки, очень плохи и дороги. Поѣзда ходятъ не аккуратно и часто съ опозданіемъ; на второстепенной станціи иногда застаиваются около тридцати минутъ, а тамъ, гдѣ полагается по росписанію большая станція и буфетъ, не стоятъ и пяти. Не успѣли вы разжевать скверную баранину, отъ которой разитъ чеснокомъ и оливковымъ масломъ, какъ ужь раздается возгласъ кондуктора: «senores viajeros!

al coche!» Выплевываете скверную баранину и бросаетесь въ карету, которая уже двигается...

Поэтому на испанскихъ дорогахъ надо запасаться собственной провизіей. Съ здѣшними деньгами также возня. Теперь введена новая система: песета, равная франку; она дѣлится на четыре реала или на сто сантимовъ; но и старыя монеты въ ходу; вамъ попадаются разныя дуро, ескудо, кварты, мараведисы, иногда вытертые совершенно, такъ что глядя въ нихъ, можно причесаться. А* говоритъ, что видѣлъ монету временъ донъ-Педро Жестокаго.

Первое время разговоръ печему-то вертѣлся на ботаникѣ. Потомъ кто-то сказалъ, высунувшись въ окно: «а! Аргамазилья»...

Аргамазилья состоитъ изъ трехъ хижинъ, двухъ старинныхъ монастырей и одного масличнаго дерева; здѣсь Сарвантесъ исполнялъ должность сборщика податей. Здѣсь же, по догадкамъ нѣкоторыхъ ученыхъ толкователей, родился донъ-Кихотъ Ламанчскій.

Послѣ этого г. А* вынулъ изъ корзинки холодный завтракъ и бутылку рансіо и мы слегка закусили и оживились.

Разговоръ шелъ о разныхъ разностяхъ, но главнымъ образомъ вертѣлся на югѣ Испаніи.

— Наконецъ-то я увижу Альгамбру при лунѣ! сказала м-мъ А.

Въ Кордовѣ мю рѣшились покуда не останавливаться; тутъ перевѣсъ взяли мужчины, которыхъ тянуло къ Севилью. Замѣчательна исто-

рія кордовскаго собора. При Августѣ, во времена римскаго владычества, это былъ храмъ Януса. При готахъ посвященъ св. Георгію. Послѣ завоеванія храма арабами, Абдеръ-Рахманъ на развалинахъ храма въ 770 году началъ строить роскошную мечеть, которая окончена черезъ двадцать пять лѣтъ. Въ 1236 г. св. король Фердинандъ изгналъ мавровъ и обратилъ мечеть въ христіанскій соборъ Успенія Пресвятой Богородицы. Нечего входить въ подробности. Начнешь говорить про длину, спросятъ про вышину; заговоришь о колоннахъ, спросятъ какія онѣ... Много, много надо говорить объ этомъ чудномъ храмѣ... Цѣлые томы можно написать... Скажу о колоннахъ только: ихъ такое множество, что Теофиль Готье, войдя въ соборъ, заблудился и вообразилъ, что онъ въ лѣсу. Макафи говоритъ, что во времена магометанства каждый вечеръ въ мечети зажигали 4,700 лампъ, на что расходовалось 24 тысячи фунтовъ масла. Я думаю, многіе интенданты не отказались бы быть старостами въ этой мечети. Видъ на Кордову съ сѣверной башни, по словамъ дона-Педро Мадрасо, необыкновенный. Я поклялся на обратномъ пути исполнить совѣтъ Мадрасо — влѣзть и посмотрѣть.

Хотя темою нашей бесѣды было голубое небо, растительность и памятники арабской архитектуры, но многіе думали объ андалузянкахъ.

Однообразная тряска въ вагонѣ располагаетъ къ сонливости и, поболтавъ часа два, мы всѣ

почувствовали нѣкоторую усталость и замолчали. Я закрылъ глаза и отдался мечтамъ. Прежде всего предо мной навязчиво мелькала длинная фигура Донъ-Кихота съ мѣднымъ тазомъ на головѣ и Санхо-Пансо верхномъ на ослѣ, потомъ я перенесся мыслями на Мурильо и предо мной возстала во всей своей красѣ мадридская Мадонна. Чудная бѣлокурая дѣва съ темными глазами, съ нѣжными ручками, сложенными на молитву, съ прядью тонкихъ волосъ, упавшихъ на дѣвственную грудь, отъ которыхъ грудь мечтателя такъ и хочетъ вздохнуть божественный ароматъ. Что за мило - наивное выраженіе лица, что за поражающая красота, какая легкость и прозрачность фигуры. Трудно оторвать взоръ отъ нея. Только въ сладкомъ снѣ, казалось бы, могла явиться такая чудная женщина; да, именно, какъ сладостное сновидѣніе — все сотканное изъ красокъ свѣта и одушевленное безсмертной и торжествующей любовью. Откуда Мурильо досталъ кисти, откуда онъ досталъ краски и тотъ волшебный внутренній свѣтъ, этотъ внутренній пламень, сіяющій и сладко жгучій, этотъ колоритъ и этотъ величественно прекрасный и въ тоже время нѣжный какъ мечта обликъ?

Казалось безплотные духи служили великому художнику: они приносили ему эфирныя ткани для одеждъ, клочья голубаго неба, свѣтъ луны и разводили свой румянецъ на палитрѣ художника. Часть души его осталась заключенной въ

картинѣ. Дивное произведеніе! Удивительный художникъ!

И вотъ, думалъ я, мнѣ теперь доведется увидѣть тотъ край, который служилъ ему моделью... На этомъ я заснулъ. Не помню на которой станціи, кажется въ Менгибарѣ А* меня разбудилъ.

— Что вы спите, сказалъ онъ; посмотрите какъ стало хорошо...

Солнце уже зашло за горизонтъ и только ясная заря еще бросала послѣдній золотой свѣтъ на природу. Мы уже, оказывается, проѣхали ущелье Деспенаперосъ (сьерра Марена) и спустились въ теплыя долины Андалузіи. Мутный и узкій Гвадаквивиръ съ низкими и извилистыми берегами, покрытыми бахрамою кустарниковъ, пробѣгалъ тутъ же около станціи. Было очень тепло. Дѣйствіе могучаго южнаго солнца чувствовалось въ воздухѣ. Какъ будто пахнуло горячимъ паромъ. Луна, между тѣмъ, выплывъ изъ-за горъ, быстро поднималась надъ землею.

Никогда я не видалъ такой ясной, такой блистающей, серебристой луны... Она была гораздо свѣтлѣе, чѣмъ тотъ нечищенный желтый газъ, который наши петербургскіе туманы выдаютъ за божье солнце. Здѣшняя луна подымалась смѣло и быстро, какъ выходитъ смѣло на экзаменъ хорошо приготовившійся ученикъ; это была увѣренная въ себѣ сказочная фея любви и розовыхъ сновидѣній, которая неслась въ небесныхъ пространствахъ, разливая очарованіе на живущихъ. Нигдѣ и никогда я не ви-

дѣлъ такого чистѣйшаго голубого неба, такой чистой и прозрачной лазури, въ которой висѣла эта луна. Поѣздъ шелъ вдоль пологаго косогора, закрывавшаго съ одной стороны горизонтъ... Небо съ этой ближней стороны было такъ чисто, что казалось, что за этимъ косогоромъ уже ничего и нѣтъ, что земля здѣсь кончается...

Съ другой стороны, противъ косогора, сьерра, точно отхлынувшая волна океана, отошла на дальнее разстояніе и открывала волнистую долину; красноватая почва чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе принимала желто сѣроватый оттѣнокъ; но тѣни ложившіяся на нее были чрезвычайно мягки и нѣжны и выпуклости мѣстности, не смотря на то, что горы и поля большею частью голы, имѣли совершенно оригинальный, фантастическій характеръ. Временами и все чаще, чѣмъ далѣе на югъ, попадались, точно оазисы, обширныя рощи масличныхъ деревьевъ съ ихъ оригинальной, темно-зеленой глянцовитой листвой. Онѣ посажены ровными рядами въ извѣстномъ разстояніи одно отъ другого, что позволяло видѣть повсюду продольные просвѣты между ними... Иногда подъ горами открывался небольшой городъ или селеніе... Старыя церкви, развалины замковъ и монастырей, вѣтряныя мельницы, нѣсколько высокихъ платановъ и кипарисовъ, и группы домиковъ, ярко бѣлѣющихъ при лунѣ... Вся эта картина такъ мнѣ понравилась, что я и не замѣчалъ, какъ сквозь скверно прилаженныя рамы, меня

совершенно занесло пылью и что меня больно покусывали гордые испанскіе клопы.

На каждой станціи всегда было нѣсколько нищихъ, которые убѣждали насъ Богомъ, небомъ и «por favor» дать имъ милостыню. Въ Кордовѣ, не смотря на ночное время, пять нищихъ одинъ за другимъ появились въ нашемъ окнѣ съ протянутой рукой. Сначала пришелъ просить мальчикъ, потомъ явился ко мнѣ другой мальчикъ постарше и повыше и такъ далѣе; пятый уже былъ съ бородой и самъ разсмѣялся, замѣтивъ наше удивленіе; тѣмъ не менѣе, не смотря на то, что поѣздъ тронулся, онъ не слѣзалъ со ступеньки и держался за окно, пока мы ему не дали мѣдную монету. Онъ былъ въ необыкновенной шляпѣ на растрепанныхъ волосахъ, съ грязнымъ полосатымъ одѣяломъ на плечѣ и съ до того грязными руками, что трудно было отгадать, гдѣ кончалась грязь и начинался рукавъ; въ зубахъ держалъ замусленную сигару. Лицу онъ придавалъ необыкновенно кислое выраженіе, но сигару изо рта все-таки не выбрасывалъ и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ.

На одной станціи, гдѣ поѣздъ застоялся болѣе положеннаго, гитара забренчала какой-то чрезвычайно быстрый мотивъ и грубый, мужской теноръ затянулъ пѣсню... Пѣсня была странная и прерывистая; рванетъ аккордъ и потомъ гортаннымъ голосомъ протянетъ одну фразу, начавъ высоко и спустивъ дрожащими низкими нотами по восточному; а потомъ опять засуе-

тится на гитарѣ. Это была первая гитара и первая пѣсня, которую мы услышали на вольномъ воздухѣ. Выскочивъ изъ вагона, мы съ А* пошли по платформѣ послушать пѣвца поближе. Пѣвецъ оказался пассажиромъ третьяго класса, но мѣсто не краситъ человѣка. Вагонъ въ которомъ онъ сидѣлъ, былъ наполненъ простымъ народомъ и солдатами. Гитаристъ былъ толстый мужчина съ полусѣдой бородой и въ круглой мѣховой шляпѣ. Онъ держалъ въ рукахъ старую гитару, пѣлъ отклонившись нѣсколько назадъ, щуря и подымая кверху глаза и слегка улыбался. А* далъ ему двѣ песеты, сказалъ: «канте, канте!» и сконфузился. Русскіе всегда конфузятся, когда даютъ деньги. Этотъ невѣжа взялъ деньги, даже не поблагодаривъ. Женщины что-то затараторили. Всѣ повернули свои черные глаза въ нашу сторону и улыбались. Въ плохо освѣщенномъ вагонѣ сразу сверкнуло нѣсколько сотъ бѣлыхъ зубовъ. Невѣжливый артистъ пробѣжалъ пальцами по струнамъ и положилъ гитару подъ лавку. Очевидно, онъ предположилъ, что мы дали деньги за молчаніе. «Канте, канте!». повторилъ А* безпомощнымъ голосомъ, но артистъ не понялъ и мы пошли прочь. Тѣмъ не менѣе, я впалъ въ серенадное расположеніе духа и сталъ мечтать объ Альманзорѣ, Сидѣ Кампеадорѣ, о мантильѣ, балконѣ и мандалинахъ. Такъ цѣлую ночь и не спалъ. Утромъ мы пріѣхали въ Севилью. На подъѣздъ вокзала я вышелъ совсѣмъ сонный. Прислуга изъ разныхъ

отелей бросилась на меня съ поспѣшностью людей, которымъ хочется согрѣться во чтобы то ни стало.

Мы сѣли въ карету «Fonda de Madrid» и поѣхали. Я такъ былъ утомленъ, что немедленно легъ спать, прося А* разбудить меня въ полдень.

II.

Дома въ Севильѣ; «patio».— Красавицы Севильянки.— Серенада Теофиля Готье.

Отель (fonda), въ которомъ я остановился, находится близь площади св. Магдалины, на узкой улицѣ, названіе которой я не знаю. Содержитъ ее одинъ итальянецъ—Джуліо Меацца. Трехъ-этажный домъ устроенъ на образецъ прочихъ домовъ въ Севильѣ. Небольшіе рѣшетчатые балконы, затянутые ползучими растеніями и розами. Во внутрь ведетъ большая, украшенная арабесками двустворная дверь съ бронзовымъ молоткомъ, чтобы будить привратника.—Широкій и высокій, со сводомъ, проходъ, ведетъ на внутренній дворъ—«patio». Весь полъ подъ воротами выложенъ въ шахматномъ порядкѣ плитами бѣлаго и чернаго мрамора; изъ этого же мрамора сдѣланы широкіе тротуары кругомъ двора. По серединѣ шумитъ фонтанъ, окруженный финиковыми пальмами, молодыми кипарисами, померанцами въ цвѣту и жасминомъ. Подъ

легкими навѣсами стоятъ диваны, кресла, столики съ газетами и журналами;—это общая гостиная. Во всѣхъ этажахъ, кругомъ «patio», идутъ стеклянныя галлереи, вродѣ верандъ... Ну, вотъ и довольно. Кажется, я описалъ гостинницу. Всѣ дома въ Севильѣ въ томъ же родѣ.

Мнѣ отвели въ верхнемъ этажѣ комнату съ высокимъ, неоштукатуреннымъ потолкомъ; надъ головой висѣли рѣзныя деревянныя балки; по моему, это оригинально и даже красиво. Въ комнатѣ все мраморное: умывальникъ мраморный, подоконники тоже. Надъ постелью два кисейныхъ полога отъ москитовъ, которые даже зимой жужжатъ по угламъ.

Я съ удовольствіемъ прилегъ заснуть послѣ утомительной ночной ѣзды, но надо признаться, спалъ чутко. Въ полдень, согласно обѣщанію, А* ко мнѣ постучался.

— А я ужъ успѣлъ помыться, позавтракать и погулять, сказалъ онъ входя; погода чудесная...

— Ну—что? спросилъ я пытливо (глаза его сіяли фосфорическимъ блескомъ), неужели то же, что и Мадридъ?.. Неужели не стоило ѣхать? Правда ли все то, что мы слышали и читали про Севилью, или все это была безстыдная ложь, плодъ воображенія, достойный пера негодяя.

— Не знаю, все ли на своемъ мѣстѣ; я видѣлъ только немного соборъ; кажется хорошъ... Но женщины такія... вотъ вы увидите. Я даже

увлекся одной продавщицей табаку и купилъ двѣ пачки папиросъ... Онѣ называются «амбокильядосъ кортесъ»... Попробуйте (при этомъ онъ сразу закурилъ двѣ папиросы, желая успокоиться дымомъ). Вотъ вы сами увидите; я стараюсь быть сдержаннымъ»...

Я сталъ на скорую руку одѣваться и приводить себя въ порядокъ, а онъ ласково улыбался и эта улыбка не сходила съ его устъ во все время пребыванія въ Севильѣ...

— Какой странный воздухъ, говорилъ онъ.

— Удивительный воздухъ, повторилъ я.

— И солнце какое-то странное... жгучее, сказалъ онъ.

— Жгучее солнце, повторилъ я и собирался съ неестественной торопливостью, какъ будто готовясь и боясь опоздать на какое-то важное предпріятіе или торжество.

Не торопись никогда, человѣкъ, что либо свершать, ибо торопясь свершать, ты, въ сущности, спѣшишь къ смерти! а дѣло рукъ твоихъ все равно погибнетъ рано или поздно; не избѣжать ему гибели! Вѣрь мнѣ и вникни въ слова мои, какъ говорилъ Кузьма Прутковъ.

Мы вышли на улицу, столкнулись въ дверяхъ съ черноглазымъ арабомъ, гидомъ при гостинницѣ, который, какъ говорилъ мнѣ тайный голосъ, играетъ не маловажную роль въ судьбѣ путешественниковъ, вышли на улицу, проникли быстро на Новую площадь, обсаженную пальмами и акаціями, и я вздохнулъ полной грудью

воздухъ Севильи. Въ воздухѣ этомъ, очевидно, заключается тонкій и пріятный ядъ, вродѣ американскаго увеселительнаго газа; я почувствовалъ, что у меня что-то защекотало внутри и придирался къ каждому случаю, чтобы смѣяться. Такимъ образомъ А. все улыбался, а я смѣялся, что не мѣшало намъ сохранить природный умъ. Пожалуй, скажутъ, зачѣмъ я объ этомъ говорю. Не лучше ли было бы начать съ того, что въ Севильѣ около полутораста тысячъ жителей, что она вся почти расположена на лѣвомъ берегу Гвадалквивира, на высотѣ 375 фут. надъ уровнемъ моря; воздухъ здоровый, сухой и чистый; произведенья такія-то и прочее? Можетъ быть и лучше, но я заношу въ свой дневникъ фактъ внутренняго щекотанія, дабы человѣкъ болѣе глубокій и серьезный, чѣмъ я, постарался его объяснить или просто бы задумался, и не прійдя ни къ чему, сказалъ бы: «это странно... но бываетъ!» Тогда мой трудъ спасенъ и самъ я счастливъ: значитъ мнѣ удалось передать странныя чувства, мною испытанныя, но не вполнѣ самимъ понятыя; такимъ же путемъ, слѣдовательно, мнѣ удастся, схвативъ на скорую руку изъ находящихся въ моемъ распоряженіи разныхъ мѣстныхъ аксессуаровъ, передать оригинальный рисунокъ Севильи, ни на что не похожей, подобно Константинополю и Москвѣ, которые тоже ни на что не похожи.

День праздничный. Ясное солнце горитъ на

совершенно чистомъ небѣ и ярко освѣщаетъ голубыя, розовыя и палевыя стѣны домовъ. 20 градусовъ тепла, такъ что мысль о зимѣ становится смѣшна (замѣтьте какое отсутствіе патріотизма: даже мысль о зимѣ кажется смѣшной). По временамъ на улицѣ вздымается легкая пыль отъ проѣзжающихъ экипажей; ползутъ двухколесныя телѣги съ фруктами, бѣгутъ ослы, нагруженные сѣномъ. Мимо на горячихъ лошадяхъ проѣхало рысью нѣсколько кабальеро, изъ окрестностей, въ широкополыхъ сомбреро, съ большими шпорами на сапогахъ и съ ружьями, прицѣпленными къ сѣдлу, дуломъ внизъ; продавцы съ папиросами, спичками и просто съ пустыми руками, отъ лѣни или отъ любви, забывшіе чѣмъ они торгуютъ.

Необыкновенно лѣнивые нищіе и въ то же время страшно гордые, пробующіе о камень, не дали ли вы имъ фальшивую монету, если вы такъ добры, что дали реалъ. На Новой площади кругомъ зеленѣютъ финиковыя пальмы и апельсинныя деревья; въ углахъ большія бесѣдки съ прохладительными: холоднымъ чаемъ, настоемъ чего-то въ родѣ сассапарели, просто водою съ сухимъ фруктовымъ сокомъ разныхъ сортовъ, которые изготовляются здѣсь въ большомъ количествѣ на особой фабрикѣ «de refrescos». Черезъ крыши домовъ виднѣется массивное зданіе собора, съ возвышающейся надъ нимъ стройной Жиральдой, въ былыя времена минаретомъ, съ которой муззинъ собиралъ право-

вѣрныхъ мавровъ на молитву. Теперь оттуда разносились рѣдкіе и грубые удары колокола. Къ этому собору мы и направились съ моимъ пріятелемъ.

Въ томъ же направленіи мы обогнали нѣсколько монаховъ и канониковъ. Нѣсколько севильянокъ медленно шли туда же въ соборъ. Всѣ онѣ были въ черныхъ платьяхъ, въ черныхъ мантильяхъ и въ длинныхъ черныхъ перчаткахъ; въ рукахъ черный молитвенникъ, черныя четки и вѣеръ. «Настоящія севильянки, думалъ я; «неподдѣльныя севильянки»... и былъ искренно доволенъ... И было чѣмъ! какъ описать прелесть этихъ женщинъ! Гдѣ перо, на это способное и гдѣ та счастливая бумага, которая сразу, въ одинъ день, можетъ передать мертвыми буквами полную жизни красоту севильянки? Не мое это перо и нѣтъ у меня этой бумаги; я не могу. Но я не могу также и молчать о нихъ, объ этомъ вѣнцѣ на прекрасномъ челѣ Андалузіи... Я буду описывать ихъ по мѣрѣ силъ, а восторгъ выражать отрицаніемъ, т. е. что я не могу выразить свой восторгъ. Одни только мавры съ ихъ восточнымъ воображеніемъ могли вмѣстить и высказать свое мнѣніе по этому поводу, но ихъ за это прогнали. Г. Боткинъ, хотя и не мавръ, въ оныя времена въ своихъ знаменитыхъ «письмахъ», четыре года, съ помощью мало извѣстнаго тогда Вашингтона Ирвинга, описывалъ красоту андулязанокъ, но все-таки не исчерпалъ, такъ сказать, всего; я не удивляюсь его

настойчивости, а дивлюсь только, какъ онъ не запутался въ описанiи красоты южныхъ испанокъ и отдавая преферансъ, напримѣръ, гренадинкѣ передъ севильянкой, севильянкѣ передъ кадисанкой, а кадисанкѣ передъ гренадинкой, никого такимъ способомъ не обидѣлъ, а удовлетворилъ самолюбiю всѣхъ.

Я даже хотѣлъ выхватить изъ его письма эпиграфъ для своихъ записокъ — «даже въ темнотѣ сверкаютъ глаза южной испанки»!.. И, дѣйствительно, первое, что привлекло мое вниманiе, при выходѣ на улицу, это удивительные глаза у женщинъ. Это глаза большiе, черные, блестящiе, съ длинными и слегка загнутыми рѣсницами, бросающими сладостную, постоянно двигающуюся тѣнь, отчего выраженiе глазъ постоянно мѣняется; то взглядъ ихъ становится нѣженъ и ласковъ, то строгъ, то таинственъ, то дерзокъ. Какъ видно, это не тупое и даже иногда просто безсмысленное выраженiе глазъ восточныхъ, гаремныхъ женщинъ; хотя глаза по формѣ и внѣшней красотѣ и оставлены испанкамъ на память отъ галантныхъ арабовъ. Черты лица андалузянокъ не отличаются такою правильностью, какъ, напримѣръ, у итальянокъ, но глаза, свѣжiй пунцовый ротикъ, бѣлые зубы, превосходный цвѣтъ лица и роскошные волосы доводятъ миловидность ихъ до красоты. Гибкость и стройность стана, ручки и ножки андалузянокъ давно воспѣты въ стихахъ нашими поэтами и положены на музыку. Но даже и походка ихъ оригинальна.

Парижанки также славятся умѣньемъ ходить по тротуару. Онѣ быстро и ловко семенятъ своими красивыми ножками на высокихъ каблучкахъ, изящно колыхая хвостикомъ своего платья и стараясь показать все, что у нихъ есть лучшаго. Севильянки, напротивъ, идутъ медленно; увѣренно ставятъ ножку на землю и въ тоже время такъ легко, что кажется ихъ башмачекъ не оставляетъ послѣ себя слѣда; такъ точно легкія птицы, наскучившись полетомъ въ синемъ небѣ, плывутъ надъ самой землей, лѣниво взмахивая крыльями; но вотъ одинъ сильный ударъ и онѣ опять высоко подъ облаками...

Таковы были сладкія мои впечатлѣніи, которыми я, тутъ же на по пути, по братски подѣлился съ г-мъ А*. Чѣмъ болѣе приближались мы къ собору, тѣмъ болѣе попадалось публики; яркіе костюмы простонародья мѣшались съ черными платьями дамъ. Повсюду, въ окнахъ и на балконахъ виднѣлись свѣжія и живыя молодыя лица и блистали черные глаза.

Балконъ или мирадоръ (наблюдатель) представляетъ принадлежность каждаго дома. Его изящныя рѣшетки обвиты вьющимися растеніями и цвѣтами. Балконъ — это мѣсто свиданія севильянки, это трибуна, съ которой она каждую ночь тихимъ и нѣжнымъ голосомъ произноситъ гимнъ въ прозѣ любви, молодости и красотѣ и, какъ кажется, всегда съ одинаковымъ успѣхомъ.

Балконъ и серенада — братъ и сестра, и

послѣдняя безъ перваго не можетъ существовать. Теофиль Готье это понялъ, пріѣхалъ въ Испанію, полюбилъ балконъ и написалъ слѣдующую серенаду, которую и привожу здѣсь въ вольномъ переводѣ:

На балконъ, гдѣ ты склонилась,
Я стремлюсь... Напрасный трудъ!
Онъ высокъ и ручки милой,
Тамъ меня не обоймутъ!

Чтобъ купить твою дуэнью,
Будь къ старухѣ ты добра,
Дай ей перстень драгоцѣнный,
Брось пригоршню серебра...

А сама изъ струнъ гитары
Сладкозвучныхъ поскорѣй
Свей мнѣ лѣстницу; я влѣзу
Въ тишинѣ ночной по ней.

Или нѣтъ: сорви свой гребень!
Пусть волосъ твоихъ каскадъ
На меня падетъ съ балкона,
Разливая ароматъ.

И по волнамъ шелковистымъ
Поднимусь въ восторгѣ я
Въ рай блаженный, гдѣ наградой
Будетъ мнѣ любовь твоя.

Разбирая, какъ говорятъ добродушные учителя словесности, это стихотвореніе, невольно приходишь къ убѣжденію, что Теофиль Готье былъ большой эгоистъ, считая, что взлѣзаніе по

волосамъ, которое должно причинить сильную боль дамѣ его сердца заслуживаетъ какой-либо награды. Остальное все, кажется, недурно.

Однако, я усталъ и откладываю описаніе дальнѣйшихъ приключеній въ соборѣ и на Жиральдѣ до вечера... Adios!

III.

Севильскій соборъ. — Королевскій придѣлъ. — Главная ризница. — Картины. — „Видѣніе св. Антонія Падуанскаго.“ — Мощи св. короля Фердинанда. — Жиральда.

Въ Севильскомъ соборѣ девять большихъ дверей: Главная — съ западной стороны, св. Христофора, Колокольная, Башенная, Крокодила (del Lagarto) и другія.

Входъ въ соборъ закрытъ тяжелымъ кожаннымъ пологомъ; здѣсь стоятъ оборванныя старухи, шепчущія молитву и одной рукой поднимающія пологъ, а другой принимающія милостыню. Общій наружный видъ храма не представляетъ изъ себя особыхъ архитектуртурныхъ красотъ, единства стиля и гармоничнаго цѣлаго. Онъ начатъ въ самомъ началѣ XV-го столѣтія. Въ тѣ времена, когда религіозный жаръ поддерживался огнемъ инквизиціи, постройка шла быстро; соборъ украшался; золото, серебро и драгоцѣнные камни наполняли храмъ. Съ паденіемъ религіозности въ Испаніи, денегъ для церквей стало меньше и соборъ до

сихъ поръ имѣетъ снаружи видъ какъ будто недоконченный. Реставрація производится лишь на столько, чтобы онъ не обвалился; все же остальное, кромѣ нѣкоторыхъ придѣловъ и ризницъ имѣетъ видъ облѣзлый, тронутый безпощадной рукой времени. Большія двери, работы старыхъ мастеровъ, украшенныя барельефами, покрыты толстымъ слоемъ грязи, какъ будто бы всѣ испанцы вытирали о нихъ свои руки, послѣ обѣда.

Внутренность собора поразила меня своей обширностью. Здѣсь можно было бы собрать всѣхъ добрыхъ христіанъ Европы и еще осталось бы свободное мѣсто для грѣшниковъ. Гигантскія столбы поддерживаютъ готическіе своды храма, исчезающіе въ орлиной высотѣ и задернутые фантастическими тѣнями и остывающимъ дымомъ свѣчей и кадильницъ. Главный алтарь, хоры и исполинскій органъ, съ трубами вродѣ пароходныхъ помѣщается по серединѣ. Эта часть отдѣлана великолѣпной рѣзьбой по дереву, мраморомъ и стеклами разныхъ цвѣтовъ, яшмой, порфиромъ и старой бронзой; противъ алтаря устроены превосходныя сѣдалища въ готическомъ вкусѣ... Если Викторъ Гюго создалъ или вѣрнѣе вообразилъ цѣлый міръ въ соборѣ Богоматери въ Парижѣ, то какую бы выдумалъ старикъ Эсмеральду, поживъ въ севильскомъ храмѣ, въ которомъ парижскій можно поставить въ уголъ, какъ провинившееся дитя... Тутъ бы, подобно левіафану, который посреди океана

Свой быстрый направляетъ бѣгъ,

могла бы направить свой неудержимый бѣгъ богатая фантазія не менѣе богатаго поэта.

Освѣщеніе въ соборѣ самое разнообразное, смотря по положенію солнца. Изъ свѣтлой полосы вы попадаете въ полусвѣтлую, потомъ въ темную; въ нѣкоторыхъ углахъ и у подножія исполинскихъ колоннъ держится холодный мракъ. Кругомъ собора, въ видѣ огромныхъ нишъ, помѣщаются придѣлы; ихъ тутъ около сорока. Кромѣ «Capilla real» и «Sacristia mayor», въ которыя нужно пройдти черезъ особыя прихожія, всѣ придѣлы содержатся довольно скверно. Нѣкоторые притворены грубыми желѣзными рѣшетками, придающими имъ видъ средневѣковыхъ тюремъ, а рядомъ попадаются такіе же рѣшетчатыя двери чудесной работы. Тѣмъ не менѣе въ каждомъ придѣлѣ есть что-нибудь интересное изъ области искусствъ или археологіи. Такъ въ крестильницѣ помѣщается большая и знаменитая картина Мурильо «Видѣніе св. Антонія Падуанскаго». Антоній стоитъ на колѣняхъ съ выраженіемъ религіознаго экстаза на лицѣ; часть кельи разверзлась и по нѣжнымъ облачнымъ ступенямъ спускается видѣніе младенца Іисуса. Какой-то странный любитель, родомъ кажется грекъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пользуясь безпечностью сторожей, вырѣзалъ фигуру Антонія и былъ пойманъ съ ней уже гдѣ-то за-границей. Вырѣзанный кусокъ опять вставили на свое мѣсто, подклеили и закрасили. Несмотря на искусство, съ кото-

рымъ художникъ реставрировалъ пострадавшую картину, при извѣстномъ положеніи глазъ, вокругъ Антонія все-таки видна сплошная полоса.

Въ придѣлѣ «Божьей Матери Вифліемской» помѣщена одна изъ лучшихъ картинъ Алонзо Кано—изображеніе Богоматери съ Младенцемъ.

Въ алтарѣ сохраняются всевозможныя реликвіи: кусокъ креста, найденный въ гробницѣ Константина, терновыя иглы изъ вѣнца Спасителя, лоскутки хитона Богородицы, зубъ св. Христофора, рука св. Варфоломея, мощи Маріи Египетской и другихъ святыхъ... Прежде, когда съ народомъ менѣе церемонились, и когда въ матеріялизаціи вѣры требовалось болѣе нужды, тутъ показывали слезы и вздохи разныхъ святыхъ, заключенные въ сосуды, сажу изъ печи трехъ отроковъ, куски Ноеваго Ковчега и другія рѣдкости. Теперь эта монашеская лабораторія исчезла и если ее и показываютъ, то развѣ потихоньку отъ полиціи.

Я былъ въ соборѣ, какъ разъ наканунѣ открытія мощей св. короля Фердинанда. Его показываютъ три раза въ годъ, но, за нѣсколько песетъ, можно видѣть и чаще. Королевскія мощи помѣщаются въ «capilla real», гдѣ также покоится прахъ дона Педро Жестокаго, котораго Кальдеронъ называлъ Справедливымъ, и его знаменитой любовницы Маріи Падильи. Притворъ этотъ отдѣланъ великолѣпными архитектурными украшеніями и статуями святыхъ апостоловъ. На большомъ возвышеніи въ глубинѣ притвора

находится серебряная рака св. Фердинанда, удивительной работы. Освободитель Севильи, хорошо сохранившійся, лежитъ въ гробу въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи, какъ передъ боемъ. У престола стоитъ военное знамя, съ которымъ король въѣзжалъ въ Севилью. Во время богослуженія, духовенство позволяетъ смотрѣть на него только издали. Здѣсь же потолокъ и стѣна расписаны фресками, изображающими въѣздъ Фердинанда въ Севилью и поднесеніе ему городскихъ ключей. Подобныхъ картинъ совершенно свѣтскаго содержанія въ соборѣ не мало. Тутъ попадаются и грубо написанныя битвы испанцевъ съ маврами, какъ, напримѣръ, сраженіе при Клавихо, работы Хуана Роэласа; святой Христофоръ, изображенный въ видѣ необычайнаго исполина съ дубиной въ рукахъ, вышиною въ добрую сосну и съ лицомъ, сердитымъ до послѣдней степени, что конечно производитъ далеко не молитвенное впечатлѣніе.

Главная ризница представляетъ также прекрасную, въ архитектурномъ отношеніи, комнату и содержится въ порядкѣ.

Кромѣ великолѣпныхъ картинъ Мурильо, въ ней сохраняются: большая серебрянная дарохранительница, огромный подсвѣчникъ, артистически сдѣланный изъ бронзы, на пятнадцать свѣчей, зажигаемыхъ на Пасхѣ; потиры, сосуды для елея, кадила, распятія, осыпанныя драгоцѣнными камнями, и вообще — разная церковная утварь и ризы, нѣкоторыя очень тонкой работы.

Недалеко отъ входа въ соборъ, мнѣ бросилась въ глаза грубая рѣшетчатая желѣзная дверь съ висячимъ замкомъ, устроенная въ одной изъ массивныхъ колоннъ. За дверью видны были двѣ или три ступени, а затѣмъ начиналась кромѣшная тьма, въ которой ничего уже нельзя было разобрать.

— Что это такое? спросилъ я стараго испанца, исполнявшаго въ соборѣ роль истолкователя...

— Это такъ... сказалъ онъ, здѣсь ничего нѣтъ интереснаго...

Видимо онъ самъ не зналъ, что это такое. Между тѣмъ мрачная пещера сильно смахивала на старый инквизиторскій подвалъ и мнѣ живо представились господа инквизиторы въ острыхъ капюшонахъ на головахъ и разныя орудія пытки, о которыхъ мы имѣемъ понятіе по музеямъ Гаснера и Лента и изъ романовъ Поля Феваля.

Въ это время мимо насъ прошла очень важная и толстая особа въ сѣромъ балахонѣ, съ широкой серебряной перевязью черезъ плечо. Это былъ не то помощникъ смотрителя, не то старшій сторожъ, но во всякомъ случаѣ важнѣе швейцара. Узнавъ, чѣмъ я интересуюсь, онъ объяснилъ мнѣ, что сюда, кажется, въ прежнее время сажали церковныхъ мальчиковъ за шалости и звонаря за пьянство, но обычай сей впослѣдствіи найденъ неудобнымъ. Потомъ, важно погладивъ свой бритый двойной подбородокъ, онъ хотѣлъ сказать что-то еще, но вниманіе его

было отвлечено одной американской парочкой, которая весело прогуливалась мимо насъ подъ руку, причемъ супругъ, зѣвая по карнизамъ и сводамъ, постукивалъ тросточкой по полу, предоставляя женѣ восхищаться рѣдкостями. Помощникъ смотрителя подошелъ къ нимъ, строго нахмурившись, и снялъ руку дамы съ локтя кавалера, объяснивъ, что здѣсь подъ ручку ходить нельзя.

Несмотря на праздничный день, соборъ былъ почти пустъ, или, по крайней мѣрѣ, казался такимъ. Небольшая толпа народа, большею частію мужчины и старые, стояли около рѣшетки главнаго алтаря, гдѣ почти весь соборный причтъ служилъ молебствіе. Огромный органъ глухо и мрачно гремѣлъ, оглашая своды собора; также мрачно и какъ-то таинственно раздавалось пѣніе хора и свирѣпые басы духовенства. Какая-то служба, но съ меньшей помпой, шла еще въ придѣлѣ «del Angel de la Guarda».

Въ сторонѣ отъ него около колоннъ, въ полумракѣ виднѣлись черныя фигуры дамъ съ молитвенниками, причемъ я замѣтилъ, что у здѣшнихъ женщинъ есть манера, стоя на колѣняхъ, садиться на пятки, какъ на Востокѣ... Нѣкоторыя, закрывшись вѣерами, болтали между собою о постороннихъ вещахъ... Въ этомъ соборѣ, говорятъ, нерѣдко назначаютъ любовныя свиданія, причемъ добрые каноники являются посредниками между любящими сердцами.

Выйдя изъ собора, я полѣзъ на Жиральду, которую испанцы передѣлали въ колокольню.

Внизу, въ сѣняхъ Жиральды, живетъ цѣлое семейство сторожа. Когда я входилъ, женщины были заняты приготовленіемъ обѣда; пахло чеснокомъ, саломъ и угольями, которые краснѣлись въ большой жаровнѣ.

Жиральда построена въ XI столѣтіи арабами изъ кирпича, и кладка до того хороша, что башня до сихъ поръ имѣетъ прочный видъ. Вверху она незамѣтно съуживается; стѣны внизу имѣютъ до полутора саженъ толщины.

Винтообразный подъемъ на Жиральду состоитъ не изъ лѣстницъ, а изъ двадцати восьми пологихъ апарелей и площадокъ, что менѣе утомляетъ при всходѣ. Подъемъ широкій, высокій и до конца отлично освѣщенъ двухсводчатыми арабскими окнами, поддерживаемыми посрединѣ тонкими колоннками изъ яшмы. Говорятъ, что Филиппъ II дважды выѣзжалъ верхомъ на Жиральду и спускался такимъ же способомъ. Какъ видно, этотъ король, несмотря на свою мрачность, былъ не прочь иногда и позабавиться.

Вся высота башни вмѣстѣ съ надстройкою, относящеюся къ XVI столѣтію, около трехсотъ футовъ. Вокругъ звоницы идетъ платформа, съ которой открывается оригинальный видъ на всю Севилью. Здѣсь же, на звоницѣ, надпись большими буквами:

«NOMEN DOMINI FORTISSIMA TURRIS».

8

Башню вѣнчаетъ огромная статуя Вѣры съ хоругвью въ рукахъ; статуя вращается на оси, отчего и произошло названіе Жиральды.

Въ началѣ восхожденія, я услыхалъ звонкій смѣхъ, и двѣ красивыя дѣвушки стремглавъ пробѣжали мимо меня внизъ, преслѣдуемыя молодымъ студентомъ. Затѣмъ, все затихло и я думалъ, что на башнѣ кромѣ меня никого нѣтъ. Но я ошибся. На послѣднемъ маршѣ раздался звонкій поцѣлуй и передо мной предстала сконфуженная парочка. Дама была высокая женщина лѣтъ тридцати, съ пламенными глазами и красивымъ, блѣднымъ лицомъ, которое она старалась скрыть подъ мантильей, захваченной на груди крупнымъ брилліантомъ. Кабальеро, юркій, худенькій испанецъ съ выбритыми усами и подбородкомъ, съ маленькими пушистыми баками и измятыми чертами лица, какъ будто на его головѣ кто-нибудь просидѣлъ, по ошибкѣ, нѣсколько часовъ. Я принялъ серьезный видъ и прошелъ дальше на верхъ. Знатная синьора и кабальеро спустилась внизъ, ускоряя свои шаги, какъ будто боясь погони.

IV.

Впечатлѣнія и факты.— Предмѣстье Тріана.— Базаръ. — „Delicias de Cristina.“ — Хорошенькія няньки.

Вы пожалуй мнѣ сдѣлаете замѣчаніе, что я въ предъидущихъ письмахъ, посвященныхъ Андалузіи и Севильѣ, объ Андалузіи и Севильѣ сказалъ очень мало.

— «Съ одной стороны, ваши сновидѣнія, скажете вы, съ другой стороны, какой-то гидъ и нищіе, а съ третьей—женщины и женщины»...

Это понятно и извинительно, возражу я. Всѣ поименнованныя выше вещи, соединенныя въ одно общее, даютъ впечатлѣніе о странѣ, которымъ я и дѣлюсь съ вами. Больше я покуда не могу дать. Я не долго жилъ въ Испаніи, я не изучалъ ее, а сдѣлалъ только набѣгъ, подобно чеченцу, про котораго Пушкинъ писалъ:

Чеченецъ ходитъ за рѣкой...

а при такихъ условіяхъ нельзя глубоко изучить страну.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза въ Андалузіи: это небо, женщины и нищіе... Въ этомъ состоитъ живое богатство страны и о немъ прежде всего и слѣдовало говорить.

Что же касается сновидѣній, то еще не доказано, чтобы живая очевидность была бы занимательнѣе духовной, и сладость сновидѣнія до-

ходитъ иногда до степеней превосходныхъ. Кто то сказалъ, что «сонъ—тотъ же волшебный фонарь, въ которомъ можно увидѣть все, что въ романѣ кажется чудеснымъ и невѣроятнымъ». Для меня вся Севилья казалась чудеснымъ сновидѣніемъ. Это подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мои воспоминанія блекнутъ чрезвычайно быстро день ото дня и я самъ чувствую, что въ нихъ чего-то не хватаетъ; должно быть именно того, что придавало всему видимому на яву характеръ розоваго сновидѣнія... Быть можетъ, какой-нибудь праздный скиталецъ заѣдетъ въ Севилью и, вспомнивъ, что отъ скуки пробѣгалъ мои письма, скажетъ: «что онъ тутъ расписывалъ!.. грязь, гадость, жара и больше ничего»... На это я возражу, что сей праздный скиталецъ утратилъ уже свѣжесть сердца; что душа его стала близорука и не можетъ отличить хорошаго отъ дурного и грязи отъ дѣйствительно прекраснаго...

Однако въ послѣднемъ письмѣ, не желая отставать отъ своихъ предшественниковъ, я остановился на небольшомъ описаніи собора, потому что считаю невѣжливымъ обойдти такую громаду, не сказавъ о ней ни слова... Кромѣ того, увѣряю васъ, что я заимствовалъ изъ «путеводителя» только число придѣловъ въ соборѣ, два, три названія и высоту Жиральды, хотя, конечно, съ другой стороны, я не перекрашивалъ и не ремонтировалъ этихъ зданій, и тѣмъ болѣе не переворачивалъ ихъ кверху ногами; на это у меня не хва-

тило бы средствъ. Поэтому, если вы найдете сходство въ моихъ описаніяхъ съ кѣмъ нибудь изъ предшественниковъ, то удивляться нечему; соборъ стоитъ тамъ же, гдѣ онъ и стоялъ, и бронзовая статуя Вѣры попрежнему вертится на колокольнѣ Жиральды въ разныя стороны, какъ бы указывая на слабость и колебаніе вѣры въ самомъ человѣчествѣ.

Вотъ и все мое оправданіе...

По ту сторону Гвадалквивира расположенъ небольшой кварталъ, называемый предмѣстьемъ Тріана: здѣсь помѣщается большой базаръ и нѣсколько десятковъ домовъ, населенныхъ рабочими, бѣдняками и гитанами. Черезъ рѣку переброшенъ старый желѣзный мостъ на каменныхъ быкахъ. Это самый безпорядочный и запущенный кварталъ, носящій деревенскій характеръ. Нравы здѣсь первобытны. Все, что не выходитъ на работу или за милостыней въ городъ, развлекается по своему на улицѣ. Женщины готовятъ обѣдъ на улицѣ и въ сѣняхъ, нагрѣвая на жаровнѣ свое «косидо» или «косуела» — невозможную цыганскую смѣсь рису, луку, картофелю, оливкаго масла и бараньяго сала, вродѣ французскаго арлекина. Тутъ же поютъ и играютъ на мандалинахъ, выливаютъ на улица помои и даже хуже, забавляются въ шашки, кости и бабки; а мальчишки непремѣнно гдѣ-нибудь дерутся или получаютъ здоровую трепку отъ своихъ горячихъ матерей.

Если пройдти черезъ предмѣстье по улицѣ, служащей продолженіемъ моста, то скоро попадешь за городъ, и здѣсь кругомъ уже ничего не видно, кромѣ безконечныхъ, изжелта-красноватыхъ полей, обнаженныхъ рукою осени и волнистой сьерры, исчезающей вдали. Направо и налѣво отъ дороги, около города, тянутся огороды и виноградники. Воздухъ здѣсь чудесный... Тишина и благодать. Изрѣдка раздаются откуда-нибудь сиплыя побрякиванія бубенчика бѣгущаго осла и умолкаютъ... А то проѣдетъ грубая деревянная повозка, запряженная волами, лѣниво мотающими своими головами, и постучатъ запыленные колокола на ихъ кожанныхъ ошейникахъ. Около бредетъ, волоча ноги, закутанныя въ тряпки, старый крестьянинъ въ рваной курткѣ и въ до того старой шляпѣ, что широкія полы отъ дряхлости падаютъ ему на уши и на лобъ...

Вмѣсто акацій или боярышника, которыми у насъ обсаживаютъ изгороди, здѣсь высится рядъ огромныхъ алоэ, агавы и кактусовъ съ ихъ забавными и уродливыми листьями, точно страдающими какимъ-то недугомъ.

На базаръ надо повернуть отъ моста направо и нѣсколько спуститься внизъ. Небольшія лавочки съ прилавками, выходящими на улицу, удивительно напоминаютъ Востокъ. Тутъ же, на улицѣ, стоятъ повозки, вродѣ арбъ, наполненныя овощами и мѣшками съ крупой. Надъ прилавкомъ, къ потолку привѣшены на верев-

кахъ гирлянды грушъ, засохшій виноградъ, фиги, чеснокъ, гранаты и красные стручки перцу. Рядомъ продаютъ толедскіе и каталонскіе ножи всякихъ формъ и размѣровъ, до которыхъ испанцы такіе же охотники, какъ наши кавказскіе горцы до кинжаловъ...

Не будемъ впрочемъ гулять по базару и отправимся обратно въ городъ, вдоль по набережной направо, въ болѣе «элегантныя» мѣста, гдѣ виднѣется темная густая зелень.

Набережная также обсажена высокими платанами, которыя еще не осыпали своихъ листьевъ, несмотря на конецъ ноября. Около моста противъ «башни Золота», которая ничѣмъ не замѣчательна, Гвадалквивиръ запруженъ барками и пароходами. Здѣсь они грузятся пшеницей и берутъ пассажировъ въ Кадиксъ, до котораго, внизъ по теченію, кажется, около восьми часовъ ѣзды. По мѣрѣ того, какъ я проходилъ далѣе, отъ моста ко дворцу «San Telmo», бульваръ становился все гуще и гуще и, наконецъ, обратился въ роскошный и тѣнистый садъ, съ широкими аллеями, установленными желѣзными скамьями. Это мѣсто называется «Delicias de Cristina» и служитъ, какъ прежде «Cours-la-Reine» въ Парижѣ, для прогулки «чистой» публики. Садъ пересѣкается широкой улицей, по которой проѣзжаютъ, одна за другой, въ изящныхъ каретахъ севильскія дамы. Часть сада по ту сторону улицы, примыкающая къ огромному зданію табачной фабрики, несмотря

на свои небольшіе размѣры, поражаетъ роскошью и разнообразіемъ южной растительности. Тутъ на каждомъ шагу попадаются неизвѣстныя и невиданныя нами деревья и растенія, покрытыя розовыми, пунцовыми и бѣлыми цвѣтами, великолѣпныя пальмы, апельсинныя деревья, склонящіяся подъ тяжестью золотистыхъ плодовъ, померанцы, изливающіе нѣжный ароматъ въ воздухъ, клумбы, усѣянныя цвѣтами.

Подъ весьма пріятнымъ впечатлѣніемъ, мы сѣли съ А* отдохнуть на садовую скамейку. Около насъ рѣзвились нарядныя дѣти. Приставленныя къ нимъ двѣ молодыя дѣвушки, въ чистенькихъ ситцевыхъ платьяхъ и въ яркихъ шерстяныхъ косынкахъ на плечахъ, сидѣли тутъ же, на той же скамейкѣ и о чемъ-то болтали на своемъ гармоничномъ языкѣ, бросая на насъ косвенные, но весьма кокетливые взгляды.

Одна изъ нихъ особенно мнѣ понравилась за красоту и выраженіе доброты. И завитки волосъ у нея какъ-то добродушно падали на красивый лобъ, и глаза были ласковые, и румянецъ свѣжій, а пунцовыя губки носили отпечатокъ несомнѣнной доброты; положительно добрый ротикъ.

— Эту зовутъ, должно, быть Долоресъ, а ту, вѣроятно, Пипита, сказалъ я.

— Вы думаете? возразилъ А*. и, вспомнивъ, что онъ былъ когда-то военнымъ, поправилъ pince-nez, закрутилъ усъ и, глядя на нихъ также косвенно, пробормоталъ: «Чортъ побери, ка-

кія хорошенькія! чортъ подери!» Потомъ совсѣмъ къ нимъ обернулся, потянулъ сильно изъ папиросы дымъ, пустилъ клубъ и сказалъ: «беллиссимосъ синьоритосъ... хе-хе»!.. Не знаете ли вы еще чего по-испански? и, не дождавшись моего отвѣта, прибавилъ:

— Хересъ Амонтильядо... амбокильядосъ кортесъ *), и самъ чортъ меня побери?..

Юныя дуэньи, довольныя нашимъ обществомъ и страннымъ языкомъ, росхохотались и начали вступать съ А* въ разговоръ, на что тотъ постоянно отвѣчалъ: «комо?» «но ле компрендо а усте» «си» и «нонъ»...

Въ это время одинъ изъ маленькихъ грандовъ упалъ, разцарапалъ себѣ лицо и съ громкимъ ревомъ бросился къ доброй Долоресъ. Добрая Долоресъ начала поспѣшно его оправлять и, дергая слегка за волосы, уговаривала не проливать слезъ, но такъ какъ грандъ продолжалъ, то она вдругъ разразилась ругательствами и сразмаху усадила его на скамейку, причемъ голова мальчика сильно стукнулась о чугунныя перила. Грандъ отъ этого удара заревѣлъ такъ, какъ, я думаю, не съумѣетъ аукнуть ни одинъ русскій мальчишка. Тогда она порывисто стала его гладить по ушибленному мѣсту, трясти, прижимать къ груди, потомъ дала оплеуху, опять начала цѣловать и вертѣть въ рукахъ маленькаго гранда, какъ поросенка передъ пасхой...

*) Незамѣтное изученіе языка по бутылочнымъ этикетамъ и папироснымъ обложкамъ.

Глаза Долоресъ то сверкали необыкновеннымъ гнѣвомъ, то смягчались и дѣлались удивительно нѣжны.

Пораженные и огорченные этой сценой, мы оба встали, какъ одинъ. А* сказалъ ей по-французски, что такъ обращаться съ дѣтьми нельзя, что маленькій грандъ, отъ котораго, быть можетъ, будутъ зависѣть современемъ судьбы Испаніи, можетъ сдѣлаться идіотомъ отъ стучанія головой о «чугунныя перила», что тогда нечего уже на него претендовать, что онъ шелопай, коптитъ небо и попусту соритъ деньгами; при этомъ А* пригрозилъ ей полиціей и вообще высказалъ все то, что можетъ сказать возмущенный человѣкъ въ подобномъ случаѣ.

На этотъ разъ уже Долоресъ, сдѣлавъ большіе глаза, повторяла: «Como? No le comprendo a Vd...» и предлагала намъ, для успокоенія, «dar una vuelta», т. е. совершить маленькую прогулку, что мы и сдѣлали.

— Однако, говорилъ потомъ А*, идя со мной по направленію къ гостинницѣ... Вотъ такъ женщины, чортъ меня побери!.. Я вотъ тутъ гуляю по Испаніи, а быть можетъ моего маленькаго сына нянька тоже колотитъ въ деревнѣ такимъ же образомъ, если не крѣпче... А я тутъ путешествую, да жуирую... вотъ тебѣ и хересъ Амонтильядо... Не хорошо!

Такимъ образомъ мы шли до перекрестка, гдѣ были задержаны проходящими войсками. Здѣсь подтягивался изъ узкой улицы пѣхотный

полкъ, вѣроятно возвращающійся съ ученья. Стройные и хорошо выправленные молодцы-солдаты имѣли видъ бодрый и хорошій и смотрѣли соколомъ. Обмундированіе у нихъ схоже съ французскимъ; разница въ головномъ уборѣ, составляющемъ среднее между маленькимъ кiверомъ и кепи; а на плечахъ вмѣсто эполетъ—погоны, съуживающіеся отъ плеча къ воротнику. Впереди, какъ и вездѣ, стояли верхомъ полковой командиръ съ адъютантомъ и музыкантскій хоръ. Полковникъ скомандовалъ, горнисты протрубили какой-то сигналъ, музыканты заиграли веселый и очень скорый маршъ и солдаты тронулись, необыкновенно быстро шагая въ ногу, сопровождаемые прыгающими мальчишками. Такой скорый шагъ въ сѣверныхъ арміяхъ не практикуется.

V.

Въ отелѣ. — Балетъ въ „café d'Orient". — Танцы гитанъ.

Когда мы вошли въ «patio» нашей гостинницы, то тамъ уже собралось, въ ожиданіи обѣда, довольно большое общество. Какой то еврей изъ Марокко въ фескѣ на черныхъ, курчавыхъ волосахъ, въ расшитой темно-малиновой курткѣ и просторныхъ бѣлыхъ шальварахъ, подвязанныхъ въ поясѣ широкою шалью, продавалъ сафьяновыя туфли съ золотымъ шитьемъ. Три дамы съ любопытствомъ и даже съ нѣкоторою жадностью перебирали его товаръ. Между

ними была одна ирландка—высокая, сухая, съ большими, бѣлыми зубами и, какъ пришлось наблюсти впослѣдствіи, съ натурой легко воспламеняющейся.

Мы подошли къ корзинкѣ съ туфлями.

— Какой интересный арабъ!.. сказала ирландка; первый разъ вижу араба въ національномъ костюмѣ. Какой странный цвѣтъ лица! (мнимый арабъ въ это время запрашивалъ за туфли невѣроятную цѣну). Вѣдь это настоящій арабъ; неправда ли?

— Леди спрашиваетъ, настоящій ли это арабъ? обратился я къ отельному гиду, сидѣвшему у входа въ «patio»...

— Это еврей изъ Марокко, леди! Мы — арабы—молодцы (при этомъ онъ сверкнулъ глазами и выставилъ грудь), а это скверный торгашъ, потомокъ тѣхъ немногихъ жидовъ, которые не успѣли убраться своевременно изъ Египта...

Въ это время подошелъ маленькаго роста, старый, но еще крѣпкій англичанинъ съ голой головой, оказавшійся мужемъ леди, и сердито повелъ ее въ столовую.

За хорошо сервированнымъ столомъ, уставленнымъ графинами съ красными и бѣлыми испанскими винами и вазами, наполненными виноградомъ, фруктами и орѣхами, сидѣло около сорока человѣкъ иностранцевъ. Съ удовольствіемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ узналъ я, что въ одной гостинницѣ со мной жи-

ветъ Круппъ, который завезъ сюда на зиму свою семью, а самъ лично, черезъ нѣсколько дней, возвращается въ Германію, къ своимъ милымъ пушкамъ, дружеская привязанность къ которымъ закрѣплена стальными кольцами. Маленькій англичанинъ объяснилъ мнѣ, что это, впрочемъ, не старикъ Круппъ, а его сынъ, хотя и этотъ былъ уже съ сѣдиной въ бородѣ. Тутъ же подъ вымышленнымъ именемъ, которое я теперь забылъ, жилъ знаменитый эксъ-маршалъ Базенъ, удалившійся въ Севилью отдохнуть отъ перенесенныхъ имъ тягостей обороны Меца и умереть, какъ можно позже отъ угрызеній совѣсти. Теперь онъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ бывшей королевой Изабеллой и почти ежедневно обѣдаетъ у нея въ Алькасарѣ. Видимо, королева, на случай осады Алькасара, подготовляетъ себѣ вѣрнаго коменданта.

Большинство находившихся за столомъ были англичане и американцы. Ирландка, сидѣвшая вблизи насъ, приняла меня и А* за испанцевъ и стала разспрашивать насъ о достопримѣчательностяхъ Севильи и нравахъ Андалузіи, на что мы и старались отвѣчать возможно обстоятельно. Подъ конецъ обѣда, она замѣтно развеселилась.

Высокій бѣлокурый гарсонъ, ловко намъ прислуживавшій, обратилъ ее вниманіе.

— Какой красивый блондинъ,—сказала она,— и какой ростъ! Какъ вы думаете: какой онъ націи?

— Леди спрашиваетъ васъ, какой вы націи?

— Я швейцарецъ, изъ итальянскихъ кантоновъ, отвѣчалъ онъ и, несмотря на свой молодецкій видъ, немного покраснѣлъ и задѣлъ блюдомъ супруга по головѣ.

— А вы были гарибальдійцемъ?

— Былъ... отвѣчалъ онъ уже издали, такъ какъ блюдо съ жаркимъ, которымъ онъ долженъ былъ обносить общество безъ замедленія, удаляло его отъ насъ...

— А какъ вы сюда попали? спросилъ А*, но швейцарецъ былъ уже далеко и вопроса не слышалъ.

— Это не комильфо разговаривать съ прислугой, замѣтилъ англичанинъ своей супругѣ...

Послѣ обѣда отельный проводникъ спросилъ насъ, не хотимъ ли мы посмотрѣть національные танцы.

— Это въ café d'Orient, говорилъ онъ; эти танцы спеціально посѣщаются иностранцами; мѣсто приличное и кромѣ васъ никого тамъ не будетъ.

Мы взяли билеты и въ 7 часовъ вечера потянулись небольшой гурьбой за проводникомъ. Солнце уже закатилось и плохо освѣщенныя улицы потемнѣли. Въ кафе, въ которое насъ привели, была приготовлена для насъ довольно большая зала съ простымъ, крашенымъ поломъ. Потолокъ и стѣны были закопчены дымомъ и въ воздухѣ, несмотря на просторъ, держался запахъ вина и табаку. Убранство и освѣщеніе

были жалки. Для насъ поставили въ одномъ изъ концовъ залы, поперегъ, нѣсколько стульевъ. Вдали длинной стѣны тянулась высокая скамья со ступенями, покрытая грязнымъ краснымъ сукномъ. Ниже ея—рядъ стульевъ для труппы. Напротивъ стоялъ рояль и сидѣло нѣсколько мѣстныхъ музыкантовъ гитанъ: у двухъ были гитары, у одного тамбуринъ, у четвертаго что-то вродѣ горшка съ туго натянутой кожей и вставленной въ нее выглаженной деревянной палочкой, вродѣ арабскаго камаджи, производящей, при треніи, звукъ болѣе ясный, чѣмъ нашъ бубенъ, когда по немъ проводятъ намусленнымъ, большимъ пальцемъ; остальные двое или трое сидѣли съ пустыми руками, изображая хоръ.

Этотъ хоръ, сопровождающій пляску, составляетъ исключительную принадлежность андалузскихъ танцевъ и ясно указываетъ на ихъ восточное происхожденіе. Хотя для танцевъ и существуютъ свои мотивы, большею частью однообразные и меланхолическіе, но слова къ нимъ здѣшніе пѣвцы, подобно арабскимъ нашидамъ, нерѣдко импровизируютъ. Текстъ, однако, рѣдко идетъ далѣе одного четверостишія, тогда какъ у насъ, русскихъ, слова къ иной плясовой состоятъ изъ цѣлаго десятка стиховъ. Въ этомъ сказывается наша широкая натура: что придумалъ — все въ одно и вали, а разбирай уже послѣ... Слова андалузскихъ танцевъ почти исключительно относятся къ любви и ея атри-

бутамъ, т. е. красотѣ и другимъ качествамъ, которыя нравятся мужчинамъ въ женщинѣ и обратно. Пріемъ всегда образный и цвѣтистый. «Въ былыя времена, говорится, если не ошибаюсь, въ малагеньѣ, всѣ воды морей были сладки; разсердилась моя нинья (моя дѣвочка) и уронила въ нихъ слезу изъ своихъ очей, подобныхъ звѣздамъ, и съ той поры моря стали горьки»... Вотъ какая сила глазъ у здѣшнихъ женщинъ!

Насъ собралось всего человѣкъ до пятнадцати. Тутъ были, между прочимъ, налицо всѣ американки, маленькій англичанинъ съ своей подвижной супругой и негоціантъ изъ Ріо-де-Жанейро съ красавицей дочерью. Хозяинъ труппы, онъ же и акомпаньяторъ на фортепіано, роздалъ длинныя программы, въ которыхъ значилось, кажется, до двѣнадцати нумеровъ разныхъ танцевъ. Тутъ были и ронденья, и малагенья, и севильяносъ, и хота, и фанданго и разныя другія, которыя большею частію оказались весьма схожими между собою.

Затѣмъ, появилась труппа, состоящая изъ матерей, дочерей и даже кажется внучекъ; всего около десяти паръ. Ближайшимъ къ намъ, двумъ дамамъ, въ сложности было около семидесяти лѣтъ, но танцовали онѣ лучше другихъ; слѣдующія были помоложе и красивѣе. Между ними была дѣвочка лѣтъ семи. Костюмъ на танцовщицахъ былъ обыкновенный—балетный, обшитый дешевыми кружевами. Только мужчины

и мальчики были наряжены въ живописный національный нарядъ изъ тонкаго сукна, бархата и атласа.

Наконецъ балетмейстеръ, сѣвъ за рояль, заигралъ извѣстную мандалинату, ирландка впилась глазами въ лорнетъ и артисты, выстроившись попарно и визави, стали плясать какую-то смѣсь кадрили съ качучей, подзадоривая себя сухими звуками кастаньетъ. Особенно обращалъ на себя вниманіе молодой человѣкъ въ курткѣ, расшитой стеклярусомъ, и въ панталонахъ изъ пунцоваго атласа. На правильномъ сухощавомъ лицѣ съ легкимъ румянцемъ сверкали даже черезчуръ смѣлые черные глаза съ длинными рѣсницами; на верхней губѣ чуть пробивались черные усики. Молодой танцоръ изгибалъ и вертѣлъ свой стройный станъ съ неподражаемой граціей, сверкая бѣлыми зубами и посылая обольстительныя улыбки своей старой дамѣ. Ирландка, сидѣвшая около меня, была въ восторгѣ, и цвѣты на ея шляпкѣ тряслись, точно одержимые лихорадкой. Восторгъ ея дошелъ до крайнихъ предѣловъ, когда, вслѣдъ затѣмъ, здоровый, загорѣлый мужчина съ черными усами и въ черномъ костюмѣ торреадора, отлично сидѣвшемъ на его мускулистой фигурѣ, вышелъ танцовать какой-то сѣверный танецъ. Супругъ ея смотрѣлъ на все это съ наморщеннымъ лбомъ и сильно покраснѣлъ, когда молодая и хорошенькая дѣвушка, танцуя фанданго, подъ самымъ его носомъ стала на одно колѣно и, далеко откинувшись назадъ, сладо-

страстно поводила обнаженными плечами и руками, осыпая себя, такъ сказать, цѣлымъ каскадомъ кастаньетныхъ звуковъ. Англичанинъ не выдержалъ ея томнаго взгляда и, наклонившись ко мнѣ, сказалъ, что это не совсѣмъ комильфо. Просидѣвъ послѣ этого еще нѣсколяко минутъ, онъ неожиданно поручилъ мнѣ свою супругу и съ наморщеннымъ челомъ куда-то скрылся...

Къ концу вечера стало душно отъ жары, поту и пыли, которую подняли танцоры. Въ глазахъ стало рябить: ногами очевидно много не выдумаешь. Уши были наполнены какимъ-то хаосомъ отъ безконечнаго щелканья кастаньетъ. Передъ послѣднимъ танцемъ, танцовщицы кладутъ посѣтителямъ на колѣни свои носовые платки, въ которые имъ слѣдуетъ что-нибудь положить за труды; это у нихъ обычай...

— Ну что? понравились вамъ здѣшніе танцы? спросилъ меня по возвращеніи секретарь отеля.

Я выразилъ сожалѣніе, что не было публики, а на себя мы достаточно наглядѣлись у себя дома.

— Да эту дрянь не стоило и смотрѣть, повѣрьте мнѣ. Это сортъ плохаго балета. Настоящіе національные танцы можно видѣть только въ простомъ кафе... Пойдемте сегодня ночью; я вамъ покажу, что такое здѣшній «jaleo».

Около полуночи мы отправились съ нашимъ секретаремъ. Ночь была чудесная. Въ воздухѣ было тихо, какъ въ комнатѣ. Луна высоко поднялась на небѣ и эффектно освѣила узкія

улицы Севильи. На одной сторонѣ дома тонули въ густой черной тѣни, тогда какъ другіе ярко бѣлѣли, облитые лунными лучами. Летучія мыши беззвучно трепетали и кружились въ воздухѣ. Улицы почти опустѣли. Можно бы подумать, что городъ вымеръ, если бы не попадались временами на площадяхъ небольшія группы кабольерро, закутанныхъ въ плащи. Кое-гдѣ ворота въ домахъ оставались открытыми и изъ полуосвѣщенныхъ патіо доносились лѣнивые звуки фортепіанъ или гитары. Вотъ народъ, который и днемъ и ночью кажется то и дѣло, что играетъ на гитарахъ!

Простонародное кафе, куда привелъ насъ нашъ спутникъ, достойно кисти художника. Несмотря на позднее время, оно совершенно наполнено было посѣтителями. Мы съ трудомъ пристроились къ грязному столу, по близости отъ эстрады, за которымъ уже сидѣлъ захмѣлѣвшій парень въ невѣроятныхъ отрепьяхъ и съ невѣроятной рожей, покрытой какой-то щетиной. Надъ залой, освѣщенной тускло-горящими лампами, держится чадъ, паръ и дымъ. Женщинъ мало; посѣтители больше мужчины — рабочіе, солдаты, студенты. На эстрадѣ, освѣщенной рампами, сидѣли въ нѣсколько рядовъ гитаны, разодѣтыя въ легкія бѣлыя платья съ длинными шлейфами, отдѣланными множествомъ цвѣтныхъ лентъ. Какъ-то странно было видѣть въ такомъ вертепѣ этихъ красивыхъ, не лишенныхъ изя-

щества и въ сравнительно дорогихъ костюмахъ женщинъ.

Подобно нашимъ цыганкамъ, гитаны были обвѣшаны золотыми ожерельями и браслетами; въ черныхъ, какъ агатъ, волосахъ, живописно причесанныхъ, заколоты розы и жасминъ. Мужчины, какъ и у насъ, стояли сзади; вслѣдствіе жары, они были безъ сюртуковъ въ однихъ жилетахъ.

Когда мы вошли, балетъ былъ въ полномъ ходу. Молодая и стройная гитана, одѣтая въ костюмъ «majo» (простонароднаго щеголя), въ высокихъ желтыхъ сапогахъ съ разшнурованными голенищами, плавно разводя маленькими ручками и покачиваясь корпусомъ, плясала «халео.» Пляска эта состоитъ то въ скоромъ, то въ медленномъ притаптываніи ногами на мѣстѣ и въ плавномъ, змѣеобразномъ извиваніи стана. Въ этихъ медленныхъ, какъ бы лѣнивыхъ движеніяхъ видна была однако страстная нѣга востока; время отъ времени танцовщица вдругъ мѣняла мѣсто или начинала чрезвычайно быстро и сильно перебирать ногами. Въ каждомъ мускулѣ, въ каждомъ вздохѣ ея высокой груди, въ легкомъ закидываніи головы, блескѣ глазъ, вскидываніи пушистыхъ рѣсницъ, въ нервномъ движеніи алыхъ, какъ кровь, губъ, видна была пламенная, южная природа этой женщины.

Въ то же время гитаристы играли быстрый, лихорадочный мотивъ; гортанный теноръ, періодически затягивалъ заунывную пѣсню, а хоръ

отчетливо отбивалъ тактъ въ ладоши, къ которому присоединялись иногда и посѣтители.

VI.

Алькасаръ. — Арабески. — Купальня Маріи Падильи. — Романцеро. — Домъ Пилата. — Табачная фабрика.

Если-бы я былъ художникомъ, то непремѣнно бы остановился подробнѣе на севильскомъ Алькасарѣ. Алькасаръ построенъ маврами и долго служилъ, затѣмъ, мѣстопребываніемъ испанскихъ королей. Послѣ освобожденія Севильи, Фердинандъ Святой обратилъ его въ свой дворецъ; большая же часть построекъ и украшеній относятся ко времени донъ-Педро. На главномъ фасадѣ, во дворѣ «de la Monteria» старинная надпись гласитъ:

«Величайшій, благороднѣйшій, всемогущественный и побѣдоносный донъ-Педро, милостью Божьей, король Кастилій и Леона, повелѣлъ возвести эти алькасары и дворцы и эти галереи, что и было исполнено въ тысяча четыреста второмъ году».

Въ настоящее время, во дворцѣ живетъ королева Изабелла, которая, говорятъ, такъ много тратила денегъ въ Парижѣ, что молодой король принужденъ былъ отозвать ее въ Испанію. Благодаря тому, что въ Алькасарѣ живетъ королева, дворецъ поддерживается гораздо лучше гренадской Альгамбры. Это удивительный памятникъ арабской архитектуры; детальное описаніе всѣхъ

этихъ красотъ имѣло бы большой интересъ для художниковъ, изучающихъ исторію архитектуры; для обыкновенныхъ же читателей это было бы, пожалуй, и скучно, потому что въ такомъ описаніи не было бы «движенія». Моя задача, какъ путешественника, передать только общее впечатлѣніе; поэтому я пользуюсь аксессуарами съ осторожностью, только для приданія моимъ описаніямъ мѣстнаго колорита; а то пожалуй вы, чего добраго, заснете, не дочитавъ моихъ писемъ до конца, что мнѣ будетъ, самъ не знаю почему, чрезвычайно непріятно.

Желающимъ основательно познакомиться съ арабскими орденами и памятниками этого искусства въ Испаніи, я могу рекомендовать книгу Контрераса *), главнаго реставратора Альгамбры, на что этотъ почтенный человѣкъ получаетъ отъ правительства ничтожную сумму.

Алькасаръ большая постройка, обнесеннная старинной стѣной, и въ планѣ представляетъ рядъ садовъ, «patio» и двухъэтажныхъ зданій. Главныя ворота выходятъ на площадь «del Triunfo» и ведутъ въ великолѣпное «patio de las Doncellos», окруженное полусотнею колоннъ изъ рѣзнаго бѣлаго мрамора, поддерживающихъ арки, и галереями. Проникая внутрь Алькасара, вы чувствуете, что перенеслись на востокъ. Тѣ изъ русскихъ, которые видѣли дворецъ кокан-

*) Estudio descriptivo de los monumentos arabes de Granada, Sevilla y Córdoba, por Rafael Contreras (1878).

скихъ хановъ или мечетъ въ Самаркандѣ, невольно вспомнятъ о томъ и другомъ въ Алькасарѣ; только все это здѣсь облагорожено и изящно; вліяніе Запада отразилось и смягчило грубое и пламенное вдохновеніе арабскихъ художниковъ. Всѣ стѣны «patio» и залъ покрыты арабесками, точно самымъ тонкимъ кружевомъ, изъ фаянса яркихъ цвѣтовъ. Всѣ эти арабески удивительно оригинальны, безконечно причудливы и, несмотря на свою запутанность, оставляютъ впечатлѣніе особенной гармоніи, странной и чуждой, какъ нѣкоторыя мелодіи востока. Алькасаръ и Альгамбра могутъ служить великолѣпной иллюстраціей къ сказкамъ «Тысяча и одна ночь», этому удивительному памятнику литературы, въ которомъ остроуміе бьетъ, какъ фонтанъ, а воображеніе играетъ, какъ солнце въ чистыхъ капляхъ этого фонтана, разсыпавшись въ немъ всѣми цвѣтами радуги. Кромѣ «patio de las Doncellas» *), особенно хороши: «зала Пословъ», «зала Карла V» и небольшое «patio de de las Muñecas» «(куколъ)», въ которыя ведутъ большіе проходы изъ перваго. Въ одномъ изъ углубленій «patio de las Doncellas», по преданію, помѣщался тронъ Мавританскихъ королей.

Алькасаръ извѣстенъ своими садами, пологой терасой спускающимися ко дворцу: богатѣйшія растенія, какія у насъ можно встрѣтить только въ оранжереяхъ, окружаютъ большіе мрамор-

---

*) «Дворъ дѣвственницъ».

ные бассейны и фонтаны. Нѣкоторыя аллеи здѣсь съ фокусомъ: если отворить кранъ, то изъ-подъ земли неожиданно начинаетъ бить множество тонкихъ водяныхъ струекъ. Донъ-Педро Справедливый, король Леона и Кастилій, нерѣдко приказывалъ пускать эти струйки подъ ноги придворнымъ дамамъ и много забавлялся ихъ удивленіемъ и испугомъ. Въ подвальномъ этажѣ дворца, еще при халифахъ, устроенъ подъ рядомъ сводовъ длинный и узкій каменный бассейнъ, служившій купальней для Султаншъ; по бокамъ, ниши для раздѣванія. Въ случаѣ надобности, бассейнъ быстро наполнялся проточной водой. При донъ-Педро эта купальня поступила въ распоряженіе его прекрасной фаворитки, Маріи Падильи. Марія Падилья жила во дворцѣ и въ ея апартаменты вела особая, потайная лѣстница, сохранившаяся до сихъ поръ. При купаньи красавицы нерѣдко присутствовалъ король, окруженный придворными, причемъ послѣдніе, какъ истинные кавалеры, пили воду изъ бассейна, въ честь Маріи Падильи, а король при этомъ милостиво улыбался и говорилъ: «Ну, что, синьоры! хороша ли моя любовница?»

— Хороша, государь! отвѣчали доны, бряцая золотыми шпорами, и оглашали своды купальни восклицаніями: O maravilla! maravilla!

А одинъ смѣлый молодой рыцарь отклонилъ кубокъ съ водой и сказалъ: «отвѣдавъ соусъ, пожалуй, пожелаешь и птицы!..» на что король слегка нахмурился, а Марія Падилья подарила

шутника стыдливымъ, но благодарнымъ взглядомъ. Это было, впрочемъ, очень давно. Отъ короля и его дамы остался одинъ прахъ, а своды купальни подернуло вѣковою плесенью. Появленіе знаменитой фаворитки въ купальнѣ, передъ монархомъ и его рыцарями, было бы предано забвенію, если бы не существовало поэтовъ и кастальскаго ключа, который

.... волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ...

Благодаря имъ, мы имѣемъ слѣдующее романцеро, которое, кажется, я самъ сочинилъ.

МАРІЯ ПАДИЛЬЯ.

ROMANCERO.

I.

По аллеямъ Алькасара
Шелъ въ купальню де-Падильи
Педро, донъ, король Леона
Андалузьи и Кастильи.

Слѣдомъ шли толпою гранды,
Кавалеры Калатравы,
И красавицы синьоры
Выступали точно павы.

Вечеръ чудный... Солнце сѣло;
Отъ деревъ упали тѣни
И фонтаны чуть журчали,
Нѣги полные и лѣни.

И, склоняясь предъ монархомъ,
Съ удивительнымъ стараньемъ
Наполняли розы воздухъ
Неземнымъ благоуханьемъ.

«Что за запахъ!.. Todos Santos!»
Восклицалъ король съ улыбкой,
«Можно думать, что сегодня
Въ рай попали мы ошибкой!»

«Да, Севилья — просто чудо,
Нѣтъ ея на свѣтѣ краше;
Здѣсь прекрасная Марія
Побѣдила сердце наше».

«Этой доньѣ передъ всѣми
Отдаю я предпочтенье;
Красота ея невольно
Возбуждаетъ удивленье...»

«У нея глаза сіяютъ,
Точно звѣзды въ небѣ; зубы
Снѣга вѣчнаго бѣлѣе
И алѣй коралла губы».

«Что-жь до тѣла, то такое
Тѣло чудное едва ли,
Благородные синьоры,
Вы когда нибудь видали!»

II.

Подъ гранитнымъ темнымъ сводомъ
Льютъ дрожащій свѣтъ лампады
И въ бассейнъ, на мраморъ бѣлый
Съ шумомъ падаютъ каскады.

Сѣлъ король въ высокомъ креслѣ,
А кругомъ его синьоры,
Устремляя на Падилью
Страстно-пламенные взоры.

А она, красой сіяя,
Обнаженная, какъ Фрина,
Входитъ въ воду, раздвигая
Вѣтки бѣлаго жасмина.

Вотъ она плыветъ и нѣги
Всѣ ея движенья полны,
И ласкаютъ это тѣло
Очарованныя волны.

И златой наполнивъ кубокъ
Этой самою водою,
Въ честь красавицы Маріи
Пили гранды чередою.

Пили гранды чередою
И въ восторгѣ восклицали:
«Ахъ! такой воды чудесной
Никогда мы не пивали!..»

III.

«Я клянусь тобою, муза,
Солнца пламеннымъ привѣтомъ,
Соловьиной пѣсней въ рощѣ,
Серебристымъ луннымъ свѣтомъ;»

«И звѣздою, что мигаетъ
Разноцвѣтными огнями,
Незабудкой и фіалкой,
Розой, вѣчными снѣгами,»

«Что не видѣлъ я на свѣтѣ
Лучше женщины созданья;
Въ ней и свѣтъ, и цвѣтъ, и звуки,
И цвѣтовъ благоуханье;»

«Безъ нея все остальное
Не достойно даже взора,
Точно убранная сцена,
Но безъ главнаго актера.»

«Потому я и не стану
Осуждать смѣшную моду,
Что синьоры съ аппетитомъ
Изъ купальни пили воду...»

Такъ сказалъ Айала Лопецъ,
Воинъ славный и писатель
Тѣхъ временъ и, какъ замѣтно,
Женщинъ скромный почитатель.

IV.

Говоритъ король донъ-Педро:
— «Всѣ вниманьемъ насъ почтили,
Вы одинъ лишь, донъ-Альварецъ,
Въ честь красавицы не пили»...

«Вѣдь могу поступокъ этотъ
Объяснить я непріязнью,
Или можетъ быть, Родриго,
Вы больны водобоязнью?»

Донъ-Родриго де-Альварецъ,
Рыцарь храбрый, улыбаясь,
Отвѣчалъ на это смѣло,
Предъ монархомъ не смущаясь:

«Государь! струи, гдѣ донья
Окуналась, очень сладки,
Но, отвѣдавъ этотъ соусъ,
Пожелаешь куропатки...»

«Посмотрѣвъ на донью, трудно
Не дѣлить восторги ваши,
И боюсь сгорѣть я сердцемъ,
Разъ испивъ изъ этой чаши...»

Съ благосклонною улыбкой
Внялъ донъ-Педро смѣлой рѣчи;
А у доньи заалѣлись
Бѣломраморныя плечи.

— «Да, конечно, куропатка
Лучше соуса, я знаю,
Но за дичью королевской
Вамъ охоту воспрещаю...»

V.

Ночь спустилась надъ Севильей,
Дремлетъ все въ покоѣ сонномъ,
Во дворцѣ король донъ-Педро
Спитъ на ложѣ золоченомъ.

Снится сонъ ему: Альварецъ
На конѣ, тропой лѣсною,
Мчится, юный и прекрасный,
Вслѣдъ за дикою козою;

Мчится онъ и настигаетъ,
Высоко копье заноситъ
И, убивъ козу, въ подарокъ
Королю рога подноситъ.

Кромѣ Алькасара, я былъ еще въ такъ называемомъ «домѣ Пилата» (casa de Pilatos) и на табачной фабрикѣ. Въ Севильѣ существуетъ еще не мало различнаго рода старинныхъ построекъ: монастыри, церкви, частные дома; индійскій архивъ, въ которомъ хранятся драгоцѣнныя рукописи, относящіяся къ открытіямъ и завоеваніямъ Христофора Колумба, Фердинанда Кортеса, Пизарро, Магеллана и другихъ; двѣ библіотеки и художественный музей, помѣщающійся въ ста-

ринномъ монастырѣ «de la Merced». Если бы я жилъ долго въ Андалузіи, то, вѣроятно, посѣтилъ бы все это старье, но теперь мнѣ остается только ихъ перечислить. Надѣюсь, что вы не особенно удивляетесь моему невѣжественному отношенію къ древности; мнѣ еще такъ много осталось осмотрѣть въ Москвѣ, что севильскія историческія древности могутъ и подождать.

Домъ Пилата привлекъ меня своимъ любопытнымъ названіемъ. Дону де-Ривера, богатому синьору, жившему въ XVI столѣтіи, пришла фантазія выстроить себѣ дворецъ, въ которомъ воспроизвести домъ Понтія Пилата, гдѣ содержался подъ стражей и былъ осужденъ на смерть Іисусъ Христосъ.

Для этой цѣли Де-Ривера посылалъ одного художника въ Іерусалимъ изучать зданіе на мѣстѣ, по преданіямъ, что тотъ и сдѣлалъ (?). Проводникъ самымъ серьезнымъ образомъ водитъ васъ по комнатамъ и объясняетъ значеніе каждой: «здѣсь судилище; на этой мраморной тумбѣ сидѣлъ Спаситель; въ этомъ корридорѣ стража охраняла Христа передъ допросомъ; здѣсь трижды пропѣлъ пѣтухъ» и такъ далѣе. Не правда ли, что только испанцу можетъ придти въ голову такая постройка?

Для празднаго путешественника гораздо интереснѣе казенная, табачная фабрика. Это большое и тяжелое зданіе, напоминающее тюрьму и вообще смахивающее на наши старые казенные дома; оно расположено въ юго-восточной

части города, напротивъ садовъ Алькасара и недалеко отъ южнаго желѣзнодорожнаго вокзала, откуда путешественники отправляются на Кадиксъ. Вообще всѣ наиболѣе интересныя зданія расположены въ этой части города.

Табачная фабрика, подобно крѣпости, окружена рвомъ съ подъемными мостами. Мы проникли туда съ А* безъ замедленія. Очень любезный чиновникъ, оказавшійся, кажется, единственнымъ на лицо во всей фабрикѣ для несенія служебныхъ обязанностей, тотчасъ же далъ намъ разрѣшеніе ходить повсюду и смотрѣть, что намъ угодно. Мы, конечно, отправились на ту половину, гдѣ работаютъ женщины, подъ управленіемъ особыхъ надзирательницъ. Здѣсь, среди четырехъ тысячъ женщинъ, изъ коихъ болѣе половины молодыхъ, художнику представляется прекрасный случай изучить южные испанскіе типы. Хорошенькихъ не перечтешь, а глаза почти у всѣхъ прекрасны. Мы гордо прошли по анфиладамъ комнатъ, сопровождаемые одной изъ надзирательницъ, почтенной дуэньей лѣтъ сорока, съ лицомъ Мурильовской Елисаветы. Я такъ былъ доволенъ, что твердо рѣшился, при выходѣ, дать ей пять песетъ и поэтому просилъ А* называть меня маркизомъ. Всѣ женщины сидѣли за длинными столами, передъ кучами табаку и быстро крутя папиросу за папиросой, бросали ихъ въ корзины. Около, на вѣшалкахъ, висѣли болѣе нарядныя платья, въ которыхъ бѣдныя франтихи, по окончаніи работы, отправ-

ляются плѣнять молодыхъ людей на «prado». Появленіе иностранцевъ ихъ развлекло; любопытство не оставляетъ женщинъ даже на табачной ѳабрикѣ, хотя я приписываю это болѣе всего добродушію, которое было разлито на нашихъ лицахъ.

ГРЕНАДА.

I.

Донъ-Жуанъ.—Изъ Севильи въ Гренаду.—„Вздохъ Мавра".—„Гонзальва Кордуанскій" Флоріана.—Пѣсня Мораймы.

—

Я бы могъ разсказать вамъ еще что нибудь о Севильѣ, но, слѣдуя совѣту Горація — спѣшить къ развязкѣ, собираю свои вещи и отправляюсь въ Гренаду. Если бы я хотѣлъ спекулировать на ваши легкомысленныя наклонности, которыя таятся въ каждомъ человѣкѣ, я бы разсказалъ вамъ похожденія одного моего знакомаго въ обществѣ, одного морскаго офицера съ шведскаго корвета и секретаря отеля — необыкновенно подвижнаго чилійца, объѣхавшаго почти весь міръ и видавшаго, несмотря на свой маленькій ростъ, всевозможные виды и невзгоды. Въ этихъ похожденіяхъ не было бы ничего удивительнаго, такъ какъ Севилья издавна славится похожденіями. Не даромъ же здѣсь родился и прославился своими любовными продѣлками и дуэлями донъ-Мигуэль де-Маньяра, переименован-

ный еще разсказчиками XIII столѣтія въ безбожнаго донъ-Жуана. Домъ, принадлежащій нѣкогда этому благородному синьору, сохранился до сихъ поръ. Наскучившись веселою жизнью, донъ-Маньяра обратилъ свой дворецъ въ странноприимный домъ и образовалъ тамъ же братство Милосердія (la Caridad), для котораго написалъ особый уставъ, исполненный христіанской любви и смиренія. Братство существуетъ до сихъ поръ и, по правиламъ своего устава, обязано напутствовать и утѣшать приговоренныхъ къ смерти и затѣмъ заботиться о погребеніи казненныхъ. Въ главной залѣ дома развѣшаны на стѣнахъ портреты всѣхъ «старшихъ братьевъ» и тутъ же красуется шпага донъ-Мигуэля и слѣпокъ его лица, снятый послѣ смерти.

Впрочемъ, это уже къ дѣлу не относится... Итакъ, въ одно прекрасное утро я сѣлъ въ небольшой отельный омнибусъ и отправился на вокзалъ. Чтобы попасть изъ Севильи въ Гренаду, надо отправиться по южной дорогѣ вмѣстѣ съ пассажирами на Кадиксъ до станціи Утрера; далѣе слѣдуетъ вѣтвь Утрера-Осуна-Ля-Рода, соединяющая первую дорогу съ линіей Кордова-Малага; по этой линіи до Бобадильи, а отъ нея уже на Гренаду *). Пассажиры 1-го класса на всемъ пути вагоновъ не мѣняютъ.

*) Отъ Севильи до Гренады 290 верстъ; билетъ 1-го класса стоитъ по нынѣшнему курсу около 20 руб. (192

У кассы я встрѣтилъ одного изъ своихъ сосѣдей по отелю, бразильскаго негоціанта, съ красавицей дочерью, у которой черные глаза блистали, какъ бразильскіе алмазы, а губы были красны, какъ свѣжая кровь; эти глаза и ротъ удивительно гармонировали съ золотистою блѣдностью ея прекраснаго лица; такихъ женщинъ описывалъ покойный Густавъ Эмаръ въ своихъ легкомысленныхъ романахъ изъ американской жизни. Однако, какъ не была хороша бразильская героиня, тѣмъ не менѣе, папаша ея оказался пренепріятный человѣкъ; изъ-за него я едва не опоздалъ. Онъ направился на Малагу и, потребовавъ цѣлый десятокъ билетовъ для семьи и прислуги, вынулъ для расплаты такія старинныя монеты, какихъ я и не видывалъ, величиною съ нашъ мѣдный пятакъ. Такъ какъ монеты поистерлись, то кассиръ пошелъ за вѣсами, началъ старательно взвѣшивать каждую монету и тянулъ эту исторію чуть не до отхода поѣзда.

Не стану вамъ описывать дорогу изъ Севильи до Гренады, тѣмъ болѣе, что я ея и не помню. Могу только съ точностію сказать, что по дорогѣ попадались и долины, и горы, и что было тепло. Конечно, съ помощью различныхъ путеводителей я могъ бы больше остановиться надъ до-

---

реала), а 2-го класса — около 15 руб. (145,8 реала). Отъ Мадрида до Севильи 570 верстъ; 1-го класса — 29 руб, (286,6 реала); 2-й классъ — 22 руб. (220,5 реала).

линою Хениля и другихъ рѣкъ, но всякое заимствованіе слѣдуетъ дѣлать съ умѣренностію, и я оставляю на этотъ разъ путеводителей въ покоѣ.

Я сѣлъ во второй классъ. Вагонъ былъ почти полонъ всякаго сорта пассажирами, по преимуществу грязными; самымъ опрятнымъ оказался почтенный старикъ-капуцинъ съ длинною сѣдою бородою, въ сандаліяхъ на босую ногу, въ рясѣ изъ грубой шерстяной матеріи, живописно опоясанный веревкой, за которую было заткнуто большое деревянное Распятіе. До Бобадильи мы ѣхали спокойно, но здѣсь въ вагонѣ появился новый пассажиръ — не то фермеръ, не то зажиточный крестьянинъ, въ новомъ, но уже перепачканномъ костюмѣ. Онъ былъ совершенно пьянъ и началъ съ того, что сказалъ всѣмъ пассажирамъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности, нѣсколько сальностей, а затѣмъ повалился на скамью и захрапѣлъ. Мы съ капуциномъ старались всячески сжаться и отстраниться отъ него, чтобы не нарушить его драгоцѣнный сонъ, но это не привело ни къ чему, ибо, какъ говоритъ донъ-Кихотъ, «el hacer bien à villanos es echar agua en la mar», т. е. дѣлать добро негодяямъ — все равно, что подливать воду въ море; негодяй адски храпѣлъ, брыкался во снѣ и велъ себя въ высшей степени неприлично; а при пробужденіи своемъ окончательно всѣхъ перепугалъ и сконфузилъ. Наконецъ, на одной изъ станцій, къ нашему мучителю подошелъ сидѣвшій тутъ кара-

бинеръ и, тряхнувъ его за плечи, воскликнулъ: «эй! компаньеро! вставай! пойдемъ-ка, я тебѣ что-то покажу, чего ты не видѣлъ во снѣ!» и затѣмъ давъ ему безъ церемоніи два здоровыхъ подзатыльника, вытолкнулъ его на платформу и исчезъ съ нимъ въ вечерней полутьмѣ. Такъ мы и не узнали, что карабинеръ показалъ старому пьяницѣ: ни тотъ, ни другой болѣе не возвращались въ вагонъ.

Мы прибыли въ Гренаду ночью и проѣхали въ каретѣ почти черезъ весь городъ, такъ какъ лучшіе отели находятся въ Альгамбрѣ. Весь городъ расположенъ на склонахъ сіерры Невады. Альгамбра, какъ извѣстно, была резиденціей послѣднихъ мавританскихъ королей и теперь составляетъ по размѣрамъ почти треть современнаго города; она расположена вмѣстѣ съ Хенералифомъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ и окружена высокою стѣною. Дорога идетъ черезъ сады Альгамбры, между рядами платановъ удивительной вышины, придающими величественный видъ этой старинной крѣпости. Климатъ Гренады, благодаря возвышенному мѣстоположенію (болѣе 2,000 ф. н. у. м.) умѣренный и пріятный, и напоминаетъ Кавказъ. Кругомъ города высятся отроги сіерры Невады, мѣстами покрытые снѣгами. Высшія точки этого хребта, какъ, напримѣръ, Мулахасенъ, достигаютъ почти 12,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Черезъ городъ съ шумомъ протекаютъ Хениль и Дарро,

а множество чистыхъ и холодныхъ горныхъ источниковъ переливаются въ оврагахъ и подъ горами. Яркая зелень и цвѣты скрашиваютъ бѣдность и ветхость самыхъ старыхъ и самыхъ грязныхъ домовъ. Изъ улицъ и бульваровъ особенно посѣщаются гуляющей публикой «Carrera del Darro», «Calle de los Gomeles», ведущая въ Альгамбру, а тѣ изъ путешественниковъ, которые не любятъ свѣта, шума и человѣчества, могутъ отыскать въ Гренадѣ улицы, доходящія шириною до четырехъ футъ.

Гренада когда-то была послѣднимъ оплотомъ испанскихъ мавровъ. Въ 1492 году король Фердинандъ съ супругою своею Изабеллою и полководцемъ Гонзальвой Кордуанскимъ подступилъ къ Гренадѣ и осадилъ Альгамбру. Упорство королевы было таково, что крѣпость наконецъ была взята и султанъ Боабдилъ, постыдно покинувъ свой гарнизонъ, бѣжалъ въ горы. Тамъ, взобравшись на одну изъ вершинъ, онъ послѣдній разъ окинулъ Гренаду печальнымъ взглядомъ, прослезился, потомъ вздохнулъ и сказалъ: «О Гренада, Гренада! Ахъ, Альгамбра, Альгамбра! и ты Хенералифъ! мои сады, фонтаны и чертоги! И вы, мои милыя султанши, которыхъ было у меня такъ много, что жизни моей не хватило бы объясниться вамъ всѣмъ въ любви! (почему я и предпочиталъ, вмѣсто этого, рубить вамъ иногда головы). Прощайте всѣ! Потерялъ я васъ всѣхъ и никогда больше не увижу, шай-

танъ меня возьми!» ...и при этомъ султанъ опять такъ глубоко вздохнулъ, что современники услыхали этотъ вздохъ сквозь звонъ мечей и бранные клики и назвали гору «вздохомъ Мавра».

Флоріанъ описалъ все это въ своемъ романѣ «Гонзальва Кордуанскій», но до того скучно, что приходится удивляться, какъ можно было написать такую скучную книгу. Вотъ какъ начинаетъ онъ свое твореніе въ переводѣ Осипова (1793).

«Непорочныя нимфы, омывающія длинные вашихъ власовъ кудри въ чистыхъ водахъ Гвадалквивира! Собирающія подъ тѣнью померанцовыхъ деревъ всегда возрождающіеся цвѣты на зеленыхъ дернахъ Андалузскихъ! Удостойте меня вашимъ вдохновеніемъ; научите пѣть витязей вашихъ бреговъ. Начертайте предо мною кровавыя сраженія, происходившія подъ стѣнами Гренады; Гонзальвовы побѣды, его любовныя приключенія и несчастія. Перескажите: какимъ образомъ Изабеллина твердость и Фердинандово благоразуміе освободили наконецъ Гишпанію отъ неправедныхъ ея похитителей? и какимъ образомъ междуусобныя несогласія составили и истребленія и погибель мавровъ?..»

Но, увы! г. Флоріану не удалось упросить непорочныхъ нимфъ, которыя, вѣроятно, продолжали собирать цвѣты на «Андалузскихъ дернахъ», предоставивъ Флоріану разобраться по его усмотрѣнію между «Гонзальвовыми побѣ-

дами, любовными приключеніями, Изабеллиной твердостью и Фердинандовымъ благоразумімъ».

При Филиппѣ III мавры были изгнаны окончательно изъ своего втораго отечества, но до того времени испанцы не мало ухаживали за мавританками, находя ихъ очень хорошенькими, и поэтому въ типѣ жителей сохранилось не мало восточнаго. Тикноръ въ своей прекрасной исторіи испанской литературы, говоря о временахъ существованія мавровъ въ Испаніи, приводитъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ, относящихся къ этой эпохѣ и указывающихъ на сближеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ на вражду христіанъ съ маврами. Привожу одну изъ нихъ въ вольномъ переводѣ.

МАВРИТАНКА И ИСПАНЕЦЪ *).

Я Морайма молодая;
Гибокъ станъ мой, нѣженъ взглядъ...
Я одна... и темной ночью
Слышу въ дверь мою стучатъ.

---

*) Yo mera moro Morayma,
Morilla d'un bel catar;
Christiano vino a mi puerta,
Cuytada, por me engañar.
Hablome en algeravia;
Como ayuel que la bien sabe;
— «Abras me las puertas, Mora,
Si Ala te guarde de mal!»
— «Como te abrire, mezquina,
Que no se quien tu seras?»
— Yo soy el Moro Maçote,
Hermana de la tu madre,

— «Отвори мнѣ, дочь Востока!
«Прогони напрасный страхъ;
«Дай пріютъ; за это вѣрно
«Наградитъ тебя Аллахъ.

«Посмотри, какія тучи!
«Вѣтеръ рветъ, гроза гремитъ;
«Я продрогъ, усталъ, и рана
«У меня въ груди горитъ...»

Былъ его такъ нѣженъ голосъ,
Съ неба дождь лился рѣкой...
— «Точно-ль мавръ ты правовѣрный
«Или ты хитришь со мной?»

— «Развѣ можетъ такъ испанецъ
«Знать какъ я языкъ степей?
«Я Масотъ — родной твой дядя;
«Бородой клянусь своей!

«Въ ссорѣ я христіанина
«Поразилъ и раненъ самъ...
«Что же медлишь? Слышишь: стража
«По моимъ идетъ слѣдамъ.

Que un Christiano dejo muerto;
Tras mi venia el alcalde
Sino me abres tu, mi vida,
Aqui me veras matar...»
Quando esta oy, cuytada,
Comencemo a levantar;
Vistierame mi almexia,
No hallando mi brial;
Fuarame para la puerta,
Y abrila de par en par...
(Cancioñero general. 1535).

«Если сжалишься — въ эдемѣ
«Блескомъ вѣчной красоты
«Зацвѣтешь и въ сонмѣ гурій
«Всѣхъ прекраснѣй будешь ты...»

Встала я тогда съ постели,
Жалость къ бѣдному тая,
И въ одной ночной одеждѣ
Дверь ему раскрыла я.

Но... о, ужасъ! Вмѣсто дяди
Обнялся въ дверяхъ со мной
Безбородый и веселый
Христіанинъ молодой...

II.

Отель и американки. — Объѣздъ города. — Соборъ.

Большой отель «Вашингтонъ-Ирвингъ» оказался вовсе не большимъ и во всякомъ случаѣ меньше и хуже, чѣмъ тотъ, въ которомъ я остановился въ Севильѣ. Узкія, стеклянныя веранды, небольшіе номера, плохо меблированные и съ такими тонкими перегородками, что слышно все, что дѣлается въ сосѣднемъ номерѣ.

— Въ Гренадѣ никто не живетъ въ комнатахъ... комнаты—это между прочимъ, утѣшалъ меня гидъ, отставной карлистскій офицеръ, синьоръ Мигуэль—блондинъ съ удивительно красивымъ и благороднымъ лицомъ.

Тѣмъ не менѣе, я не пошелъ ночевать на улицу, а, поужинавъ, легъ спать.

Гостинница оказалась населенной американцами и американками. Молодыя американки, некрасивыя дѣвицы съ длинными таліями и большими ногами, возвращаясь изъ экскурсій по городу, послѣ обѣда занимались въ верандѣ чтеніемъ «спутниковъ» и рисованіемъ, а по вечерамъ дѣлились между собою восторгами; мальчишки, довольно впрочемъ взрослые, покупали себѣ въ лавкахъ всякую дрянь, большею частью національные инструменты, и оглашали отель адскими звуками. Одинъ изъ нихъ даже безцеремонно ворвался ко мнѣ въ комнату и, провизжавъ что-то на дудкѣ, скрылся. Я выскочилъ въ корридоръ и крикнулъ на нихъ: «цицъ, вы оболтусы!» за что и былъ награжденъ въ теченіи двухъ часовъ превосходнымъ концертомъ на всѣхъ инструментахъ разомъ.

Кромѣ меня и моего пріятеля А*, всѣ жильцы въ гостинницѣ оказались американцы. Вѣроятно, съ цѣлью привлекать послѣднихъ, отель и названъ именемъ Вашингтона Ирвинга, извѣстнаго писателя, долго жившаго въ Гренадѣ и много писавшаго объ Испаніи. Хозяинъ отеля—синьоръ Ихосъ-де-Ортицъ, красивый мужчина лѣтъ пятидесяти съ черными, пламенными глазами, принялъ насъ очень любезно, какъ старыхъ знакомыхъ. Онъ угостилъ меня, конечно, на мой счетъ, недурнымъ ужиномъ и виномъ и разсказывалъ

о томъ, какъ онъ въ оныя времена состоялъ курьеромъ при Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ, во время путешествія послѣдняго по Испаніи. «Вотъ почему, закончилъ онъ свою бесѣду, мнѣ всегда пріятно видѣть у себя русскихъ»...

Потомъ, закуривъ сигару, вздохнулъ и прибавилъ:

— Да; было время! ...Я тогда былъ молодъ...

— О, вы и теперь молодецъ! поспѣшилъ сказать я, вы и теперь хоть кого подстрѣлите вашими глазами... А то пріѣзжайте къ намъ: наши дамы вамъ не дадутъ умереть съ горя...

— Да, но я долженъ умереть отъ старости; это еще хуже. Нѣтъ, въ мои года уже не путешествуютъ. А въ тѣ времена я былъ молодецъ, хоть куда; и себя не забывалъ, и женщинъ не заставлялъ себя ждать... А какъ вамъ нравятся наши женщины?

— Удивительны!

— То-то вотъ и есть. А видѣли ли вы наши народные танцы...

Я ему разсказалъ, что видѣлъ въ Севильѣ. Онъ покачалъ головой и улыбнулся.

— Это хорошо, но еще не все... Есть еще пляски на столѣ. Наши гитаны танцуютъ ихъ прекрасно; это дико, но поэтично, въ особенности если я добавлю, что...

— Что?

— Что вся ихъ одежда состоитъ въ однихъ

браслетахъ... Это дорого стоитъ, но стоитъ и поспосмотрѣть...

Замѣтивъ, однако, что мы оба покраснѣли отъ стыда, синьоръ де-Ортицъ прекратилъ свой разсказъ и, несмотря на наши просьбы продолжать, перешелъ на другіе предметы, тѣмъ болѣе, что въ это время въ столовую вошла его супруга. По словамъ Ортица оказалось, что большая часть лучшихъ отелей въ южной и восточной Испаніи находятся въ рукахъ итальянцевъ, тогда какъ сѣверъ эксплоатируется французами.

Хозяинъ отеля въ Севильѣ порядочно ругалъ Испанію и, вспоминая свою милую родину, удивлялся, чего здѣсь ищутъ путешественники—въ этой грязной и глупой странѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ, кажется, уже десятый годъ живетъ здѣсь.

Итальянскій писатель Эдмондо де-Амичисъ, описывая свое пребываніе въ Гренадѣ, наткнулся на такой же курьезный разговоръ съ своимъ соотечественникомъ — содержателемъ гостинницы.

— Какъ!? воскликнулъ послѣдній, когда Амичисъ сталъ ему расхваливать города Андалузіи, вамъ нравятся дома въ Севильѣ и въ Кадиксѣ? Нельзя прислониться къ стѣнѣ, чтобы не выбѣлиться съ головы до ногъ! Вамъ нравятся эти узкія улицы, по которымъ не пройдешь послѣ хорошаго обѣда? Вамъ нравятся андалузскія женщины съ своими безумными глазами? Пойдите! Вы слишкомъ снисходительны къ этому пустому народу. Сами призвали Амедея и сами его вы-

гнали; это значитъ, что они не заслуживаютъ быть управляемыми цивилизованными людьми.

— Такъ что вы ничего хорошаго не находите въ Испаніи? перебилъ его Амичисъ.

— Ничего.

— Зачѣмъ же вы здѣсь остаетесь?

— Я?... Затѣмъ, что здѣсь я имѣю кусокъ хлѣба...

— Это уже что нибудь.

— Да; но какъ я питаюсь? какъ собака! Всѣ знаютъ, что такое испанская кухня!

— Но позвольте; вмѣсто того, чтобы ѣсть по-собачьи въ Испаніи, отчего вы не отправитесь кушать по-человѣчески въ Италію?

Такой вопросъ поставилъ трактирщика въ затрудненіе. Этотъ характерный разговоръ приходится нерѣдко слышать и у насъ въ Россіи не только отъ иностранцевъ, но еще болѣе отъ объиностранившихся русскихъ.

На слѣдующій день утромъ я отправился въ городъ, въ сопровожденіи синьора Мигуэля, который очень скоро со мной сошелся и держался «de cara y gorra», т. е. за панибрата. Современная и наиболѣе населенная часть города расположена внизу, тогда какъ старинный кварталъ — Альбаисинъ также, какъ и Альгамбра, находится на холмѣ; въ той же сѣверной части, подъ самыми горами, ютятся среди садовъ жилища гитанъ.

Въ Гренадѣ болѣе тридцати церквей и мона-

стырей и не мало памятниковъ старины, если не считать Альгамбру. Мой проводникъ предлагалъ мнѣ побывать вездѣ, но такъ какъ я не разсчитывалъ долго пробыть въ Гренадѣ, то и согласился только осмотрѣть соборъ. Соборъ этотъ построенъ въ XVI столѣтіи извѣстнымъ въ свое время архитекторомъ Діэго Силоэ и подобно Севильскому тоже имѣетъ не мало придѣловъ. Внутренность этихъ придѣловъ прекрасно поддерживается и отличается удивительнымъ вкусомъ и богатствомъ орнаментовъ. Главный придѣлъ блистаетъ роскошью и красотой; коринфскія колонны идутъ кругомъ въ два ряда, съ перекинутыми арками, покрытыми фресками Алонзо Кано. Придѣлы обливаются свѣтомъ черезъ цвѣтныя стекла оконъ. Въ королевскомъ придѣлѣ, въ двухъ великолѣпныхъ саркофагахъ, покоится прахъ Фердинанда V-го и Изабеллы Католической, и Филиппа I-го и его супруги Жанны Безумной. Здѣсь, какъ и вездѣ, вы встрѣчаете цѣлую галлерею живописи: картины Алонзо Кано, Зурбарана, Рибейры, Луиса Хименеса; между скульптурными произведеніями особенно хороши работы флорентинца Тарриджіани. Изъ картинъ на меня произвело особенное впечатлѣніе чудесное изображеніе Михаила Архангела съ пламеннымъ мечомъ въ рукахъ (кажется, работы Антоніо Адана?); такого въ нашихъ церквахъ я не видѣлъ.

Больше я ничего въ городѣ не хотѣлъ осматривать; мнѣ еще оставалась Альгамбра съ Хе-

нералифомъ — этотъ «слонъ», не повидавъ котораго, я не осмѣлился бы уѣхать изъ Гренады. Въ сущности же, какъ я уже признавался, меня гораздо болѣе привлекало населеніе, его жизнь и нравы... но что было дѣлать? Не осмотрѣть Альгамбры было бы непростительнымъ преступленіемъ въ глазахъ образованныхъ и благомыслящихъ людей.

III.

Вина Гренады.— Дворецъ Альгамбры.— Гитанскій принцъ.

Желая подкрѣпить свои силы передъ походомъ въ Альгамбру, я остановился около одного большаго погреба и спустился туда вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ. Тамъ уже сидѣло нѣсколько крестьянъ за стаканами хереса. Благодаря Мигуэлю, я имѣлъ возможность отвѣдать очень хорошіе сорта гренадскихъ винъ. Вина эти, по большей части, изъ мускатнаго винограда, душистыя и сладкія. Лучшія изъ нихъ носятъ названіе «слезы Христа» и «Пахарета». Пахаретъ черенъ, какъ душа преступника; его слѣдуетъ пить только на семейныхъ праздникахъ и въ tête-à-tête съ хорошенькой женщиной. Есть еще сортъ вина безъ названія. Для любителя это — пѣсня безъ словъ; оно вродѣ хереса, но легче и «сухое»; этотъ напитокъ можетъ истребляться

въ огромномъ количествѣ во время бесѣды о политикѣ, о боевыхъ подвигахъ, число которыхъ ростетъ съ каждымъ лишнимъ стаканомъ; годится и на проводахъ друзей, которыхъ иногда бываетъ очень пріятно выпроводить куда-нибудь подальше. Это безымянное вино имѣетъ еще одно большое преимущество: оно дешево; бутылка стоитъ на наши деньги около двадцати копѣекъ.

Такимъ образомъ, истративъ какихъ-нибудь пять песетъ въ погребѣ, мы отправились осматривать старинную резиденцію мавританскихъ султановъ, съ твердою увѣренностью, что никакіе злые духи, странствующіе въ ея развалинахъ, не устоятъ передъ могучею силою испанскаго вина.

Главный входъ въ Альгамбру ведетъ черезъ большія ворота, называемыя «Puerta judiciaria» (дверь правосудія), съ перекинутой надъ ней аркой, на замковомъ камнѣ которой, на мраморной доскѣ, изображены рука и ключъ. Одни говорятъ, что ключъ есть символъ могущества пророка, имѣющаго власть отпирать двери эдема; по объясненіямъ другихъ, это знакъ того, что «дверь правосудія» составляетъ ключъ къ крѣпости. Отверзтая рука изображаетъ пять заповѣдей пророка: молитву, добрыя дѣла, воздержаніе, поклоненіе Меккѣ и хазаватъ. На самой двери начертано по-арабски извѣстное изрѣченіе изъ Корана: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его». Влѣво и вправо тянутся высокія и темныя стѣны крѣпости, опоясываю-

щія мѣстность, занятую дворцами и садами. Стѣны прерываются по временамъ зубчатыми башнями, которыя все болѣе вѣтшаютъ и, подобно воздушному замку, исчезающему по мановенію волшебнаго жезла, какъ-бы тонутъ въ собственныхъ развалинахъ. Мавританскій дворецъ примыкаетъ къ стѣнѣ и маскируется дворцомъ Карла V-го, построеннымъ въ стилѣ Возрожденія; входная дверь съ полустертымъ императорскимъ девизомъ надъ нею: «non plus ultra».

По длинному, темному корридору вы попадаете изъ дворца Карла V-го во дворцы Альгамбры. Я уже останавливался на краткомъ описаніи севильскаго альказара и не желалъ бы повторять тоже самое по поводу Альгамбры, тѣмъ болѣе, что всѣ эти архитектурныя описанія не даютъ все-таки точнаго понятія ни о томъ, ни о другомъ. Поэтому скажу объ Альгамбрѣ только нѣсколько словъ. Мавританскій дворецъ, подобно Севильскому, тоже состоитъ изъ нѣсколькихъ «patio» и залъ, расположенныхъ въ планѣ безъ всякой симметріи. Дворецъ этотъ обширнѣе альказара, но сильно запущенъ и только мѣстами, гдѣ Контрерасъ реставрировалъ яркія краски арабесокъ, можно отчасти представить ту сказочную архитектурную роскошь и великолѣпіе, которыми блистали эти чертоги много лѣтъ тому назадъ, во времена султановъ. Изъ «patio» особенно обращаютъ на себя вниманіе «patio de los Arrayanes» (дворъ миртъ) или, какъ его также называютъ, «patio

de Mezouar» (дворъ женской купальни) и «patio de los Leones» (дворъ львовъ); изъ залъ наиболѣе блистательны «de los Embajadores» (пословъ) и «de dos Hermanas» (двухъ сестеръ). Дворъ львовъ носитъ такое названіе, вслѣдствіе того, что посреди его находится мраморный фонтанъ, бассейнъ котораго поддерживается двѣнадцатью мраморными львами, очень мало, впрочемъ, напоминающихъ этихъ животныхъ. Дворъ львовъ имѣетъ около двадцати саженъ длины и десяти ширины; его окружаютъ открытыя галлереи высотою сажени въ три. Полъ выстланъ бѣлымъ мраморомъ. Другіе дворы представляютъ изъ себя прелестные маленькіе сады, окруженные фантастической мавританской колоннадой. Множество бѣломраморныхъ колоннъ, тонкихъ и нѣжныхъ, полутемныя ниши, мавританскія арки, нерѣдко одна надъ другой, со свѣшивающимися украшеніями въ формѣ кружевъ, зубцовъ, сталактитовъ, вслѣдствіе чего самыя арки кажутся висящими на воздухѣ; стѣны сплошь затянуты рисунками, которымъ нѣтъ ни начала, ни конца, то въ формѣ какихъ-то дикихъ зигзаговъ, то цѣлыхъ рядовъ геометрическихъ фигуръ, то лентъ, то гирляндъ изъ причудливыхъ, не существующихъ растеній, надписи калифовъ и изрѣченія изъ корана, мозаика, фарфоръ, полустертыя краски и позолота; окна всякихъ формъ, пробитыя въ толстыхъ стѣнахъ, съ цвѣтными стеклами — вотъ общее впечатлѣніе, которое оставляетъ въ глазу архитек-

тура Альгамбры; и, въ концѣ концовъ, какъ говоритъ Мицкевичъ:

... всюду запустѣнія картина!
По стѣнамъ вѣковымъ ползущая трава
Выводитъ Валтасаровы слова:
Руина!

Но чѣмъ бы казалась Альгамбра, еслибъ ея краски и позолота вдругъ оживились, обломки поднялись на свои мѣста и въ залѣ пословъ появились бы дѣйствительно послы передъ мавританскимъ султаномъ или если бы къ тихому пруду съ мраморными берегами во дворѣ миртъ сбѣжались молодыя красавицы съ черными и голубыми глазами, съ розами въ волосахъ, съ кораллами и жемчугомъ на бѣлоснѣжныхъ шеяхъ, и стали бы, стыдно сказать, купаться, не обращая вниманія на присутствующихъ здѣсь русскихъ путешественниковъ. Ахъ, ужь эти женщины, женщины! ничего то безъ нихъ не обходится!...

Вмѣсто воображаемыхъ дѣвъ и мавровъ, въ одномъ изъ «patio» я наткнулся на господина лѣтъ пятидесяти, а то и болѣе, сидѣвшаго между миртами и сладко дремавшаго подъ усыпляющій шумъ льющейся гдѣ-то воды. Сонъ его однако былъ тревоженъ; онъ почуялъ иностранца, вскочилъ и, ласково улыбаясь, подошелъ ко мнѣ и, гордо приподнявъ широкое сомбреро, подалъ мнѣ свою фотографію. На оборотной сторонѣ было напечатано:

Retrato del principe des los gitanos
Mariano Fernandez.
Modelo de Fortuny.
2 Francos.

На этой фотографіи гитанскій князь былъ изображенъ въ томъ же живописномъ костюмѣ, въ которомъ онъ стоялъ передо мною. На немъ была надѣта испанская куртка съ темнымъ шитьемъ и растегнутыми внизу рукавами, бархатный жилетъ на распашку, открывавшій бѣлую плоеную рубашку сомнительной чистоты, короткія пантолоны съ цѣлымъ рядомъ серебряныхъ пуговокъ вдоль канта и также растегнутыя у колѣнъ и толстыя шитыя штиблеты поверхъ сапогъ съ шелковыми кистями; въ поясѣ онъ былъ сильно перетянутъ широкимъ шарфомъ гранатоваго цвѣта, а черезъ плечо было перекинуто акуратно сложенное, толстое, плетеное одѣяло съ широкой бахрамой.

Итакъ, онъ подалъ мнѣ свою карточку и на его лицѣ, заросшемъ густою бородою, въ которой бѣлѣлась сѣдина, выразилась такое нежеланіе заработывать какимъ либо инымъ образомъ деньги на пропитаніе, что я немедленно выдалъ ему двѣ песеты.

— Надѣюсь, сказалъ я, что вы, въ свою очередь будете любезны и не ограбите меня, если мнѣ придетъ въ голову посѣтить ночью Альбаисинъ?

Синьоръ Фернандецъ весело засмѣялся и, сверкнувъ маленькими, хитрыми глазками, возразилъ:

— Это будетъ стоить немного дороже...

IV.

Хенералифъ и лавры.— Красавица Хенералифа.— Ночное восхожденіе на «Tocador de la Reyna».— Заключеніе.

—

Изъ Альгамбры, черезъ «puerto de Hierro», расположенной въ сѣверовосточной части ограды, ведетъ крутая дорога вверхъ, къ Хенералифу. Этотъ небольшой дворецъ построенъ также при маврахъ, въ полуверстѣ отъ крѣпости, на высокомъ и крутомъ холмѣ. Названіе «Хенералифъ» означаетъ мѣсто отдыха и развлеченій; въ садахъ его въ прежнія времена, при султанахъ, устраивались празднества и танцы. По словамъ Контрераса, при Абдаллѣ III это мѣсто называлось «jardin del Alarife» (садъ архитекторовъ), такъ какъ тамъ помѣщались строители и мастера Альгамбры. Небольшой дворецъ, построенный въ арабскомъ стилѣ, съ колоннадой кругомъ, вѣнчающей холмъ, находится въ запустѣніи, но водопроводы, бассейны и фонтаны, устроенные искусными арабскими строителями, до сихъ поръ содержатся въ порядкѣ.

Сады Хенералифа, вотъ что составляетъ истинное, дивное украшеніе Гренады! Они расположены высокими уступами вдоль всего склона и сообщаются между собой широкими мраморными лѣстницами. Сады поражаютъ богатствомъ растительности; гигантскіе кипарисы подымаются съ нижняго уступа до самой вершины; роскошныя мирты и лавровыя розы тѣснятся вокругъ мра-

морныхъ бассейновъ и фонтановъ, осыпающихъ своей алмазною пылью ихъ темную зелень; вездѣ цвѣты, вездѣ благоуханіе и свѣжесть. Все дышетъ поэзіей и вѣчной красотою. Чѣмъ бобѣе обрушаются стѣны и чертоги Альгамбры, тѣмъ могущественнѣе и гуще становятся деревья; спадаетъ позолота и украшенія, блекнутъ краски, а деревья сіяютъ жизнью, каждый годъ ярко зеленѣютъ листья, распускаются розы и жасминъ, фонтаны бьютъ и «лепечутъ таинственную сагу» о ничтожествѣ человѣческихъ дѣлъ, о волшебной силѣ земли и величіи Творца, котораго они видятъ въ голубомъ небѣ.

Лавровыя розы здѣсь такъ хороши, что Готье влюбился во одинъ изъ лавровъ. Я не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь въ переводѣ его поэтическое признаніе. Стихотвореніе называется «Лавръ Хенералифа».

Я знаю чудный лавръ, блистающій красою,
Счастливый какъ любовь, въ свою манящій тѣнь,
Фонтанъ его живитъ холодною струею;
И въ чашечкахъ цвѣтовъ, обрызганыхъ росою,
И въ яркой зелени смѣется ясный день.

Усыпанъ розами, какъ женщина нагая,
Онъ въ мраморный бассейнъ застѣнчиво глядитъ,
И, кажется, не лавръ, а пери молодая
Съ росою въ волосахъ, одежды ожидая,
Надъ шумною водой недвижимо стоитъ.

Я этотъ лавръ любилъ любовью безнадежной;
Не разъ, по вечерамъ, у ногъ его мечталъ;
И влажный, какъ уста, цвѣтокъ душистый, нѣжный
Я жарко цѣловалъ и поцѣлуй мятежный,
Мнѣ чудилось, цвѣтокъ мнѣ тихо отдавалъ.

Я выходилъ изъ Хенералифа уже тогда, когда вечерній сумракъ затягивалъ понемногу, какъ паутина, просвѣты между деревьями.

Оглянувшись невольно на одно изъ зданій, я увидѣлъ женскую головку ослѣпительной красоты.

— Кто это такая? спросилъ я Мигуэля.

— Это Инеса, дочь смотрителя, отвѣтилъ онъ, загадочно улыбаясь.

Красавица полулежала на подоконникѣ, опираясь на локти, и ея большіе глаза были задумчиво устремлены въ садъ. Быть можетъ, она ожидала своего «novio»? (жениха).

Я приподнялъ свое сомбреро, поклонился и сказалъ: «buenas noches, señorita»!

Ея глаза не то удивленно, не то насмѣшливо на мгновеніе повернулись въ мою сторону и опять задумались. Я повторилъ привѣтствіе и прибавилъ ни съ того ни съ сего, что «tiempo està muy hermoso...» (погода очень хороша).

Она тогда поняла, что я обращаюсь къ ней. На губахъ мелькнула улыбка, глаза плутовски прищурились, головка кивнула.

— Gracias, caballero! Como la pasa, V.? отвѣтила она голосомъ нѣжнымъ, какъ у ребенка.

Чертъ возьми! Въ отчаяніи я сталъ перебирать въ своей памяти всѣ извѣстныя мнѣ испанскія слова, чтобы сказать ей что нибудь подлиннѣе, чѣмъ «buenas noches», но, какъ нарочно, на языкъ лезли только слова, весьма пригодныя на желѣзной дорогѣ, въ ресторанѣ, но никакъ

не въ разговорѣ съ красавицей Инесой. Припоминая одну чувствительную фразу, чтобы не молчать и выиграть время, я спросилъ у нее который часъ.

— Sabe, señorita, qué hora es?

— No lo sé...

— Восьмой часъ, синьоръ, отвѣтилъ за нее Мигуэль и зѣвнулъ, — намъ пора уже въ гостинницу...

— Нѣтъ, постойте еще... Oh sobre las bellas bella! fior de la fermosura! (красавица изъ красавицъ! цвѣтъ красоты!) Sus hermosos ojos me hasen en morir de amor! (Я умру отъ любви къ вашимъ прекраснымъ глазамъ).

Мигуэль захохоталъ. Конечно, я очень скоро собрался умереть отъ любви. Инеса сдѣлала сначала большіе глаза, потомъ опять кивнула головой и сказала:

— Mucho gracias, señor!..

— Ну, довольно вамъ шалить, кабальеро, съ дѣвочкой... Ей еще достанется отъ матери...

— Нѣтъ, постойте... Me alegro de... (Я въ восхищеніи отъ...).

Но ничего не могъ больше сказать и придумать и только смотрѣлъ и любовался ею, глупо улыбаясь, и хотя мнѣ вовсѣ не было скучно, но въ эту минуту что-то, признаюсь, скребло у меня внутри... Дивное, смѣющееся личико Инесы исчезло; она отошла отъ окна. Все кончено! Мы тихо пошли домой.

Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько десятковъ шаговъ, какъ дѣтскій голосъ окликнулъ насъ сзади.

— Señor estrangero!.. he ahi... (вотъ...) Передо мной стояла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати; она мнѣ подала розу, засмѣялась и убѣжала, прежде чѣмъ я успѣлъ схватить ее за руку.

— Это вѣдь и была Инеса... сказалъ Мигуэль, тоже смѣясь.

Съ одной изъ башенъ Альгамбры открывается удивительный видъ. Я взобрался на нее поздно вечеромъ въ сопровожденіи стараго сторожа, который освѣщалъ мнѣ путь фонаремъ. Сонныя деревья, слабо освѣщенные, бросали блѣдно-зеленую тѣнь на воду и на бѣлый мраморъ плитъ. Дворецъ принялъ волшебный видъ. Уже не видно было тѣхъ слѣдовъ, которые наложило безжалостное время на арабески, фризы и колонны. Подобно старой красавицѣ, старые царскіе чертоги ночью пріободрились и будто ожили; тамъ блестнула позолота, то тамъ, то сямъ синѣли и алѣли на мигъ полоски эмали и исчезали во тьмѣ... Дивныя, воздушныя, въ два этажа галлереи смотрѣли величественно и какъ бы говорили: «любуйся нами!» «Patio» казалась обширною залою, на потолкѣ которой искусный художникъ нарисовалъ небо, хотя потолка не было и это было настоящее небо, голубое, какъ самая чистая бирюза. И прямо надъ головой висѣла яркая луна и какъ

серебряныя цвѣты, разсыпались по небу звѣзды. Было тихо и ничто не заглушало мелодическаго шума фонтановъ.

Я сталъ подниматься по витой лѣстницѣ. Летучія мыши, перепуганныя огнемъ и шумомъ, тихо вылетали изъ глубокихъ оконныхъ нишъ. Мы вышли на плоскую крышу, окруженную высокимъ парапетомъ. Отсюда открывалась совершенно фантастическая картина... Далеко внизу, точно въ пропасти, стремится гремучій и прозрачный Дарро — горный потокъ, наполняющій воздухъ таинственнымъ, усыпляющимъ шумомъ воды. Здѣсь потокъ только слышно; онъ весь заросъ кустарникомъ и цвѣтами. Далѣе онъ бѣжитъ черезъ городъ, прорываясь подъ широкими мостами, и впадаетъ въ поэтическій Хениль. Изъ глубины оврага поднимаются невѣроятной вышины тѣнистые платаны, высятся кипарисы, лавры, акаціи, мирты, померанцы... Зубчатыя стѣны и зданія Альгамбры наполовину исчезаютъ въ зелени деревъ, принимающихъ странный цвѣтъ отъ ослѣпительнаго свѣта луны.

Внизу, на сѣверѣ, спитъ вся Гренада; бѣлѣющіе дома, темныя, узкія улицы и ночныя огоньки въ окнахъ; на самомъ высокомъ мѣстѣ, на полугорѣ, на окраинѣ Альбаисина, исчезаетъ въ садахъ разбойничье царство гитанъ; все это обрамляется волнистыми отрогами сіерры Невады, на которыхъ мѣстами снѣгъ уже легъ большими бѣлыми пятнами...

...Мнѣ скоро пришлось покинуть Испанію. Я торопился вернуться въ Парижъ и, къ сожалѣнію, не могъ посѣтить Валенсію, Картагену, Аликанте — эти древнія римскія колоніи и вообще восточное побережье Испаніи, представляющее, по словамъ очевидцевъ, нѣчто прелестное, несмотря на испанскую грязь и безпорядочность, и не уступающее въ красотѣ тѣмъ мѣстамъ, легкій очеркъ которыхъ я сдѣлалъ выше.

Съ моимъ пріятелемъ А* я еще разстался въ Гренадѣ.

Онъ хотѣлъ проѣхать моремъ въ Италію и такъ какъ въ Гренадѣ и въ Малагѣ русскія деньги мѣняли по очень низкой цѣнѣ, то онъ и завернулъ сначала въ Танхеръ или Танжеръ, извѣстный марокскій портъ. Оттуда онъ мнѣ писалъ, что выдержалъ морскую качку благополучно, что Танхеръ скверный и грязный городъ и что размѣнъ денегъ оказался еще неудачнѣе, чѣмъ въ Малагѣ.

Опять потянулись мимо меня желтыя поля, покрытыя, какъ пятнами, рощами оливъ, обнаженныя горы, бѣлѣлись испанскіе городки, селенія и вѣтряныя мельницы; но я уже смотрѣлъ на нихъ разсѣянно и безъ того, можно сказать, дѣтскаго любопытства, съ которымъ слѣдилъ за каждымъ деревомъ, за каждымъ домомъ и человѣкомъ, когда проѣзжалъ тѣ же мѣста въ другомъ направленіи, съ сѣвера на югъ. Это чувство вынужденнаго охлажденія понятно. Тоже испытываешь послѣ сытнаго обѣда, когда гдѣ нибудь

вновь увидишь накрытый столъ уставленный хотя бы такими блюдами, какихъ не ѣлъ даже самъ китайскій императоръ. Въ самой душѣ появляется искусственное охлажденіе, вы дѣлаетесь какъ будто безучастнымъ, хотя вы убѣждены, что скоро опять почувствуете аппетитъ или, вѣрнѣе, опять не прочь постранствовать въ краѣ, гдѣ небо чисто, гдѣ ночь такъ тиха

И лавромъ и лимономъ пахнетъ,

И гдѣ... ну, да вы понимаете, кого я еще хотѣлъ назвать: испанскія красавицы у меня не сходятъ съ языка или, вѣрнѣе, со страницы; но я впрочемъ въ этомъ не раскаиваюсь...

Ноябрь 1882 г.

III.

ВЪ ПАРИЖѢ.

(отрывки изъ писемъ).

«FEODORA» — САРДУ.

I.

Толкотня у кассы. — Несчастіе съ хорошенькой незнакомкой.

...Какъ я уже вамъ писалъ, «Feodora» Сарду имѣла блистательный успѣхъ.

Всѣ газеты расхвалили пьесу, Сару Бернаръ и молодого Бертона. Около кассы театра «Водевиль», на углу Итальянскаго бульвара и улицы Мейербера, постоянно толпилась публика, образуя длинный хвостъ. Надо было удивляться терпѣнію нетерпѣливыхъ французовъ, по нѣскольку часовъ выстаивающихъ на одномъ мѣстѣ и подвигающихся со скоростью пяти шаговъ въ часъ. Надо прибавить, что зима и осень истекающаго года почти сплошь была дождливая, что не мѣшало, однако, хорошенькимъ парижан-

камъ, прикрываясь дождевымъ зонтикомъ, мочить свои маленькія ножки въ грязи, разлитой жидкимъ слоемъ по асфальтовому тротуару.

Разъ въ этой толпѣ, ожидающей съ волнующимся сердцемъ своей очереди стать лицомъ къ лицу съ кассиромъ, я замѣтилъ такую хорошенькую блондинку, что просто прелесть. Довольно высокая, стройная и одѣта съ шикомъ. Что за талія, что за ножка!

Всякій разъ, когда ей приходилось дѣлать четверть шага впередъ, она улыбалась и показывала ровные зубки, сверкающіе бѣлизной, а въ карихъ глазахъ отражалась доброта. Однако ее снѣдало нетерпѣніе; казалось, она прислушивалась къ тому, что дѣлается у окна кассы, которой собственно она не видѣла, потому что касса была внутри, а она стояла снаружи. Но ея нетерпѣніе ей подсказывало, что происходитъ внутри...

Вотъ, мнѣ кажется, что происходило въ ея воображеніи.

— Дайте мнѣ кресло въ оркестрѣ.

— Извольте...

— Сколько?

— Двадцать франковъ.

— Вотъ... и получившій быстро, быстро уходитъ.

— Ложу втораго яруса.

— Вотъ.

— Сколько...

— Столько-то. Деньги звенятъ, денегъ у

всѣхъ приготовлено столько, сколько надо, чтобы не задерживать «ее» размѣномъ и всѣ быстро уходятъ. И все это происходило въ ея воображеніи съ утроенною скоростью...

— И удивительно, думалъ я, что такая хорошенькая и одна, безъ кавалера. И что за скотина, думалъ я, что за скотина допустилъ ее бѣгать за билетами?

Съ этими мыслями я прошелъ мимо, съ грустью оглядываясь на ея зонтикъ и шляпку, и загадывая, обернется или не обернется... Не обернулась... Погулявши по бульварамъ и позавтракавъ въ «café Veront», возвращаюсь опять мимо «Водевиля».

Все тотъ же хвостъ, точно у гидры. Въ самомъ концѣ стоитъ какая-то южанка съ густыми бровями, съ черными подрисованными глазами и блѣднымъ цвѣтомъ лица (и брюнетки тоже не дурны) и офицеръ въ красномъ кепи и короткомъ плащѣ. Блондинка съ золотистыми волосами уже на второй ступенькѣ; еще четыре четверти шага и она будетъ между дверями... Какой восторгъ!.. Хотя она и устала, но лице приняло оттѣнокъ невыразимаго добродушія... Положительно у этой женщины золотое сердце... Она даже мнѣ ласково улыбнулась, когда я остановился и началъ на нее смотрѣть. Такъ какъ до кассы уже не далеко, то пора приготовить и деньги; она по опыту знаетъ, какъ непріятно дожидаться тѣхъ лицъ, которые около кассы придумываютъ, какой имъ взять билетъ,

забываютъ родной языкъ, копаются въ кошелькѣ и вынимаютъ стофранковый билетъ, чтобы заплатить десять. Но вдругъ выраженіе ея лица дѣлается свирѣпымъ... Она судорожно шаритъ по карманамъ и то блѣднѣетъ, то краснѣетъ. Поспѣшно вынимаетъ носовой платокъ, маленькій флаконъ съ духами, маленькую коробочку съ пудрой, которая падаетъ и разсыпается въ грязи. Потомъ на сцену является кожанный портъ-картъ, ключи, сломанный браслетъ, завернутый въ бумажку и все прочее кромѣ *кошелька*...

Тогда она начинаетъ разворачивать комокъ смятыхъ бумажекъ, неизвѣстно зачѣмъ засунутыхъ въ карманъ. Одна изъ нихъ падаетъ и плаваетъ въ маленькой лужицѣ, образовавшейся на асфальтѣ.

Это печатный бланкъ, на которомъ написано:

Matier,
Marchand de charbons de bois et de terre en gros et en detail.
Bûches économiques, briquettes, charbon de Paris, margotins, pommes de pin, coke, boules de résine ets. Машаллахъ! сколько растопки! Но это вѣдь не деньги...

— Mon Dieu, говоритъ она растеряннымъ голосомъ.—J'ai oublié mon porte-monnaie...

Какой-то господинъ, который стоитъ за ней, закусываетъ губы, а старая набѣленная дама, очень некрасивая, пискливо смѣется: хи, хи.

— Хи, хи... можно ли смѣяться надъ несчастіемъ?

Двое нахаловъ въ pince-nez, никогда вѣроятно не бывавшіе въ порядочномъ обществѣ, съ улыбкою начали разсматривать ее въ упоръ, причемъ одинъ сказалъ: elle n'est pas mal, la petite... а другой прибавилъ: et il-y-a du moude aux balcon...

Мнѣ ужасно хотѣлось предложить въ ея распоряженіе мой кошелекъ, но боялся, что она обидится... Пока я думалъ, она вышла изъ своего мѣста, которое если не отстаивала, то на немъ стояла столько времени... Вышла и съ чрезвычайно разстроеннымъ лицомъ быстро пошла по направленію къ «place de l'Opèra». Пока я думалъ, она уже успѣла скрыться изъ виду.

Мы, русскіе, всегда думаемъ, когда надо дѣйствовать и дѣйствуемъ, когда надо думать. Вотъ вамъ и нравоученіе: не зѣвай, а лови фортуну за волосы...

II.

Мы въ театрѣ.—Сара-Бернаръ.—Опять прекрасная незнакомка.

—

Возвращусь однако къ «Феодорѣ».—Я прочиталъ ея содержаніе въ одной изъ парижскихъ газетъ, кажется въ «Gaulois», но, несмотря на похвалы, долго не могъ собраться на эту пьесу. Тутъ были три причины: во-первыхъ, зналъ содержаніе, а когда его знаешь, интересъ на половину пропадаетъ, такъ какъ Сарду не Мольеръ;

во-вторыхъ, изъ того же опять-таки содержанія видно, что m-eur Сарду, «создавая» пьесу, вовсе не заботился о томъ, чтобы дѣйствующія лица походили на русскихъ; наконецъ, цѣны на мѣста были очень высоки. Между тѣмъ я не могъ не пойдти. Чтобы я тогда сталъ дѣлать по возвращеніи въ Петербургъ? Видѣли вы «Феодору»? спросите вы первый; а то еще такъ: «вы *конечно* видѣли «Феодору»?.. И вдругъ я вамъ отвѣчу: «нѣтъ»...

— Какъ!! скажете вы, да вѣдь «Feodora» это— *всѣ женщины*, взятыя вмѣстѣ; такъ поняла ее Сара Бернаръ и мы такъ должны понимать. Вѣдь Богъ только создалъ первую женщину, а вторую, во всякомъ случаѣ, создалъ Сарду»...

— Нѣтъ, не видѣлъ...

— Несчастный!!... А костюмы Сары? а Вортъ? а Моренъ? Эхъ вы!...

Вы теперь видите, что я *долженъ* былъ пойдти и увидѣть.

Я рѣшился одолѣть Ѳедору въ сочельникъ, когда парижане встрѣчаютъ Рождество, и за часъ до представленія отправился вмѣстѣ съ однимъ пріятелемъ на бульвары. Противъ моего ожиданія, публика по прежнему толпилась около дверей кассы, но у барышниковъ было еще много билетовъ. Эти барышники таскали насъ по окрестнымъ кафе, показывали планъ театра, и всячески старались всучить мѣста противъ люстры или вообще такія, изъ которыхъ ничего

не видно. Наконецъ, мы купили два кресла въ оркестрѣ по восемнадцати франковъ.

— Это только ради праздника, сказалъ мнѣ барышникъ; патронъ торопится домой и приказалъ продавать скорѣе.

И дѣйствительно, «патронъ» въ новомъ цилиндрѣ, въ короткомъ пальто, обшитомъ кошачьимъ мѣхомъ, въ перчаткахъ и съ зонтикомъ имѣлъ видъ человѣка, который торопится сдѣлать одолженіе.

Мы вошли въ театръ за нѣсколько минутъ до начала, чтобы не пропустить ни одного слова и ни одного мановенія Сары Бернаръ, зная, во-первыхъ, удивительную игру этой артистки, а также и то значеніе, которое она придавала Федорѣ.

Театръ былъ уже полонъ. Мѣсто для оркестра также заставлено стульями.

Наши кресла пришлись какъ разъ по срединѣ, подъ люстрой, и такъ какъ времени было довольно, то мой товарищъ спросилъ, посматривая вверхъ:

— Какъ вы думаете: если люстра, чего Боже упаси, упадетъ, то задѣнетъ ли она *насъ?*

— Я полагаю, отвѣчалъ я, что если она упадетъ, то по вашей головѣ придется вотъ эта вѣтвь, которая вѣситъ, впрочемъ, не болѣе пуда...

— Да вы не показывайте пальцемъ; это неприлично...

Вскорѣ мы оба впали въ дурное настроеніе

духа; въ театрѣ была тропическая жара и духота, такъ какъ новая владѣлица театра не позаботилась объ его вентиляціи. «La grande tragédienne» заставила насъ ждать около получаса лишнихъ, что вызвало сначала тихій ропотъ, потомъ топотъ и стукъ тростей и зонтиковъ о полъ. Клакеровъ Сара Бернаръ не держитъ, ибо она желаетъ знать истинное мнѣніе публики. «Я сама беру деньги за представленія, а не плачу», сказала она одному очень извѣстному журналисту, имя котораго я не могу припомнить; такъ много въ Парижѣ извѣстностей.

Наконецъ поднялась занавѣсъ и дамы стали приготовлять носовые платки для слезъ. Въ этой пьесѣ, надо сказать правду, дамы такъ плачутъ, что опасаться нечего пожара.

Я не буду описывать вамъ послѣдовательно ходъ драмы. Вы уже знаете содержаніе. Скажу только, что меня не много поразили имена русскихъ, дѣйствующихъ въ пьесѣ.

Напримѣръ, предводитель сыщиковъ — называется Гречемъ. Это, впрочемъ, недурно. По инстинкту, Сарду далъ ему иностранную фамилію. Но неужели Сарду читалъ «Черную женщину» Греча? Потомъ Лорисъ Ипановъ. Ипановъ — какъ будто бы и ничего, но Лориса онъ заимствовалъ у Кавказа и это не имя, а названіе мѣстности. Наконецъ — Ѳедора. Можно ли давать героинѣ такое имя? Уже одно оно въ добрыя дворянскія времена было бы предлогомъ къ разводу.

Я не ошибусь, если скажу вамъ, что Сара

Бернаръ, кажется, не похудѣла съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами ее видѣли въ Петербургѣ.

Славное было времячко! Помните, какъ мы ею восхищались! Какъ мы закладывали,—вы ваше столовое серебро, а я свою енотовую шубу, купленную по случаю, чтобы проводить знаменитую до Варшавы. Какъ мы тогда ею восхищались! Странное дѣло! Вѣроятно Парижъ располагаетъ къ легкомыслію, но я не чувствовалъ уже того восторга и того влеченія къ этимъ живымъ костямъ, какъ прежде. Думаю, что крайне фальшивый тонъ пьесы былъ много тому причиною. Хотя и говорятъ, что фантастическіе костюмы Сары удивительны, но я этого не нахожу, ибо ихъ надо смотрѣть на женщинѣ съ формами, а Сара Бернаръ существо безформенное. Во второмъ актѣ на ней надѣто бѣлое бальное платье, отдѣланное цѣлымъ пудомъ кружевъ, съ гирляндой красныхъ цвѣтовъ черезъ плечо и до низу; гирлянда такая же толстая, какъ сама Сара, такъ что является вопросъ, кто кого украшаетъ: гирлянда ли Сару или Сара—гирлянду. «Sortie de bal» желтаго атласа придаетъ ей видъ библейскій, а то смахиваетъ и на чапракъ.

Вся пьеса построена на сильныхъ моментахъ, въ которыхъ нервная игра Сары сообщается зрителямъ. Она надѣваетъ и рветъ на себѣ платья съ такими жестами, какъ будто ей въ томъ препятствуютъ невидимыя магнетическія силы. Ея голосъ то нервно нѣжный, то болѣзненно рѣзкій постоянно держитъ нервы въ напряженіи.

Первый актъ происходитъ въ Петербургѣ. Жениха Ѳедоры приносятъ смертельно раненаго. Онъ умираетъ. Сара теребитъ (въ сущности застилаетъ постель) трупъ, издавая жалобно истерическіе возгласы. Дамы плачутъ... Слезы текутъ. Но въ то же время Гречъ, который стоитъ рядомъ съ ней, вызываетъ смѣхъ своими забавными усами, подвороченными до ушей или, что тоже самое, узкими баками, сходящимися подъ носомъ; еще смѣшнѣе кучеръ, отморозившій себѣ на улицѣ бороду, въ такомъ свободномъ кафтанѣ, что въ него можно посадить двухъ кучеровъ и дѣлающій при этомъ французскій реверансъ. Наконецъ окно, открытое зимою, невольно наводитъ на мысль, что имъ всѣмъ холодно. Догадайся они закрыть окно, охлаждающихъ впечатлѣній, можетъ быть, не было бы.

Къ концу перваго акта, когда мы окончательно изныли отъ жары, два пустыхъ мѣста около меня заняли дама и какой-то господинъ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что это та самая блондинка съ золотыми волосами, которая утромъ забыла свой кошелекъ около кассы. На ней было темно-сѣрое шелковое платье, отдѣланное на груди черными кружевами и бархатомъ гранатоваго цвѣта. Ея губы, кажется, были слегка подрумянены, щечки, кажется, слегка напудрены, глаза, если только не ошибаюсь, чуть-чуть подрисованы. Шляпка была на головѣ удивительная, вродѣ открытаго пирожка съ цвѣтами, изъ кото-

раго вмѣсто начинки падали отдѣльные локончики и капризные завитки «à la espagnol».

Понятно, что конецъ акта я хотя и слушалъ, но сердцемъ въ немъ уже не участвовалъ.

Бѣлый геліотропъ, которымъ была надушена сосѣдка, однако, коснулся и чуткаго носа моего пріятеля и онъ повернулся въ ту сторону, откуда пахло. Но я ловко въ этихъ случаяхъ ворочался и нагибался въ креслѣ, заслоняя мою сосѣдку.

Въ антрактѣ мы вскочили, чтобы освѣжиться въ корридорѣ. Сосѣдка осталась сидѣть съ своимъ негодяемъ, который ее заставлялъ бѣгать за билетами и намъ пришлось пробираться мимо ея, задѣвая ее колѣнями о колѣна. Мой пріятель, увидавъ то, что я старался маскировать, остался очень доволенъ и, прогуливаясь со мною по корридору, сказалъ:

— Послушайте, не сядете ли вы на мое мѣсто, а я на ваше?

— Не хочется...

— Вѣдь вы были корреспондентомъ въ прошлую войну, видѣли гранаты, а я боюсь, что упадетъ люстра.

— Знаю, знаю! Нѣтъ, не желаю...

Впрочемъ, я согласился и онъ весь второй актъ выворачивалъ глаза на лѣво, смотрѣлъ, что называется, черезъ виски. Поэтому напрасно вы стали бы его спрашивать о томъ, что происходило далѣе на сценѣ. Я вамъ разскажу.

Какъ извѣстно, Ѳедора встрѣчается съ Ипа-

новымъ (убійцей ея жениха) въ салонѣ у одной русской аристократки (дѣйствіе происходитъ уже въ Парижѣ), продолжаетъ его влюблять въ себя и вырываетъ у него роковое признаніе въ убійствѣ. «Подробности потомъ»... говоритъ онъ.

— Нѣтъ! Сегодня! Въ эту же ночь! У меня! Ты мнѣ все разскажешь.

Въ третьемъ актѣ будуаръ Өедоры съ дверью въ садъ.

Является Гречъ и получаетъ приказаніе арестовать Ипанова въ саду, когда онъ будетъ выходить, связать, отвести на готовый пароходъ на Сенѣ, отправить въ Гавръ, гдѣ уже ждетъ русскій корветъ. Затѣмъ Сара нервно расправляетъ свой пенюаръ и онъ входитъ. Изъ разсказа Ипанова, какъ намъ извѣстно, оказывается, что ея злополучный женихъ убитъ Ипановымъ изъ ревности, а вовсе не по приказанію тайныхъ революціонеровъ.

Слушая разсказъ, какъ онъ засталъ ихъ вдвоемъ съ своей женой, какъ они цѣловались, какъ онъ началъ стрѣлять изъ пистолета — Сара Бернаръ рычитъ и бѣшенно вскрикиваетъ, какъ бы тоже стрѣляя изъ пистолета. Такъ она поняла русскую женщину: это самъ огонь, сама страсть и дикій звѣрь въ ледяной оболочкѣ; une tigresse frappée, à la Russe. Не доставало только треска лопающагося льда. Не знаю, таковъ ли характеръ нашихъ женщинъ? У насъ ихъ такъ много и Россія такъ обширна, что нужно непремѣнно указать мѣсто или городъ, гдѣ обитаютъ русскія Өедоры.

Вся эта сцена мнѣ казалась смѣшной, а мой спутникъ глядѣлъ на нее разсѣянно, погруженный въ геліотропное облако. Затѣмъ Ипановъ разсказываетъ, что какая-то подлая женщина опутала его доносами, что, благодаря ей, онъ приговоренъ заочно къ смертной казни, братъ сосланъ въ каторгу, а матушка скончалась отъ горя. Дамы окончательно расплакались и вся публика приняла большое участіе въ судьбѣ бѣднаго Ипанова. Одни мы коварно улыбались. Конецъ всей этой исторіи вы знаете: Ѳедора, видя свою ошибку, и боясь, чтобы его не арестовали при выходѣ, оставляетъ его у себя ночевать. Въ послѣднемъ актѣ Ипановъ узнаетъ, что Ѳедора причина всѣхъ его несчастій, приходитъ въ бѣшенство, а она отравляется и умираетъ. Хотя Бертонъ (Ипановъ) плачетъ весьма трогательно и много обѣщаетъ въ послѣднемъ актѣ, но мы не остались на четвертое дѣйствіе. Такимъ образомъ, мы не видѣли дѣйствія яда на русскую женщину, хотя посмотрѣть слѣдовало; Сара Бернаръ, кажется, у самой смерти брала уроки умирать и въ каждой пьесѣ умираетъ особымъ образомъ и на всѣхъ сортахъ мебели; остается только умереть верхомъ на лошади или потонуть на глазахъ у зрителей.

III.

Кафе-шантаны.—Клара Гамбетта.

Выйдя изъ театра, мы отправились въ «Palace-Theatre» или «Sketing», родъ кафе-шантана, только болѣе обширнаго, чѣмъ «Folie bergères» и похожаго на рядъ соединенныхъ между собою сараевъ.

Несмотря на позднее время, окна магазиновъ заливали свѣтомъ бульвары. Свѣтъ лился отовсюду: даже вывѣски редакцій были иллюминованы. Въ маленькихъ лавочкахъ, выстроенныхъ по случаю рождественской ярмарки, раздавался пискъ и визгъ дешевыхъ инструментовъ, стуки, хлопанія и хриплые голоса продавцевъ, тысячу разъ повторяющихъ одно и то же. Тутъ продавались разныя вещи по дешевой цѣнѣ: складные, раздвижные и обыкновенные подсвѣчники, портмоне и портсигары, галстухи, куклы, игрушки, дешевыя лотереи съ игрою на призъ, химическое мыло, которымъ, по увѣренію изобрѣтателя, можно отмыть даже естественную краску съ лица, металлическіе кошельки, посуда, сакъ-вояжи и чемоданы.

Оба упомянутые кафе-шантана уже не могутъ представить для русскаго путешественника чего либо новаго и интереснаго. Въ Петербургѣ давно заведены такіе же балаганы и даже, благодаря Егареву, былъ свой «Folie bergères». Мы

приглядѣлись къ своему и видимъ, что парижская дрянь отличается отъ петербургской дряни только размѣрами. Тотъ же зимній садъ, отъ котораго пахнетъ сырой известью и таже отрава въ буфетахъ. Публика самая разнообразная, въ особенности въ «Folie bergères»: подозрительные франты, почтенные господа съ «рембрандовскимъ освѣщеніемъ», пьяницы, солдаты въ красныхъ штанахъ, провинціальные буржуа съ чадами и домочадцами и масса кокотокъ третьяго разбора съ промазанными до костей лицами и хищными глазами; къ этому еще надо прибавить иностранцовъ всѣхъ національностей до негровъ включительно. Въ галереяхъ толкотня, духота и шумъ; трудно разобрать, что говорится на сценѣ, хотя въ этомъ никто и не видитъ нужды. На сценѣ даютъ плохой балетъ, укрощаютъ дикихъ звѣрей, являются въ откровенныхъ костюмахъ безголосыя пѣвицы, какой-то господинъ мѣняетъ на сценѣ десять костюмовъ, артистъ негръ представляетъ на барабанѣ шумъ, производимый движущимся поѣздомъ и такъ далѣе.

Въ верхней галереѣ устроено около десятка маленькихъ буфетовъ съ фруктами и крѣпкими напитками. Тутъ же разныя игры, стрѣльба въ тиръ и разряженныя дѣвицы ходятъ съ лотереями и, чуть не садясь къ вамъ на колѣни, просятъ взять у нихъ на счастье нѣсколько билетовъ. Такимъ же путемъ размалеванныя буфетчицы стараются выманить деньги у посѣти-

телей. Если вы придете сюда одинъ, да еще будете имѣть видъ удивленный или, что еще хуже, сконфуженный, то бѣда! Васъ затормошатъ и выскребутъ у васъ изъ кармана столько, сколько можно.

Положимъ вы пришли одни, сѣли не далеко отъ буфета, за которымъ стоитъ дама съ золотистыми волосами и съ пикантными чертами лица, сѣли и спросили себѣ что нибудь. Она занята торговлей, слѣдитъ за гарсонами, чтобы ее не надули, слѣдитъ за публикой, болтаетъ съ сосѣдкой, перебрасывается шутками съ подгулявшей компаніей мужчинъ, которые сидятъ рядомъ за столомъ, считаетъ пустыя бутылки и деньги и еще успѣваетъ секретничать съ какимъ-то господиномъ, вѣроятно любовникомъ. Вы разсѣянно смотрите на нее, и взоры ваши встрѣчаются. Немедленно же она дѣлаетъ вамъ глазки и ласково улыбается, какъ старому знакомому. Вы польщены такимъ вниманіемъ и улыбаетесь тоже... Роковая улыбка! Вы дорого за нее заплатите...

— M-eur, m-eur! говоритъ она: — что вы тамъ сидите одинъ, какъ медвѣдь! Подите-ка сюда, подите! мнѣ надо вамъ что-то сказать...

Положимъ, вы подошли.

— А гдѣ ваша дама? У васъ нѣтъ дамы? Pauvre garçon!.. Un jeune homme tel que vous (вы подбадриваетесь), ne doit rester sans femme... Садитесь здѣсь, садитесь!.. Чего вы хотите выпить?

Какая предупредительность! Какое радушіе!

Вы подсаживаетесь и говорите, что любите тоже, что и она. Она, конечно, любитъ шампанское, потому что шампанское стоитъ восемь франковъ, а вамъ будетъ стоить двадцать.

Въ одинъ мигъ вино уже на столѣ — теплое и скверное.

Она занимается вами до тѣхъ поръ, пока не замѣтитъ, что вы немного оживились и находитесь въ томъ состояніи, когда человѣкъ самъ себя развлекаетъ; тогда она начинаетъ отрываться отъ разговора, слушаетъ разсѣянно, глаза ее ищутъ новыхъ глазъ, она подсаживается на минутку, а то и болѣе, къ другимъ; вѣдь вы уже внесли нѣсколько золотыхъ въ ея кассу; вы не скучаете, потому что около васъ уже сидитъ, неизвѣстно откуда появившаяся, дѣвица съ лотерейными билетами и съ голыми плечами. Она жадно, на скорую руку, глотаетъ ваше вино, выпрашиваетъ у васъ подачку и если вы не кажетесь ей особенно «серьезны», бѣжитъ искать другаго такого же, какъ и вы, добряка.

— Что же вы меня бросили, чортъ возьми? добродушно говорите вы буфетчицѣ.

— Не могу, mon chérie, это мои старые знакомые... Приходите ко мнѣ завтра въ четыре часа... Я живу въ улицѣ «d'Hautville», № 30... Придете?..

Въ это время къ вамъ подходитъ цвѣточница въ короткой юбкѣ и ажурныхъ чулкахъ и заставляетъ васъ купить у нее два букетика, одинъ для васъ, а другой для вашей дамы.

— Какой дамы?!

Поворачиваете голову и замѣчаете, что вы опять не одни; къ вамъ уже подсѣла новая фея и съ аппетитомъ допиваетъ ваше шампанское.

... Кромѣ такихъ сценъ, въ кафе-шантанѣ вы можете наткнуться еще на скандалъ и этимъ всѣ развлеченія исчерпываются.

«Sketing» замѣчателенъ болѣе всего тѣмъ, что здѣсь поетъ шансонетки Клара Гамбетта, кузина знаменитаго Леона Гамбетты.

По разсказамъ Рошфора, она пѣла сначала въ Марсели и во время проѣзда Гамбетты просила у него денегъ. Гамбетта послалъ ей тридцать франковъ и сказалъ, что больше «не будетъ». Тогда она явилась въ Парижъ и рѣшилась здѣсь эксплоатировать свое знаменитое имя. Она показывала Рошфору документы, подтверждающіе ея родство съ знаменитымъ главой опортунистовъ, причемъ Рошфоръ сказалъ: «ну да; всѣ они разбойники»...

Цѣны за входъ, по случаю появленія Клары на подмосткахъ театра, были возвышены. Я рѣшительно не могу сказать вамъ, какой у нея голосъ, потому что публика все время орала, свистала и топала; а нѣкоторые подъ музыку подпѣвали: «Гамбетта! Гамбетта!» Были ли то сторонники Гамбетты, старавшіеся крикомъ и шумомъ помѣшать Кларѣ исполнять ея шансонетку или, напротивъ, ожесточенные враги, желавшіе произвести скандалъ? Я обратился за объясне-

ніемъ къ одному господину, который неистово свисталъ, сложивъ извѣстнымъ образомъ кулаки, но онъ только повернулъ ко мнѣ возбужденное лице, улыбнулся и сталъ свистать еще громче.

Странный народъ! Какое удивительное смѣшеніе чуткости и такта съ полной безтактностью и легкомысліемъ, чего у насъ русскихъ не замѣчается, хотя мы съ вами и закладывали, ради проводовъ Сары Бернаръ, столовое серебро и шубу. Вотъ, какъ мы были благодарны даже проѣзжей иностранкѣ за удовольствіе, доставленное ею. А французы? — глумятся надъ именемъ того, кто не такъ еще давно былъ ихъ кумиромъ! Со стороны это кажется какъ будто бы и неблагодарно. Въ Россіи трудно добиться популярности, но и не такъ легко ее потерять.

РУССКІЕ ВЪ ПАРИЖѢ.

I.

Иностранцы въ Парижѣ.— Бѣдные соотечественники. —Французы о русскихъ.

—

Въ Парижѣ можно встрѣтить людей всѣхъ національностей, и не только европейцевъ, но и африканцевъ и американцевъ всѣхъ типовъ и цвѣтовъ. Путешественниковъ можно узнать, отчасти по костюму, а главнымъ образомъ по тому особому выраженію лица и глазъ, бѣгающихъ по доскамъ, на которыхъ написаны названія улицъ, по верхнимъ этажамъ домовъ и по блестящимъ витринамъ магазиновъ. Такъ наши любознательные провинціалы, въ особенности въ прежнія времена, собравшись наконецъ въ Москву или въ Петербургъ, теряются отъ избытка чувствъ на Невскомъ проспектѣ передъ магазиномъ гуттаперчевыхъ издѣлій или останавливаются въ нѣмомъ созерцаніи Исаакіевскаго собора, Василія Блаженнаго или памятника Петра, что противъ Михайловскаго замка и, принимая послѣдній за

знаменитаго всадника Фальконета, говорятъ про себя: «какъ ростетъ Петербургъ! Пушкинъ еще писалъ, что Петръ «на берегу пустынныхъ волнъ» стоитъ, а теперь вонъ онъ куда ускакалъ отъ берега...

Англичане, не смотря на то, что туманный, скучный и лишенный бульваровъ Лондонъ не имѣетъ того нарядпаго и торжествующаго вида, какъ Парижъ, англичане, по своей національной гордости, не теряютъ присутствія духа заграницей и даже въ Парижѣ сохраняютъ свое безстрастное выраженіе, напоминающее хорошо застывшій студень, хотя любопытство ихъ и не подвержено сомнѣнію. Они себя считаютъ первымъ народомъ въ мірѣ и отвратительно говорятъ по-французски, зная, что куда бы они ни пріѣхали, вездѣ для нихъ готовъ спеціальный отель, въ которомъ говорятъ по-англійски и въ которомъ можно получить хорошій хересъ и гида.

Хотя мало кто болѣе англичанъ уважаетъ личную свободу, но англійская манера путешествовать какъ бы противорѣчитъ этому. Очертя голову, они отдаются въ рабство компаніи «Томаса Кука съ сыновьями», называющаго себя громкимъ именемъ создателя системы международныхъ путешествій и экскурсій, и этотъ создатель снабжаетъ ихъ за извѣстную сумму всѣмъ: и билетами по желѣзнымъ дорогамъ, и билетами на все то, въ чемъ можетъ на пути встрѣтиться необходимость.

За удешевленную плату они совершаютъ по

извѣстнымъ желѣзнодорожнымъ линіямъ свое путешествіе; въ каждомъ городѣ, названіе котораго значится у нихъ въ билетѣ, останавливаются въ отелѣ, примкнувшемъ къ ассоціаціи экскурсіониста Кука, расплачиваются тамъ особыми билетами и ѣздятъ осматривать достопримѣчательности города въ особыхъ экипажахъ, также принадлежащихъ компаніи. Въ Парижѣ я видѣлъ громадный двухъ-этажный экипажъ, развозившій по бульварамъ человѣкъ восемнадцать англичанъ и англичанокъ.

Врядъ ли вы найдете хотя одного русскаго изъ десяти, который, прельстившись денежными выгодами совершать путешествія по рецепту Кука, подчинился бы, ради нихъ, условію объѣхать извѣстное пространство въ извѣстный срокъ, въ извѣстный часъ ѣздить въ компанейскихъ экипажахъ и кормиться по звонку. Мы съ вами, напримѣръ, ничего не любили дѣлать въ срокъ, если бы даже этотъ срокъ былъ вдвое болѣе, чѣмъ сколько его нужно; и это понятно, потому то мы и не привыкли разсчитывать что либо за нѣсколько дней впередъ.

Какъ я вамъ говорилъ, путешественникъ, первый разъ пріѣхавшій въ Парижъ, имѣетъ видъ нѣсколько растерянный. Особенно это относится къ русскому, который съ юныхъ лѣтъ уже начинаетъ чувствовать слабость ко всему, исходящему изъ Франціи, и заочно благоговѣетъ передъ заграничными порядками. Кромѣ того, парижскіе бульвары дѣйствительно поражаютъ

своимъ блескомъ, шумомъ и лихорадочнымъ движеніемъ. Экипажи, омнибусы, публика, двигающаяся густой толпой по асфальтовымъ тротуарамъ, громкіе возгласы уличныхъ торговцевъ и газетчиковъ, звонкое щелканье кучерскихъ бичей, щегольскіе наряды дамъ, великолѣпныя кафе съ большими навѣсами, подъ которыми на воздухѣ, какъ у себя дома, сидятъ господа парижане и, попивая пиво и коньякъ, толкуютъ о политикѣ дня, рекламы на каждомъ шагу, огромныя афиши и заманчивые витрины магазиновъ—все это вмѣстѣ, а тѣмъ болѣе въ первый разъ, производитъ впечатлѣніе одуряющее въ особенности на русскаго, прикатившаго въ Парижъ изъ такого города, гдѣ даже звуки составляютъ рѣдкость.

А Булонскій лѣсъ, куда днемъ ѣдетъ кататься весь богатый Парижъ? «Place de l'Opéra», «place de l'Etoile», къ которой сходятся десять великолѣпныхъ «avenue» (аллей)! Потомъ Елисейскія поля и тѣ же бульвары вечеромъ! Они ослѣпляютъ своимъ яркимъ освѣщеніемъ пріѣзжаго и немудрено, что онъ бросается, какъ одурѣлый, въ магазины и безъ разбору покупаетъ всякую дрянь, которая большую частью хороша только въ витринѣ, и платитъ за нее вдвое дороже, чѣмъ она стоитъ. Наконецъ, «Лувръ», этотъ гигантскій магазинъ, въ которомъ можно заблудиться и гдѣ нашихъ впечатлительныхъ дамъ обираютъ не только про-

давцы, но даже и покупатели, являющіеся въ магазинъ съ пустыми карманами.

Пріѣхавъ въ Парижъ первый разъ, русскій постоянно имѣетъ въ виду, что то, что можно въ Россіи, того нельзя во Франціи. Простоты уже той нѣтъ, къ которой мы съ вами привыкли въ Россіи. Такъ напримѣръ, извощику, который, къ слову сказать, здѣсь ѣдетъ иногда шагомъ, не желая за полтора франка морить для васъ лошадь, такому извощику еще пожалуй можно сказать: «depechons nous, s'il vous plait» или «voulez vous marcher un peu plus vite»? Но нельзя кричать: «пошелъ же скорѣе, мерзавецъ!», или «какъ ты ѣдешь, скотина!» и при этомъ согрѣвать его подзатыльниками. Такъ нельзя. Кстати, помните ли вы случай, кажется въ Перми, какъ двое молодыхъ людей, надѣвъ въ банѣ бабьи платки, пошли продавать мыло въ женское отдѣленіе и, смутивъ однимъ этимъ находившихся тамъ обнаженныхъ дамъ, крикнули «пожаръ»! — Такія шутки здѣсь также не допускаются.

Такимъ образомъ, постоянное сознаніе разницы и нѣкоторый сверхъ-естественный восторгъ заставляютъ русскаго быть заграницей неустанно на чеку, чрезвычайно предупредительнымъ и своею изысканною вѣжливостью удивлять не только бомондъ, но и прислугу, лавочниковъ, кучеровъ и полицейскихъ сержантовъ, которые, какъ это ни странно, всѣ говорятъ по-французски. Надо помнить, что слова — «pardon», «merci»

и «s'il vous plait» употребляются здѣсь въ огромномъ количествѣ и французское правительство имѣло бы изрядный доходъ, если бы обложило эти слова такой же пошлиной, какъ и табакъ.

Кромѣ путешествующихъ, въ Парижѣ живетъ постоянно нѣсколько тысячъ русскихъ и здѣсь въ русскомъ клубѣ можно встрѣтить земляковъ всякихъ оттѣнковъ.

Нѣкоторые изъ нихъ избрали Парижъ по любви, другіе живутъ здѣсь по дѣламъ или эмигрировали по политическимъ причинамъ, занимаются искусствами и торговлей; не мало также молодыхъ людей изучаютъ здѣсь право, медицину и прочія науки. Кромѣ перечисленныхъ имѣются и такіе, которые сами не знаютъ, какъ и почему попали они въ Парижъ, или по давности не упомнятъ. Хотя Парижъ городъ и хорошій и богатый, но въ немъ не мало и нищихъ. Здѣсь можно быстро разбогатѣть и также быстро впасть въ безвыходное и безвходное положеніе, т. е. продать свой послѣдній сюртукъ и послѣднее пальто. Такимъ бѣднякамъ, способнымъ на возвышенные поступки, но не на черную работу, остаются двѣ ноги для того, чтобы слоняться по отелямъ и домамъ, гдѣ останавливаются русскіе, и двѣ руки, чтобы протянуть ихъ за благороднымъ вспомоществованіемъ или, какъ они говорятъ, «за содѣйствіемъ соотечественника».

Обладая тонкимъ чутьемъ, они съ необыкновеннымъ искусствомъ и быстротою узнаютъ мѣстожительство земляка и гдѣ онъ привыкъ

проходить въ извѣстное время. Я, напримѣръ, жилъ на «place de la Madeleine», но часто бывалъ у своего пріятеля въ «hôtel d'Orient» въ улицѣ св. Августина. Однажды, выходя изъ этого отеля, я былъ неожиданно остановленъ господиномъ, къ пальто котораго пристало сзади немного цементу и нѣсколько пожелтѣвшихъ каштановыхъ листьевъ, свидѣтельствовавшихъ, что господинъ или занятъ постройкою или проводитъ ночи на бульварахъ.

— Представьте себѣ, сказалъ онъ по-русски, представьте себѣ, что я только сегодня узналъ о вашемъ пріѣздѣ въ Парижъ...

— Но я васъ не знаю, милостивый государь! и у меня никакихъ спѣшныхъ дѣлъ въ Парижѣ нѣтъ, которыя бы касались меня или васъ, или насъ съ вами, отвѣчалъ я.

— Я бѣдный эмигрантъ. Нахожусь въ крайности. Прежде и самъ не чуждъ былъ благотворительности. Дороговизна страшная; работы не досталъ... Не окажете ли любезное содѣйствіе нѣкоторою суммою.

Я ему далъ нѣсколько франковъ, послѣ чего мнѣ пришлось оказать еще содѣйствіе какой-то русской дѣвицѣ, у которой былъ нездоровъ папаша, мамаша хворала, а сама она дѣлала бумажные футляры для гребенокъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго свиданія, мнѣ опять пришлось встрѣтиться съ моимъ землякомъ, который не узналъ меня сначала, но опять по-

чуялъ русскаго, и повторилъ мнѣ то же, что въ первый разъ.

— Представьте, началъ онъ, что я только сегодня узналъ о вашемъ пріѣздѣ... Но, убѣдившись въ своей ошибкѣ, не продолжалъ разговора, повернулся и поспѣшно ушелъ.

Было время, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда французы благоволили особенно полякамъ и русскихъ кажется не долюбливали. Теперь это перемѣнилось и, сколько я замѣтилъ, русскіе, не только что пользуются благосклонностью, но даже въ модѣ, а въ моду попасть здѣсь труднѣе, чѣмъ заслужить уваженіе. Хотя большинство французовъ попрежнему знаютъ Россію по запискамъ Дюма и попрежнему думаютъ, что по Петербургу въ зимнее время бѣгаютъ медвѣди, но тѣмъ не менѣе, во многихъ романахъ, являющихся въ фельетонахъ парижскихъ газетъ, выставляютъ дѣйствующихъ лицъ съ русскими фамиліями, на сценахъ театровъ даютъ Феодору, а въ домахъ все болѣе и болѣе прививается привычка пить чай. Правда, что и здѣсь нарождаются такіе чудаки-литераторы, которые посвятили себя серьезному изученію русскаго языка и Россіи. Такимъ былъ покойный Меримэ, а теперь имѣется на лицо еще два: Леруа-Болье и Вогюэ. Будемъ надѣяться, что лѣтъ черезъ десять ихъ будетъ не два, а хотя бы двадцать. Тогда скучающіе рантьеры, можетъ быть, почувствуютъ желаніе посѣтить и восхититься чѣмъ нибудь въ Россіи и кстати оста-

вить у насъ хотя часть того русскаго золота, которое такъ долго отвозилось въ шелковыхъ карманахъ въ Парижъ.

Мода на русскихъ происходитъ отъ разныхъ причинъ. Нѣкоторые французы объясняютъ, что русскій нигилизмъ заставилъ ихъ обратить взоръ на сѣверо-востокъ. Одинъ русскій, отставной военный, давно живущій въ Парижѣ, говорилъ, что между двумя націями симпатія существуетъ уже давно. «Подъ Севастополемъ, во время перемирій, наши и ихніе солдаты подчивали другъ друга водкой, сухарями, коньякомъ и махоркой... а больше намъ съ французами и дѣлить-то нечего...» Наконецъ, существуетъ и такой взглядъ, что политически развитой французскій народъ сознаетъ пользу дружбы съ Россіей, въ виду возможной борьбы съ Германіей. Между тѣмъ, драться тамъ мало кто хочетъ. «Мы не готовы къ активной борьбѣ съ Германіей, говорятъ нѣкоторые французы; мы васъ, русскихъ, очень любимъ, но на союзъ нашъ вы не разсчитывайте въ случаѣ войны. Раздѣлывайтесь сами, какъ хотите. Вотъ, если нѣмцы къ намъ придутъ, о! тогда мы себя покажемъ! Республика бережетъ свою кровь и дерется только за свои кровные интересы. Въ случаѣ затрудненій, пруссаки отдадутъ намъ Эльзасъ и Лотарингію даромъ».

Французскіе офицеры думаютъ впрочемъ не такъ; большинство скучаетъ отъ безденежья, однообразія казарменной жизни и медленнаго

движенія въ чинахъ по линіи. Всякая военная экспедиція въ колоніяхъ вызываетъ массу охотниковъ.

Русскіе съ удовольствіемъ встрѣчаются и въ здѣшнемъ обществѣ. Одинъ французъ, богатый фабрикантъ изъ Ліона, проводящій лѣто въ По, Біаррицѣ, Довиллѣ и другихъ излюбленныхъ русскими мѣстахъ и знающій не мало русскихъ князей, графовъ и генераловъ, а также княгинь, графинь и генеральшъ, приходилъ въ искренній восторгъ отъ русскихъ, но только не со стороны политической, а со стороны, такъ сказать, домашней. «Русскіе ужасно милы, любезны, отлично воспитаны и прекрасно говорятъ по-французски; они, можно сказать, говорятъ лучше насъ французовъ».

— Какъ же вы говорили, перебилъ я его, что русскаго можно сейчасъ узнать по выговору...

— Именно потому и можно узнать, что у русскихъ необыкновенно пріятная манера произношенія. Никто такъ нѣжно не скажетъ: «je vous remercie infiniment» или «au revoir» или «s'il vous plaît», какъ русскій.

— А русскія женщины? спросилъ я, намекая на его знакомыхъ, перечисленныхъ выше.

— Oh! les femmes russes! воскликнулъ онъ и зажмурилъ глаза... Въ нихъ что-то есть такое, что насъ, французовъ, всегда привлекаетъ, это — смѣсь вашихъ снѣговъ съ душевной теплотой... Въ глазахъ мечта и нѣга Востока и умная рѣчь

на устахъ... Тайна и секретъ... Русскія женщины очень умны, очень... и такъ образованы, что мы, знаете, иногда просто чувствуемъ неловкость... И какая ласковость, какая ласковость!... Въ вашихъ женщинахъ чувствуется еще неподдѣльный запахъ полевыхъ цвѣтовъ, тогда какъ отъ нашихъ пахнетъ опопонаксомъ... Онѣ слишкомъ много изучали то, что называется наукою любви и переучились...

— А у васъ былъ когда нибудь романъ съ русской дамой?

— Если говорить нескромно, то и не одинъ разъ...

Я его просилъ быть нескромнымъ.

— Сколько я замѣтилъ, продолжалъ онъ, поглаживая свою острую бородку, русская дама, когда она остается наединѣ съ французомъ, сейчасъ же начинаетъ спрашивать: «но скажите пожалуйста, m-ur, что такое особенное во французскихъ женщинахъ? что въ нихъ такое есть?» — «M-me, достоинство нашихъ женщинъ — это умѣнье любить и быть занимательными въ любви...» — «Ахъ, скажите, какъ это интересно!.. Въ чемъ же секретъ этой занимательности?» — «Сударыня, надо собраться съ мыслями, чтобы вамъ это объяснить и такъ далѣе». Вы понимаете, что отсюда легко перейдти къ интимности, а затѣмъ и къ любви... Иной цѣлую жизнь думаетъ съ чего начать; а въ этомъ-то вся и сила.

Другой мой знакомый французъ былъ столь же высокаго мнѣнія о русскихъ, какъ и пер-

вый. Онъ былъ родомъ изъ Прованса, занимался адвокатурой въ Парижѣ и ѣздилъ, неизвѣстно зачѣмъ, изъ Тулузы въ Біаррицъ и изъ Біаррица въ Тулузу и вездѣ о чемъ-то хлопоталъ и чего-то искалъ и не находилъ.

Онъ иначе не называлъ меня моему пріятелю доктору, какъ «votre excellent ami», а мнѣ также точно называлъ доктора и разъ въ часъ ночи (это было въ Біаррицѣ) вошелъ ко мнѣ въ номеръ и, усѣвшись около меня, объявилъ, что уѣзжаетъ въ 6 час. утра, боится проспать поѣздъ и пришелъ поболтать. Заведя разговоръ о женщинахъ, онъ объявилъ, что ужасно любитъ русскихъ, что онѣ превосходны и что онъ непремѣнно поѣдетъ посмотрѣть Россію.

— Сначала я поѣду въ Москву, а потомъ въ Петербургъ... Что интереснѣе—Москва или Петербургъ? Можно ли проѣхать по Россіи, не зная языка? Я думаю, у васъ много красивыхъ женщинъ? Знаете, мнѣ надо непремѣнно жениться... Какъ вы думаете, могу ли я найдти себѣ въ Россіи выгодную партію? Конечно мнѣ нужно дѣвушку изъ хорошаго дома, потому что отъ этой комбинаціи выйдетъ великолѣпное потомство... Мнѣ только и не достаетъ состоянія, чтобы выйдти въ люди. Мы, провансальцы, имѣемъ большой успѣхъ въ Парижѣ. Парижанъ поражаютъ наши горячіе пріемы, наше оригинальное произношеніе и нашъ цвѣтистый языкъ... Вы думаете, почему Гамбетта составилъ себѣ

имя? Потому, что онъ провансалецъ... Только потому...»

Впослѣдствіи онъ писалъ моему другу доктору: «Думаю попробовать счастья на выборахъ; чѣмъ я хуже другихъ?..»

II.

Реклама въ Парижѣ.— Передвижныя печи Шуберскаго.

Извѣстная часть Парижа занята теперь процессомъ анархистовъ. Мнѣ не удалось увидать знаменитую поборницу женскихъ правъ и анархистку Луизу Мишель. Она уѣхала въ Бретань обругать всѣхъ тѣхъ, кто ее не слушаетъ, дураками и доказывать, что красота въ нынѣшнее время не нужна женщинамъ. Впрочемъ, я видѣлъ ея портретъ и восковое изображеніе въ музеѣ Гревена и теперь понимаю въ чемъ дѣло и почему надо убѣдиться, что красота женщинѣ не нужна.

Идя по бульварамъ въ музей, я былъ крайне удивленъ спокойствіемъ съ которымъ уличные продавцы, держа пачки небольшихъ печатныхъ листовъ въ траурныхъ рамкахъ, выкрикивали:

— La mort subite de Louise Michel! Son testament!

И хоть бы малѣйшая слеза въ голосѣ!

Какъ добрый христіанинъ, я раззорился на пятнадцать сантимовъ и удовлетворилъ свое лю-

бопытство. Оказалось, что это недостойная шутка, въ концѣ которой издатель объявляетъ, что только-что получено извѣстіе, что Луиза Мишель и не думала умирать.

Вотъ вкратцѣ завѣщаніе Луизы, которое я прочелъ въ листкѣ.

«Овернцы, не мойтесь болѣе никогда! Requiescat in pace. Завѣщаю: демократическій и соціальной республикѣ — воспоминаніе обо мнѣ; Рошфору—мои добродѣтели; Капулю—мою фотографію и самую милую улыбку; Жюль-Симону—щипцы для завиванія; Клемансо — мѣрку моего рта; королямъ — вѣчную ненависть. Что же касается до моего права быть увѣнчанной розами, то я его уношу съ собой въ могилу»...

Меня положительно обобрали; стоило ли за такое остроуміе платить пятнадцать сантимовъ? Я не знаю, съ какою цѣлью авторъ завѣщанія выпустилъ его въ свѣтъ, но, сколько помнится, внизу листка были помѣщены чисто коммерческія объявленія, что заставляетъ предполагать, что шуточное извѣщеніе о смерти Луизы Мишель было только искусною рекламою сапогамъ, шляпамъ, велосипедамъ и тому подобному.

Въ этомъ бы не было ничего удивительнаго, потому что парижане, какъ истинные европейцы, приклеиваютъ рекламу ко всему и выставляютъ на видъ себя и свой товаръ самымъ разнообразнымъ способомъ. Въ этомъ отношеніи намъ еще далеко до французовъ. Не говоря уже о томъ, что у насъ занятія не соотвѣтствуютъ

склонностямъ, мы съ истинно почтенною скромностью стыдимся даже чѣмъ-нибудь проявить свой талантъ въ присутствіи общества, хотя бы болѣе двухъ людей. Правда, и у насъ теперь заводятся нахалы. Они ничего не знаютъ, ни на что не способны, а исчисляютъ, взвѣшиваютъ и рѣшаютъ. Но не въ нахалахъ дѣло, которымъ нечего рекламировать, а въ нашей излишней скромности. Конечно, мы можемъ себя утѣшать тѣмъ, что французы все выставляютъ наружу, а мы таимъ внутри, а потому можемъ неожиданно и пріятно удивить; но когда это случится, никто не знаетъ и мы не знаемъ.

Итакъ реклама проникла Парижъ до мозга костей и лѣзетъ безцеремонно повсюду въ ваши глаза и въ ваши уши. Листики съ заманчивыми объявленіями, которые таинственно и скромно начинаютъ предлагать у насъ на углахъ нѣкоторыхъ улицъ, въ Парижѣ раздаются въ огромномъ количествѣ. Они летятъ какъ клочья снѣга изъ рукъ проходящихъ на асфальтовый тротуаръ. На бульварахъ ихъ суютъ вамъ въ руки почти на каждомъ шагу. Даже лучшія фирмы ими не брезгаютъ. За извѣстную покупку даютъ преміи. Въ «Grands magasins du Louvre» смѣло называющихъ себя — обширнѣйшими въ мірѣ (les plus vastes du Monde) въ «Bon Marché» и другихъ раздаютъ платки, портмоне, игрушки, воздушные шары для дѣтей, на которые толпами набрасываются нарядныя дамы, выхватывая эту дрянь другъ у друга.

Кромѣ листковъ и всевозможныхъ объявленій въ газетахъ, передъ которыми черные капсюли Гюйо блѣднѣютъ и пользительное пиво Гоффа прокисаетъ, въ Парижѣ еще очень развиты подвижныя рекламы. Различные экипажи самыхъ необыкновенныхъ формъ и цвѣтовъ разъѣзжаютъ по всѣмъ улицамъ Парижа, съ утра до вечера. Вотъ ползетъ какая-то большая колесница въ формѣ военной палатки; ею правитъ инвалидъ (панорама «bataille de Champigny»); или крышка, обитая желтой матеріей, изъ которой только видна лошадиная голова. По вечерамъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ зажигаютъ яркіе фонари съ рефлекторами или электрическіе, съ примѣненіемъ аккумуляторовъ Фара; это напоминаетъ о себѣ «magasin au Printemps», выстроившій себѣ огромный дворецъ на бульварѣ Гаусмана. По сторонамъ такихъ движущихся экипажей крупными буквами напечатаны объявленія отъ магазина или фабрики. Все разсчитано на то, чтобы не ускользнуть отъ самыхъ разсѣянныхъ глазъ: или кучера одѣты въ необыкновенный костюмъ, или на козлахъ сидитъ маленькій арабъ; громадную карету запрягаютъ крошечными пони и наоборотъ. По улицамъ, точно китайскіе арестанты, ходятъ люди съ двумя большими досками, на спинѣ и на груди, и на доскахъ большими буквами написаны объявленія. На одномъ углу я видѣлъ господина, который продавалъ химическое мыло, выводящее всѣ пятна. Онъ сто разъ въ день выкрикивалъ окружавшей его толпѣ лю-

бопытныхъ одну и ту же лекцію о мылѣ, сто разъ пачкалъ въ дегтѣ и въ грязи свой носовой платокъ и сто разъ отмывалъ эту грязь съ одинаковой энергіей. Рекламой не брезгаютъ и газеты, иллюминующія по вечерамъ свои вывѣски и выдающія заманчивые призы своимъ подписчикамъ.

Нѣкоторые русскіе, занимающіеся здѣсь коммерческими дѣлами, быстро примѣнились къ обстановкѣ и къ нравамъ Парижа и, какъ это не удивительно, перещеголяли даже природныхъ французовъ. Здѣсь есть, напримѣръ, «центральное депо передвижныхъ печей» Шуберскаго. Шуберскій, бывшій русскій инженеръ, ввелъ здѣсь въ большое употребленіе маленькія подвижныя печи на колесахъ, трубы которыхъ вдвигаютъ въ каминъ; такимъ образомъ ихъ можно перекатывать изъ одной комнаты въ другую. Магазинъ его на «Avenue de l'Opéra», въ центрѣ города.

Въ обширномъ залѣ стоятъ вдоль боковыхъ стѣнъ печи въ три ряда одна на другой съ картонными билетиками, на которыхъ выставлены нумера «тысячъ» печей, хотя на самомъ дѣлѣ нѣтъ и сотни. Боковыя зеркала, которыя незамѣтны даже не совсѣмъ разсѣянному глазу, повторяютъ нѣсколько разъ богатство магазина. Въ задней стѣнѣ, которая вся изъ сплошного зеркала, зала удлиняется вдвое, причемъ нумера на изображеніяхъ билетиковъ служатъ продолженіемъ тѣхъ тысячъ, которыя на нихъ напи-

саны; зеркало отражаетъ заднюю сторону билетиковъ, на которыхъ поставлены другія цифры. Удивительный truc!

На трисикляхъ, родъ новыхъ трехколесныхъ велосипедовъ, которые Шуберскій вывезъ изъ Лондона, установлены печи и гарсоны изъ магазина развозятъ ихъ по всему городу. Въ бюро магазина постоянно можно встрѣтить какого-нибудь французскаго журналиста, которымъ Шуберскій заказываетъ за хорошія деньги рекламы и передовыя статьи о своихъ печахъ, что эти господа и исполняютъ съ радушіемъ и чистою совѣстью. Между ними я видѣлъ лицъ, извѣстныхъ своею литературною юркостью, знаменитостей бульварнаго журнализма, не брезгающихъ лишними строчками. Въ каррикатурныхъ журналахъ тоже самое. Гревенъ на первой страницѣ «Journal amusant» нарисовалъ хорошенькую женщину, которая въ комнатѣ своей пріятельницы грѣется около подвижной печи и говоритъ: «prête moi ton Choubersky! У меня сегодня вечеръ»... Кромѣ того появлялись цѣлые листы съ небольшими раскрашенными картинками, подъ названіемъ—«tableaux scientifiques», на которыхъ изображалась исторія удобствъ и выгодъ подвижной печки въ сравненіи со всѣми прочими.

О рекламѣ въ Парижѣ можно было бы написать вамъ цѣлую книгу; я бы могъ вамъ разсказать, какъ эта капризная и причудливая дама создаетъ репутацію, какъ отъ любви къ ней

сохнутъ интеллигентные люди и какъ эта страсть, которая никогда не удовлетворяется, доводитъ ихъ до смерти. Но эти изслѣдованія не входятъ въ мои разсчеты, а потому кончаю съ этой новой царицей цивилизованнаго свѣта.

ЗНАМЕНИТОСТИ И ТЕАТРЫ.

I.

Похороны Луи-Блана.

—

30-го ноября состоялось погребеніе Луи-Блана. Еще съ утра, не смотря на рабочее время, народъ шпалерами толпился отъ улицы Риволи, гдѣ находится домъ, въ которомъ жилъ покойный, до кладбища «Père Lachaise». Погода стояла сумрачная и холодная. Часовъ въ одинадцать утра стали собираться друзья Луи-Блана, нѣкоторые изъ депутатовъ и представители отъ города, со знаками на груди и въ трехцвѣтныхъ лентахъ. Около дверей дома стояла большая погребальная колесница съ высокимъ катафалкомъ, отдѣланнымъ трауромъ, перьями и вѣнками изъ иммортелей. Въ виду того, что Луи-Бланъ состоялъ членомъ временнаго правительства, въ 1848 г., для отданія послѣдней почести, былъ присланъ одинъ батальонъ 104 пѣхотнаго полка въ походной формѣ, съ полковымъ командиромъ, со знаменемъ и хоромъ музыки. До полудня постоянно подходили новыя лица для слѣдованія за колесницей, съ

ленточками и букетиками иммортелей въ петлицахъ. Въ то же время подносили вѣнки отъ разныхъ городовъ, корпорацій и цеховъ. Всѣ эти вѣнки были или металлическіе, или фарфоровые, но преимущественно изъ желтыхъ иммортелей, что придавало процессіи весьма некрасивый желтый видъ; свѣжіе цвѣты и блестящія формы отсутствовали. Среди публики толкались продавцы фотографическихъ портретовъ покойнаго, его біографій и описаній послѣднихъ дней жизни этого извѣстнаго республиканца.

«Messieurs, la photographie du citoyen Louis Blanc, dix centimes, deux sous! Les derniers jours de l'illustre républicain! Un sou!»

Кромѣ того, продавались бронзовыя медали на трехцвѣтныхъ ленточкахъ съ золотыми кисточками и, почему-то, съ лирами, съ портретами Луи-Блана на одной сторонѣ и съ надписью на другой: «родился въ Мадридѣ въ 1811 году, умеръ въ Каннѣ 6-го декабря 1882 г.; тѣло перевезено въ Парижъ 10-го декабря 1882 г.»

Ровно въ полдень гробъ, сдѣланный изъ оливковаго дерева, былъ поставленъ на колесницу и шествіе, подъ музыку погребальнаго марша, медленно тронулось по улицамъ Риволи, Св. Антонія и далѣе къ мѣсту погребенія, сопровождаемое по бокамъ цѣпью солдатъ съ ружьями «на погребеніе». Духовенство отсутствовало: похороны были гражданскіе. Во время движенія процессіи, толпа росла все болѣе и болѣе. Старожилы говорятъ, что они не запомнятъ такого стеченія

народа. Тѣмъ не менѣе все было тихо и спокойно. Никто не плакалъ. Того общаго чувства скорби, которое мы видѣли на похоронахъ Скобелева или Достоевскаго, здѣсь не было и слѣдовъ; Луи-Бланъ видимо пережилъ то время, когда смерть его могла бы быть оплакиваема: имя осталось, обаяніе изгладилось.

Мѣсто для могилы выбрано приблизительно посрединѣ кладбища, рядомъ съ могилой покойнаго брата Луи-Блана — Шарля. Часть кладбища, вокругъ этого мѣста была чрезвычайно густо оцѣплена полицейскими; внутрь цѣпи пропускали только лицъ оффиціальнаго значенія или съ разрѣшенія старшаго полицейскаго офицера. Опередивъ нѣсколько процессію, я пробрался къ могилѣ, когда публики на кладбищѣ было еще мало. Каменьщики поспѣшно оканчивали отдѣлку лицевой стороны временнаго памятника. Все кладбище быстро наполнилось народомъ, большей частью мелкими торговцами и рабочими. Тѣсно стоящіе одинъ къ другому свѣтло-сѣрые памятники, изъ мѣстнаго камня, были усѣяны любопытными: сидѣли на крестахъ, на пьедесталахъ, на плечахъ статуй, нѣкоторые вскарабкивались на крыши часовенъ. Гораздо раньше процессіи прибыли старики-депутаты лѣвой стороны, нѣкоторые сенаторы и родственники Луи-Блана, пріѣхавшіе въ большихъ траурныхъ каретахъ, съ вензелями L. B. на кузовахъ; тутъ же собрались репортеры нѣкоторыхъ газетъ, безцеремонно записывая имена присутствующихъ. Между эти-

ми лицами я замѣтилъ Мартена Надо, старика بародэ, депутата крайней лѣвой, и Кловиса Гюго, не исполнившаго желанія «рабочаго союза», требовавшаго, чтобы онъ не былъ на похоронахъ Луи-Блана, который, по ихъ мнѣнію, измѣнилъ соціализму, не принявъ участія въ борьбѣ коммуны. Погребальная колесница съ большимъ трудомъ подъѣхала къ могилѣ и съ еще большимъ выбралась; послѣднимъ обстоятельствомъ воспользовались тѣ, которые были впереди толпы, осаждавшей полицейскихъ, и проскочили во внутрь. Кругомъ могилы было очень тѣсно; нѣкоторые чуть не полетѣли въ яму, вслѣдъ за гробомъ. Кромѣ членовъ семьи, ближе всего стояли: представитель президента республики генералъ Питье, президентъ палаты депутатовъ Анри Бриссонъ, Шельхеръ, президентъ сената Леройэ и многіе другіе; Рошфоръ отсутствовалъ. Когда опустили гробъ, начались рѣчи. Первымъ говорилъ Шарль Эдмонъ, родомъ полякъ (Хоецкій), другъ и душеприказчикъ Луи-Блана. Онъ прочиталъ рѣчь Виктора Гюго. Вотъ приблизительно ея содержаніе. «Луи-Бланъ — это свѣтъ. Свѣтъ этотъ потухъ. Ужасно! Жить — значитъ надѣяться. Свѣтъ тухнетъ — источникъ свѣта остается. Люди какъ Луи-Бланъ необходимы. Въ случаѣ нужды они появятся вновь. Оплачемъ Луи-Блана, но будемъ надѣяться. Законы природы незыблемы, и онъ умеръ. Но повторяю, такіе люди нужны и они появятся. Ихъ требуетъ республика, и природа ихъ соз-

дастъ». Рѣчь эта была встрѣчена съ легкимъ сочувствіемъ. Болѣе сильное впечатлѣніе произвела импровизація слѣдующаго оратора — Мадьэ де-Монжо. Всѣхъ рѣчей было семь. Похороны окончились въ четыре часа.

II.

У Рошфора.

Пріѣхавъ зимою въ Парижъ, я узналъ, что Гамбетта страдаетъ отъ раны и, конечно, не искалъ случая ему преставиться. Вообще надо замѣтить, что тѣхъ, кто прямо лѣзетъ съ журнальными помыслами, великіе люди встрѣчаютъ съ смѣсью неловкости, нетерпѣнія и нѣкотораго величія. Тѣмъ не менѣе, зная силу современной печати, великій человѣкъ съ покорностью садится передъ вами, какъ передъ камеръ-обскурой фотографа, и ожидаетъ вашихъ политическихъ вопросовъ, чтобы возразить вамъ не менѣе политическимъ образомъ и сказать при этомъ что нибудь забористое. Такъ положительное электричество соединяется съ отрицательнымъ и въ результатѣ ничего не получается, кромѣ звука и молніи.

Теперь, впрочемъ, и тому, и другому конецъ; Гамбетта умеръ, и вотъ какъ кончаютъ великіе люди свою жизнь. Я уже заранѣе знаю, что вы мнѣ не простите моей оплошности и будете осы-

пать меня упреками: «какъ же это? быть въ Парижѣ и не представиться Гамбеттѣ. Любознательный путешественникъ долженъ все видѣть и вездѣ быть, въ особенности, гдѣ не платятъ за входъ».

За то я совершенно случайно познакомился съ Рошфоромъ, благодаря любезности одного русскаго, который зналъ, кажется, Рошфора еще въ тѣ времена, когда тотъ издавалъ свой «Фонарь».

Нѣсколько дней тому назадъ, мы отправились въ назначенный часъ къ знаменитому памфлетисту. Рошфоръ занимаетъ отдѣльный домъ въ «cité Malesherbes». Лакей попросилъ насъ подождать въ одной изъ комнатъ внизу, а самъ побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ съ нашими карточками.

Несмотря на свои крайнія убѣжденія, графъ Рошфоръ сохранилъ аристократическую любовь къ живописи. Не только что комнаты, гдѣ мы ожидали, но и лѣстница были увѣшаны картинами разнообразнаго содержанія и большею частію старинныхъ мастеровъ. Посрединѣ пріемной, на пьедесталѣ стоялъ отлично исполненный бронзовый бюстъ, нѣсколько болѣе натуральной величины, изображавшій Рошфора въ блузѣ или рубашкѣ съ небрежно растегнутымъ воротомъ и разбросанными волосами.

Рошфоръ принялъ насъ въ своей спальнѣ. Онъ еще былъ въ постели и извинялся, говоря, что немного нездоровъ послѣ вечера у Виктора Гюго,

бывшаго по случаю пятидесятилѣтія драмы «Le roi s'amuse». Вотъ какъ живутъ люди во Франціи! а у насъ не то что пьесы, а пятидесятилѣтній юбилей самого автора празднуется уже послѣ его смерти; не хорошо!

Сколько помнится, въ спальнѣ также висѣло нѣсколько картинъ и Рошфоръ, сидя въ постели, признавался въ своей любви къ картинамъ и разсказывалъ, какъ онъ ихъ пріобрѣталъ.

Чтобы предупредить ваши вопросы, скажу, что манера обращенія Рошфора весьма пріятная, какъ и подобаетъ вѣжливому и воспитанному джентльмену. На видъ ему лѣтъ подъ пятьдесятъ, но онъ кажется человѣкомъ крѣпкимъ и не нервнымъ. Длинные, хотя довольно жидкіе волосы, усы, приподнятые кверху и маленькая бородка подернуты сильною просѣдью. Крючковатый носъ, съ выпуклымъ, нависшимъ лбомъ и саркастическая улыбка дѣлаютъ его похожимъ на немного постарѣвшаго Мефистофеля, съ примѣсью добродушія и какой-то дѣтской веселости въ сѣрыхъ глазахъ; «шалимъ, братецъ, шалимъ», какъ будто говорятъ эти глаза. Рошфоръ любитъ говорить и говоритъ много, скоро, не утомляясь и пересыпая свою рѣчь остротами и смѣшными сравненіями.

— Я не былъ на похоронахъ Луи-Блана по разнымъ причинамъ, сказалъ онъ, когда разговоръ коснулся послѣдняго, хотя долженъ признаться, что я дѣйствительно имѣлъ противъ него зубъ, такъ какъ отчасти приписываю ему про-

исхожденіе коммуны въ 1871 году. Мы сговорились послѣ заключенія перемирія подать въ отставку, такъ какъ я не признавалъ бордосскаго собранія; я вышелъ, а онъ остался, а съ нимъ и многіе другіе...

Затѣмъ, поговоривъ еще что-то о Луи-Бланѣ, что я теперь забылъ, онъ перевелъ разговоръ на палату депутатовъ и сказалъ, что отказался отъ выборовъ по двумъ причинамъ: «во-первыхъ, я плохой ораторъ, а во-вторыхъ, неудобно быть депутатомъ и издавать въ одно и то же время журналъ. Въ палатѣ заводятся знакомства, являются просьбы напечатать то или другое въ газетѣ, иногда бываетъ неловко отказывать, а это стѣсняетъ журналистику»...

Затѣмъ разговоръ перешелъ на нѣкоторыхъ депутатовъ, на бездѣйствіе и слабость палаты, говорили о знаменитой колдуньѣ, розыскивающей съ помощью магической палочки и министра и клады, о томъ, что онъ желалъ бы видѣть президентомъ Фрайсинэ и о прочемъ.

Разсказавъ исторію Клары Гамбетты, о которой я уже сообщалъ, Рошфоръ перешелъ на Гамбетту и его родственниковъ.

— Ихъ настоящая фамилія Бокко и всѣ они разбойники... Прадѣдъ былъ бандитомъ и разстрѣлянъ; братъ прадѣда самъ повѣсился, убѣдившись подъ конецъ жизни, что онъ негодяй; дѣда задушили гарротой въ Испаніи. Одинъ дядя убѣжалъ съ галеръ и попалъ въ тюрьму, другой бѣжалъ изъ тюрьмы и попалъ на галеры...

Чего только не создаетъ политическая вражда! Надо признаться, что во всемъ этомъ слегка проглядывало нѣкоторое пренебреженіе къ плебейскому происхожденію Гамбетты, какъ будто ничего путнаго изъ Галилеи и быть не можетъ.

Рошфоръ не признавалъ за Гамбеттой крупныхъ государственныхъ заслугъ; считалъ его упорнымъ честолюбцемъ, вовсе не любящимъ Францію, разбойничья кровь котораго влекла страну на дорогу случайностей, въ опасную игру политикой отмщенія, и все это ради личныхъ интересовъ. Рошфоръ считалъ его способнымъ на всякую гадость и даже не признавалъ за нимъ денежной честности. Тѣмъ не менѣе, когда бюллютени о состояніи здоровья Гамбетты стали тревожнѣе, Рошфоръ прекратилъ свои нападки, но послѣ его смерти возобновилъ насмѣшки надъ опортунистами и въ нѣсколькихъ статьяхъ старался свести почти къ нулю всю дѣятельность Гамбетты...

Не вспомните ли вы, по этому поводу, слова Антонія изъ Юлія Цезаря:

Брутъ сказалъ, что Цезарь былъ честолюбивъ,
А Брутъ безспорно честный человѣкъ...

III.

На колокольнѣ собора Парижской Богоматери. — Палата депутатовъ. — Политическія дуэли.

—

M-eur Рошфоръ былъ такъ любезенъ, что написалъ обо мнѣ и моемъ пріятелѣ очень милую записку своему другу Клемансо, прося насъ устроить въ палатѣ депутатовъ, и прислалъ намъ эту записку, незапечатанной, въ назначенный день. Признаться откровенно, мнѣ крайне было трудно тотчасъ же исполнить этотъ серьезный, такъ сказать, долгъ. Превосходные дамскіе корсеты и щёгольски обутыя ножки стали производить на меня какое-то странное впечатлѣніе. Впечатлѣніе это состояло въ томъ, что хорошенькія ножки какъ бы «притоптали» своими каблучками мои мысли, а чувства, напротивъ того, нельзя было, несмотря ни на какія попытки, «стянуть» какимъ-либо нравственнымъ корсетомъ. На послѣднее выраженіе почтительнѣйше прошу васъ смотрѣть не иначе, какъ на остроту. Образъ гризетки, граціозно изображенный романтиками тридцатыхъ годовъ, сталъ неотступно меня преслѣдовать и я, какъ это ни стыдно, цѣлую недѣлю носился по Латинскому кварталу подъ предлогомъ, что покупаю оптическіе инструменты и краски; въ сущности же я искалъ красокъ для своихъ чувствъ, которыя хотя были и настойчивы, но довольно неопредѣленнаго цвѣта. Наконецъ, я догадался и пошелъ

въ «Notre Dame de Paris», чтобы воспоминаніями о Квазимодо укрѣпить въ себѣ сознаніе, что были люди несчастнѣе меня.

Проклявъ каждую ступень, я, наконецъ, взобрался на самый верхъ и, придерживая шляпу, ибо дулъ вѣтеръ, долго глядѣлъ на копошившійся и шумѣвшій подо мною огромный, свѣтлосѣрый городъ.

«Вотъ бѣжитъ подо мною мутная Сена... Вотъ Луврь, колокольня св. Жермена Оксерруа, составившая себѣ кровавую извѣстность въ варфоломеевскую ночь 1572 года, башня св. Іакова, Моргъ, театръ Шатле, Ратуша, а тамъ, дальше, центральный рынокъ... а еще дальше бульвары... а тамъ дальше, дальше Клиши и разъ, два, три, четыре моста... пять, шесть, семь, восемь, девять и гораздо больше. При этомъ у меня навернулись слезы, при воспоминаніи, что у насъ, наоборотъ, больше бродовъ, чѣмъ мостовъ... Вотъ почему мы и бродимъ, думалъ я.

«А что это тамъ зеленѣетъ и темнѣетъ на западѣ? Это Булонскій лѣсъ сѣрѣетъ... А что это за клопьё, какъ сказалъ бы г. Мордовцевъ, что за муравьё такое топорщится, то въ одиночку, а то пятнами какими-то чистую мостовую собою мараетъ?.. Точно горохомъ усыпано? Это «люди»... О люди, люди! И подумаешь, что тамъ, между этими черными точечками, есть и богатые и бѣдные, красивые и дурные, мужчины и женщины; тѣ самыя женщины, о которыхъ я только-что мечталъ, обратились въ какія-то

точки, между которыми не отличишь ни даму, ни рабочую, ни гризетку... Я тутъ только понялъ на сколько великъ нашъ писатель, внушившій мнѣ мысль сравнить человѣчество съ горохомъ.

— О, Парижъ! какъ ты великъ! воскликнулъ я, и думаю, что такая высокая и свободная мысль могла мнѣ придти только на колокольнѣ.

Я вижу уже, что вы съ трудомъ давите въ себѣ чувство зависти при чтеніи этихъ строкъ, но попробуйте-ка сдѣлать для этого нѣсколько сотъ ступенекъ; вы тогда увидите, что ничто легко не дается. Литераторъ, обдумывающій какое нибудь удачное выраженіе, похожъ на разсѣяннаго глупца, ищущаго свой кошелекъ въ чужомъ карманѣ, когда онъ лежитъ въ его собственномъ.

Въ это время кто-то коснулся моего плеча. «Эсмеральда!» подумалъ я... Но это была не Эсмеральда, а отставной солдатъ въ рваной курткѣ и старомъ беретѣ, сосавшій трубочку «съ старымъ капоралемъ». Онъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ, не спрашивая на то моего согласія, и сталъ мнѣ показывать колокола.

«Вотъ этотъ колоколъ отлитъ при Людовикѣ XIV, вѣситъ столько-то, размѣры такіе-то...» и отбарабанивъ біографію колокола, онъ ударилъ въ него разъ молоткомъ, какъ бы ставя точку къ своему разсказу. Я разсердился и далъ ему за это только двадцать сантимовъ.

Вслѣдъ за этимъ я отправился въ палату де-

путатовъ. Засѣданіе было открыто, сколько помню, въ два часа пополудни. Около подъѣзда стояло нѣсколько конныхъ жандармовъ и городскихъ сержантовъ. Мы были вдвоемъ съ моимъ пріятелемъ. Отдавъ швейцару свои карточки и упомянутое выше письмо, для передачи Клемансо, мы усѣлись на диванѣ въ пріемной.

Въ этой пріемной, изъ которой ведетъ дверь прямо на улицу, постоянно дуетъ сквозной вѣтеръ и толпится разнообразная публика. Тутъ и пріѣзжіе иностранцы, надѣющіеся, также какъ и мы, по знакомству попасть въ палату, разные провинціалы и вообще избиратели, пришедшіе повидаться съ своимъ депутатомъ и попросить его «провести» что-нибудь въ палатѣ или просто сказать ему: «держись крѣпче...» Тутъ же нѣсколько дамъ, которыя при неудачѣ въ любви занимаются политикой.

На длинныхъ простыхъ столахъ стоятъ чернильницы и лежатъ пачки небольшихъ бланковъ, на которыхъ напечатано: Chambre des députés; Paris (такого-то числа); m-eur (такой-то) désire parler à m-eur député (съ такимъ-то). Въ сосѣдней передней, черезъ широко растворенную дверь, видно какъ распахиваются ежеминутно выходныя двери, и одинъ за другимъ входятъ гг. депутаты, скидываютъ пальто, свертываютъ зонтики, потираютъ руки, кашляютъ, сморкаются, отираютъ лицо платкомъ, ибо на улицѣ идетъ дождь. Въ то же самое время швейцары, по поданнымъ

имъ запискамъ, выкликаютъ тѣхъ, кто желаетъ видѣться съ какимъ-нибудь депутатомъ.

При этомъ мы чуть-чуть не остались съ носомъ, потому что швейцаръ такъ переврaлъ наши фамиліи, что мы совершенно равнодушно оставались на своемъ мѣстѣ въ то время, какъ онъ дважды насъ вызывалъ. Прождавъ съ полчаса, мы сами къ нему обратились и тогда выяснилась наша ошибка.

Несмотря на то, что засѣданіе уже было открыто, Клемансо вышелъ къ намъ, очень любезно поговорилъ и, снабдивъ насъ билетами въ ложу отставныхъ депутатовъ, ушелъ въ залу. Клемансо средняго роста, худощавый человѣкъ, лѣтъ сорока, съ серьезнымъ и даже нѣсколько желчнымъ лицомъ и черными усиками; глаза тоже черные, живые и умные. Платье носитъ партикулярное; примѣтъ особыхъ нѣтъ.

Мы заняли мѣста въ бель-этажѣ, какъ разъ посрединѣ, противъ высокой трехъ-этажной трибуны, находящейся въ центрѣ полукруглой залы. Наверху сидитъ президентъ Бриссонъ; его положеніе настолько высоко, что при паденіи онъ можетъ легко переломить себѣ ноги. Передъ нимъ на столѣ лежатъ подобранные законопроекты, быть можетъ какой-нибудь романъ, въ родѣ «La bouche de m-me X.», большой деревянный ножъ для разрѣзанія книгъ и стоитъ колокольчикъ въ четверть аршина вышины, для призыванія къ порядку. Нѣсколько ниже трибуна для ораторовъ, еще ниже сидятъ секре-

тари, пристава и прочіе; тутъ же стоятъ стенографы, записывающіе поочередно рѣчи и все, что говорится въ засѣданіи. Скамьи съ пюпитрами для депутатовъ расположены амфитеатромъ. Густота населенія этихъ скамеекъ разрѣжается по направленію къ крайней правой.

Въ ложѣ, куда мы вошли, уже сидѣло нѣсколько почтенныхъ старцевъ, которые бросили на насъ взгляды столь же пренебрежительные, какъ и тѣ, которыми они окидывали своихъ замѣстителей. «Ничего вы путнаго здѣсь не услышите», выражали эти взгляды, «послѣ насъ только по ошибкѣ не случилось потопа»..

Снизу, между тѣмъ, доносился оживленный говоръ и шумъ движенія. Народные представители въ разныхъ костюмахъ, кто во фракѣ, кто въ сѣромъ пиджакѣ, кто въ черномъ сюртукѣ, сновали взадъ и впередъ, перебѣгали отъ стола къ столу, группировались около кого-нибудь. Нѣкоторые сидѣли задумавшись, другіе дремали; многіе занимались чтеніемъ и перелистываніемъ бумагъ; писали что-то такое: можетъ быть приглашеніе на «rendez-vous», а можетъ быть посланіе къ какому-нибудь суровому поставщику съ приглашеніемъ вѣрить и подождать. Изъ нѣкоторыхъ группъ раздавался смѣхъ.

Тутъ было много лицъ всякихъ наружностей и цвѣтовъ, имена которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ на столбцахъ газетъ и журналовъ: Клемансо, Ла-Рошфуко, Дюклеркъ, разные Фавры, Кассаньяки, Буржуа, д'Орнано, Фалеры,

Бильо и многіе другіе французскіе Ивановы, Петровы, Семеновы и Егоровы. Ложи были всѣ почти полны публикой и между любопытными было не мало дамъ.

Наконецъ Бриссонъ зазвонилъ въ колокольчикъ и, застучавъ деревяннымъ ножомъ о край стола, воскликнулъ: «Silence m-eurs!» Повторивъ это нѣсколько разъ, онъ водворилъ тишину и перешелъ, такъ сказать, къ «очереднымъ вопросамъ». На трибуну стали взбѣгать ораторы, министры, старые и не совсѣмъ старые, плѣшивые и длинноволосые, и говорили, говорили, махали руками, а стенографы строчили. Вопросъ шелъ о примѣненіи новыхъ законовъ по отношенію къ служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ и еще о разныхъ разностяхъ. Голосованіе производилось или помощью простаго подыманія рукъ вверхъ, или же служителя въ ливреяхъ обходили столы съ небольшими урнами, въ которыя депутаты клали разноцвѣтныя бумажки, которыя потомъ сосчитывались секретарями.

Не думайте, пожалуста, что я буду входить въ серьезныя подробности всѣхъ преній и препирательствъ гг. депутатовъ. И такъ уже довольно и скучно, что я распространился о томъ, что вамъ отлично извѣстно, тѣмъ болѣе что депутаты говорили о своихъ собственныхъ дѣлахъ, дѣлахъ своей родины, ни капли не подозрѣвая, что на нихъ направлены двѣ пары проницательныхъ русскихъ глазъ.

Быть можетъ, еслибъ они это подозрѣвали, то

постарались бы не такъ. Быть можетъ, на трибунѣ сразу бы явилось сорокъ Гамбеттъ, одинъ другого лучше; крайняя правая и крайняя лѣвая въ благородномъ соревнованіи уничтожили бы другъ друга, а Бриссонъ взволнованнымъ голосомъ прочелъ бы слѣдующую телеграмму Виктора Гюго, присланную изъ улицы того же имени: «Россія—это безпредѣльность».

И потомъ слезы, слезы и восторгъ.

Хорошо, что вспомнилъ. Кончая этотъ разсказъ о посѣщеніи мною палаты депутатовъ, я прибавлю, что былъ крайне удивленъ тѣмъ, что французскіе депутаты вообще краснорѣчивы и ясны, не запинаются на каждомъ словѣ, не ковыряютъ въ носу, стоя на трибунѣ, и не имѣютъ обыкновенія постоянно соглашаться съ мнѣніемъ предшествующаго или послѣдующаго.

Изъ-за политическихъ споровъ между депутатами національнаго собранія, а также и журналистами здѣсь нерѣдко бываютъ дуэли. Это и не мудрено, потому что нигдѣ не существуетъ столько партій, какъ во Франціи.

Напримѣръ. Положимъ, что сцена представляетъ ту же палату депутатовъ. Депутатъ X* крайней лѣвой наканунѣ провалилъ желѣзнодорожный законопроектъ, направленный противъ кармановъ и здравія рабочихъ. Депутатъ L* (бонапартистъ) этимъ не доволенъ.

Вопросъ идетъ о назначеніи субсидіи какому-то епархіальному епископу. L* всходитъ на трибуну и говоритъ объ упадкѣ нравственности въ

связи съ религіей, что простой народъ, благодаря разнымъ безпринципнымъ глупцамъ (взглядъ на X*) не руководится болѣе ни чувствомъ долга, ни вѣры, ни нравственности; работать хочетъ поменьше, а денегъ желаетъ побольше. Что только одно духовенство можетъ спасти Францію и что епископу такому-то слѣдуетъ назначить требуемую сумму.

Затѣмъ выступаетъ X* и говоритъ, что наоборотъ, денежная поддержка духовенства въ нынѣшнее время есть вещь безнравственная. Если давать такія субсидіи, то и среди, быть можетъ, депутатовъ найдутся господа (взглядъ въ сторону L*), которые не прочь перейдти въ духовенство и продавать вмѣсто реликвій обломки товарнаго поѣзда, хотя бы того, который недавно сошелъ съ рельсовъ и разбился такого-то числа, на такой-то желѣзной дорогѣ (Смѣхъ на лѣвой сторонѣ; L* вскакиваетъ со своего мѣста и восклицаетъ: «это слишкомъ»!.. Президентъ звонитъ). Духовенство не заслуживаетъ поощренія. Еще недавно въ газетахъ напечатано три постыдныхъ случая, къ сожалѣнію не опровергнутыхъ: аббатъ изъ N* пробѣжалъ по городу безъ панталонъ, со всѣми признаками страшнаго опьяненія; аббатъ изъ P* похитилъ несовершеннолѣтнюю дочь одного фабриканта и притащилъ ее къ себѣ въ корзинѣ изъ-подъ бѣлья, увѣряя, что это шампиньоны, и, наконецъ, епископъ такой-то, катаясь ночью въ лодкѣ съ m-me такою-то по Луарѣ, утопилъ себя, ее и лодку,

благодаря своей безнравственности. Какая же тутъ субсидія: ужь не на покупку ли новыхъ лодокъ?

Субсидія отклонена, но на слѣдующій день, въ «Le Clairon» читаемъ, что какой-то X* во время осады Парижа имѣлъ счастіе управлять шаромъ г-на Гамбетты и за это получилъ отъ бордосскаго правительства очень невыгодную для «честныхъ людей» командировку — произвести ревизію въ Ліонѣ. Г-нъ X* однако, былъ ею кажется доволенъ, ибо, какъ разъ въ это время, имъ уплачены долги за квартиру, всѣ счета изъ мелочныхъ лавокъ и даже заказано на наличныя деньги четыре пары платья у «Dussatoy». «Intransigeant» не остается въ долгу и на его страницахъ вскорѣ являются пикантныя біографическія подробности о какомъ-то L*, придворномъ лакеѣ при Наполеонѣ III, исполнявшемъ въ Компьенѣ тонкія и деликатныя порученія. Результатомъ всего этого, является политическая дуэль. Противники скрещиваютъ шпаги; у одного отъ волненія идетъ изъ носу кровь; честь удовлетворена и все кончается благополучно.

IV.

Театры. — Оперетка. — Викторъ Гюго.

Въ Парижѣ, новая пьеса, если она понравилась публикѣ, идетъ подрядъ нѣсколько мѣсяцевъ, а то и цѣлый годъ. И странное дѣло:

всегда есть публика, а у насъ хоть и много любителей, а театры всегда на половину пусты...

Но каково это — играть одну и ту же піесу триста разъ безъ перерыва? Тѣмъ не менѣе, здѣшніе артисты съ тѣмъ же одинаковымъ усердіемъ, съ тѣми же слезами, гдѣ онѣ требуются, и тѣми же улыбками, гдѣ онѣ нужны, интонаціями и пріемами повторяютъ каждый вечеръ одно и то же и даже нерѣдко ѣдутъ въ лѣтнее время въ провинцію играть ту же самую піесу. Рѣшительно для этого надобно имѣть здоровый желудокъ.

Впрочемъ, нѣкоторые театры, какъ напримѣръ, «Grand Opéra», «Opéra Comique» и «Comedie Française» разнообразятъ свой репертуаръ. Остальные же, за исключеніемъ водевилей для съѣзда, долго ставятъ все одну и ту же піесу.

Для поддержанія театра, однако, изыскиваются всѣ средства, не говоря уже о клакерахъ, которые, точно вымунштрованные солдаты, отчетливо хлопаютъ послѣ каждаго удачнаго и неудачнаго номера; ихъ всѣ знаютъ, ихъ видятъ, но къ нимъ такъ уже привыкли, что нѣкоторые артисты не могутъ играть и пѣть, если клакеры не акомпанируютъ имъ на ладошахъ. Помимо клаки, хлопотъ о возможно блистательной постановкѣ піесы и старательнаго изученія ролей, какъ антрепренеръ, такъ и всякій артистъ, хорошій или дурной, это все равно, оплачиваетъ свою подать театральнымъ рецензентамъ, которые, такимъ образомъ, процвѣтаютъ и богатѣютъ самымъ безстыднымъ образомъ.

Вотъ почему парижскіе журналисты имѣютъ здоровый цвѣтъ лица и довѣрчиво глядятъ въ будущее. Вмѣсто афишъ въ театрѣ продается спеціальная газета, которая хотя и издается подъ одной редакціей, но для каждаго театра съ присвоеннымъ ему названіемъ. Въ этой газетѣ вы встрѣчаете историческую статью о театрѣ, библіографическія фотографіи и біографіи артистовъ и директора театра, извлеченія изъ критическихъ статей Франциска Сарсэ, Виту, Фукье, Альбера Вольфа, Бержера̀ и другихъ знаменитыхъ критиковъ; наконецъ, маленькія разсказы и сцены изъ закулисной жизни, новости, детали постановки и прочее.

«Считаемъ долгомъ заявить, говоритъ редакція въ своей программѣ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго отношенія къ дирекціямъ театровъ. Мы живемъ собственными средствами и надѣемся сохранить полную независимость. Насъ никогда не упрекнутъ въ пристрастіи»... Вѣритъ ли кто въ Парижѣ этому заявленію о «собственныхъ средствахъ» — не знаю...

Оперетка по прежнему процвѣтаетъ въ Парижѣ, хотя со смертью даровитаго Оффенбаха, произведенія котораго отличались остроуміемъ и мелодичностью, этотъ родъ національнаго искусства сталъ падать, поддѣлываясь подъ грубый вкусъ театральной черни. Галеви и Мельякъ сочиняютъ еще иногда трехъ-актные водевили для Жюдикъ, подвизающейся въ театрѣ «Variété»; всѣ же остальные театры заказываютъ свои ли-

бретто бездарнымъ писакамъ, выѣзжающимъ исключительно на невозможныхъ содержаніяхъ, циническихъ выходкахъ и пошлыхъ остротахъ. Композиторы отъ нихъ не отстаютъ и на скорую руку, совершенно машиннымъ способомъ, пишутъ свою банальную музыку. Таковъ Вассеръ, Варней и другіе, да и Лекокъ, написавшій нѣсколько недурныхъ вещей, отъ нихъ теперь не отстаетъ и плодитъ оперы, какъ грибы. Такая бездарная и пошлая вещь, какъ «Мушкатеры въ Монастырѣ» Вассера, пользовалась въ Парижѣ большимъ успѣхомъ. Большинство этихъ господъ—послѣдователи Эрве, котораго во Франціи весьма вѣрно нѣкоторые называютъ полусумасшедшимъ композиторомъ. «Школа маэстро Эрве, говоритъ одинъ французскій критикъ, основала свой успѣхъ исключительно на глупыхъ выходкахъ и странныхъ ужимкахъ, на своеобразной манерѣ произносить самыя простыя слова, т. е. на однихъ аксессуарахъ опереточнаго жанра; въ результатѣ получилась безконечная чепуха, дикій спектакль, въ которомъ актеры кажутся вырвавшимися изъ сумасшедшаго дома...»

Въ такомъ стилѣ написаны оперетки Эрве: «Кривой глазъ», «Хильперикъ», «Турки», «Маленькій Фаустъ» (жалкая пародія на знаменитое произведеніе) и «Малабарская вдова». Заодно съ этой новой школой въ республиканскомъ Парижѣ стали еще появляться оперетки, въ которыхъ та же распущенность старается укрыться

подъ буржуазной сантиментальностью, и добродѣтель хотя и торжествуетъ, но и милое зло наказывается только слегка, для морали, а то остается и такъ, безъ наказанія. Такова, напримѣръ, «Жильета Нарбонская» или «Свадьба Оливетты», новаго симпатичнаго композитора Одрана, съ которымъ петербургская публика знакома по его опереткѣ «Маскотъ». Успѣхъ «Маскотты» объясняется какъ ея милой и мелодичной музыкой, такъ и изящнымъ содержаніемъ самой піесы; такія вещицы, не смотря на то, что онѣ не составляютъ чего либо крупнаго въ музыкальномъ и въ драматическомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе стали рѣдко появляться и въ Парижѣ. Только «Дочь рынка» Лекока имѣла въ свое время, судя по числу представленій, еще большій успѣхъ. Въ большинствѣ же случаевъ, парижскіе атрепренеры ставятъ всякую дрянь и вздоръ, въ разсчетѣ на вкусъ большинства посѣтителей.

Впрочемъ невѣжественныхъ согражданъ, которые прежде довольствовались «петрушкой», оказалось и у насъ достаточно. Наши антрепренеры это постигли и благодаря гг. Лентовскому, Сѣтову и другимъ, переводная оперетка, появившаяся въ большихъ дозахъ всего нѣсколько лѣтъ, теперь уже процвѣтаетъ; постановка съ каждымъ годомъ становится все блестящѣе и блестящѣе, хоръ и оркестръ значительно увеличились, а труппа даже настолько, что на каждую главную роль имѣются запасные арти-

сты. Водвореніемъ оперетокъ на русскомъ языкѣ антрепренеры достигали еще уничтоженія того крупнаго налога, который имъ пришлось нести, благодаря дороговизнѣ парижскихъ примадоннъ.

Талантовъ же, годныхъ для опереточныхъ подмостковъ, хотя далеко не одинаковаго качества, оказалось и у насъ въ волю, а желающихъ «играть» и освѣщать свое тѣло электричествомъ просто хоть прудъ пруди. Каждый, неокончившій курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи или молодой чиновникъ, оставшійся за штатомъ и не имѣющій занятій, открываетъ у себя голосъ и способность кривляться и столько достоинства, чтобы носить короны Бабеша, Лорана и Какатуа XXIV-го; артисты нарождаются въ мигъ и осаждаютъ предложеніями антрепренеровъ. Нужды нѣтъ, что характерный французскій шикъ обращается у насъ въ напряженное кривлянье и остроты и шутки въ переводѣ окончательно опошливаются. Русскій человѣкъ добръ и терпѣливъ, и пока онъ не разсердился, оперетка даже въ окончательно искаженномъ видѣ будетъ цвѣсти отъ этой доброты. Да и куда ему ныньче идти, какъ не въ «Аркадію» или въ «Ливадію». Вся жизнь человѣка состоитъ въ томъ, что онъ ищетъ счастливую аркадію; а тутъ, оказывается, и искать нечего, ибо «Аркадія» подъ бокомъ со всѣми ея прелестями и обольщеніями. Пошелъ и сразу убилъ двухъ зайцевъ — время и деньги, а того и дру-

гого у насъ будетъ довольно до тѣхъ поръ, пока мы, наконецъ, не разсердимся окончательно на удивившее насъ «французское созданіе» и не обратимся къ отечественному театру, который къ этому времени, быть можетъ, чѣмъ-нибудь удивитъ Европу.

Оперетка однако такъ уже въѣлась въ нашу плоть и кровь, что нужны сильные таланты, чтобы низвести ее съ перваго на послѣдній планъ. Я даже думаю, что мы уже «погибли» и что только новое поколѣніе, которое съ младенчества будетъ прислушиваться къ новымъ словамъ и звукамъ, избавится наконецъ отъ этой филоксеры. Быть можетъ съ дальняго востока нагрянутъ китайцы и, уничтоживъ всѣхъ насъ, заведутъ свою музыку? Но бѣда, если роковымъ образомъ до уха одного изъ вліятельныхъ мандариновъ случайно коснутся ядовитые звуки. Тогда прощай неподвижный Китай! Нравственныя правила Конфуція больше существовать не будутъ.

Я однако отвлекся отъ парижскихъ театровъ; прекращаю разсужденія о вліяніи оперетки на россіянъ и возвращаюсь туда, гдѣ она создалась и сформировалась.

Изъ опереточныхъ звѣздъ или вѣрнѣе звѣздочекъ, кромѣ Жюдикъ и Гранье, уже извѣстныхъ петербуржцамъ, слѣдуетъ назвать еще Монбазонъ изъ «Bouffes parisiennes» и Угальдъ изъ театра «Nouveauté». Обѣ онѣ обладаютъ привлекательною наружностью и хорошо играютъ; при этомъ

Монбазонъ красивѣе, за то у Угальдъ больше голосъ; главное ихъ достоинство — это молодость, что въ Петербургѣ составляетъ рѣдкость, такъ какъ къ намъ пріѣзжаютъ артистки уже черезъ чуръ «опытныя». Въ нынѣшнее время подниманіе ногъ выше головы и неприличное поведеніе на сценѣ удовлетворяютъ только вполнѣ театральную чернь, но это недостаточно въ глазахъ истинныхъ знатоковъ. Теперь примадонны должны быть молоды, хороши собой или, по крайней мѣрѣ, миловидны и имѣть свѣжій голосъ.

Артисты могутъ быть какіе угодно, хотя, конечно, лучше, если и мужской персоналъ обладаетъ соотвѣтствующими талантами. Только женщины дѣлаютъ полный успѣхъ современной опереткѣ въ Парижѣ. Оперетка создана для женщинъ; въ нашъ вѣкъ женскій культъ болѣе всего прославляется на опереточныхъ подмосткахъ; здѣсь эти соблазнительницы являются во всѣхъ видахъ, положеніяхъ, нарядахъ и украшеніяхъ и отсюда все это разносится въ обществѣ. Когда оперетка надоѣстъ, будетъ придумано что нибудь новое.

Какъ на новѣйшее видоизмѣненіе оперетки, слѣдуетъ указать на феерію; напримѣръ, «M-me le Diable» съ Гранье въ главной роли. Въ этой фееріи картина быстро слѣдуетъ за картиной, люди исчезаютъ и появляются вновь; женщинѣ уже мало двухъ, трехъ костюмовъ; она мѣняетъ ихъ по нѣсколько разъ въ картинѣ, подобно

ароматамъ въ парфюмерной лавкѣ. Освѣщеніе мѣняется тоже; то горятъ бенгальскія огни, то элетрическій свѣтъ фантастически заливаетъ декораціи и артистовъ, то сцена тонетъ въ полумракѣ.

Феерія — явленіе характерное; она вполнѣ выражаетъ нервную и безпокойную современную жизнь; жители большихъ столицъ торопятся и работать, и насладиться и по своей нервной слабости ничего продолжительнаго не выносятъ; мущины стали похожи на женщинъ и требуютъ перемѣнъ, движенія и постоянно новыхъ ощущеній...

Я былъ во многихъ парижскихъ театрахъ и между прочимъ, смотрѣлъ «Le roi s'amuse» въ «Comedie française». Нѣкоторымъ артистамъ, въ особенности Го, исполнявшему роль Трибулэ, довольно много апплодировали, но не съ особеннымъ восторгомъ, а дамы въ патетическихъ мѣстахъ не плакали, изъ чего я заключилъ, что пьеса эта порядочно надоѣла французамъ. Постановка блистательная. Декорація послѣдняго акта, видъ Парижа и ночная гроза сдѣланы превосходно. Старикъ Гюго долженъ радоваться, глядя, какъ благодарные соотечественники одѣваютъ и убираютъ его дѣтище.

Кстати о Викторѣ Гюго. Онъ живетъ въ небольшомъ собственномъ домѣ, рядомъ съ домомъ вдовы его сына Франсуа, пройдя площадь Эйлау на своемъ «avenue». Тутъ же въ двухъ шагахъ,

въ улицѣ «St. Didier» жилъ и покойный Гамбетта. Въ программу экскурсіониста Кука входило показывать Виктора Гюго пріѣзжимъ англичанамъ. Для этого любопытныхъ возили послѣ завтрака въ садъ аклиматизаціи, мимо дома Гюго. Выходитъ маленькій крюкъ, но для знаменитости и не то сдѣлаешь, если вспомнить, что лейтенантъ Жевакинъ сдѣлалъ огромный крюкъ для экзекутора Яичницы, побуждаемый на то одной только любезностью...

По своему обыкновенію, Викторъ Гюго во второмъ часу всегда становился лицомъ къ окну, раздвигалъ занавѣски и читалъ газету. Когда ему замѣтили, что онъ дѣлается жертвою нескромныхъ взглядовъ, то онъ возразилъ, что любопытство иногда законно. «Что такое любопытство? Это — открытіе Америки... Это цивилизація».

Не такъ давно, хотя за достовѣрность не ручаюсь, одинъ русскій шутникъ показалъ знаменитому поэту языкъ. Знаменитый сердито задернулъ занавѣски и произнесъ: «Что такое нахальство? Это противоположность генію. Альфа и омега! Когда нахальство показываетъ красный языкъ, то скромность задергиваетъ бѣлыя занавѣски. О mores»!...

РАЗСѢЯННЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

О разсѣянности вообще. — Поѣздка въ Неаполь по важному дѣлу.

—

Разсѣянность есть общій недостатокъ людей, работающихъ головою, а поэты ему подвержены въ особенности. Отъ разсѣянности слѣдуетъ воздерживаться вездѣ, а въ особенности за границей, тѣмъ болѣе если вы ѣдете туда не изъ одного только любопытства, а и по дѣламъ.

Благодаря этому недостатку, я, напримѣръ, не мало что проглядѣлъ въ Испаніи, несмотря на живѣйшій интересъ, который возбуждала во мнѣ эта страна и, пріѣхавъ въ Парижъ, долго досадовалъ на себя за свою небрежность. Какъ разъ въ это время, я получилъ письмо изъ Неаполя отъ своего друга Ивана Б*. Письмо это меня утѣшило. Совершенства нѣтъ на свѣтѣ. Нашелся человѣкъ, который проѣхалъ не менѣе меня и на весьма большомъ разстояніи проглядѣлъ почти все, что возбуждаетъ интересъ въ путешественникахъ.

Для того, чтобы вы въ этомъ не сомнѣвались, считаю необходимымъ познакомить васъ съ моимъ другомъ.

Вслѣдствіе разсѣянности, а также потому, что

голова Б* занята постоянно грандіозными планами и одна мысль скачетъ за другой съ рѣдкой быстротой, всѣ его письма отличаются необыкновенною краткостью. Напримѣръ: «Дорогой А. Сегодня выѣзжаю безостановочно» (откуда, куда и когда — все это въ письмѣ не помѣчено). Или (изъ Москвы): «Буду непремѣнно въ Петербургѣ въ половинѣ іюня». Наступаетъ половина іюня и, вмѣсто Петербурга, Б* пріѣзжаетъ въ Одессу; вспомнивъ свое обѣщаніе, онъ опять назначаетъ новый срокъ своего прибытія и уѣзжаетъ въ Каиръ, и оттуда телеграфируетъ, что онъ будетъ въ Петербургѣ черезъ четыре дня, что уже становится невозможнымъ. Это хоть по пальцамъ сосчитай, такъ невозможно.

А то и такое письмо:

«Mio caro А! Я хотѣлъ съ тобой поговорить объ очень важномъ дѣлѣ. Жара у насъ страшная, такъ что еле пишу и безпрестанно пью сельтерскую. Какая хорошенькая горничная, еслибъ ты зналъ! Да кстати; узнай пожалуйста *его* адресъ; онъ жилъ сначала на Моховой. Прощай. Твой другъ И. Б.».

«P. S. Надо мной живетъ настоящая Лермонтовская героиня; какъ жаль, что я не демонъ! Тогда бы я надъ ней леталъ и нѣжный сонъ ея смущалъ. Вотъ жарища-то»!

Какъ видите, въ этомъ письмѣ изъявлено только желаніе поговорить объ «очень важномъ дѣлѣ» и остается совершенно неизвѣстнымъ «чей» это адресъ я долженъ узнать на Моховой, а между тѣмъ письмо было заказное и

адресовано на Литейную, домъ № 30, и такъ какъ это номеръ моей квартиры, а не дома, то оно ходило довольно долго и дошло до меня съ приклеенной запиской: «въ домѣ № 30 г. А* не живетъ. Письменосецъ Петровъ».

Бѣдный письменосецъ! еслибъ онъ зналъ, какое важное письмо онъ старался доставить!

Однажды я получилъ отъ Б* такую телеграмму съ дороги. «Вообрази, забылъ у Л* на вечерѣ цилиндръ. Зайди, пожалуйста, возьми. Впрочемъ, не заходи: спросятъ, какъ вернулся домой? Телеграфируй Ростовъ-на-Дону».

Всѣ письма моего друга были кратки, строки писались въ различныхъ направленіяхъ или, вѣрнѣе, безъ всякаго направленія, а знаки препинанія ставились тамъ, гдѣ Б* задумывался, пилъ сельтерскую воду или закуривалъ сигару; казалось, онъ не ставилъ, а посыпалъ ими письма, и запятыя и точки падали куда попало.

Разлегшись на диванѣ, я распечаталъ письмо изъ Неаполя и былъ пріятно и сильно изумленъ: на этотъ разъ мой другъ постарался и довольно мелко исписалъ три листа почтовой бумаги. Такъ какъ я никуда не тороплюсь, то и выписываю здѣсь это письмо полностью.

«Mio carissimo A*!»

«Наконецъ, я въ Неаполѣ. Начало путешествія (изъ Петербурга) съ маленькимъ приключеніемъ. Я былъ «solo» въ купэ и вдругъ просы-

паюсь; толчки ужасные... Что такое? выбѣгаю на мостикъ, натыкаюсь на истопника... «Плохо», говорю. И онъ говоритъ: «плохо». Подтверждаетъ. «Гдѣ звонокъ? дай знать машинисту!»

— Если окажется все исправно, отвѣтилъ онъ, — 25 руб. штрафу; не могу-съ.

Я схватилъ его за шиворотъ и сказалъ ему, что сейчасъ выброшу вонъ, если онъ не исполнитъ моего требованія. Тогда онъ отыскалъ веревку, зазвонилъ и мы стали.

Оказалось, что въ купэ, въ которомъ я ѣхалъ, только три колеса — мало! Ну, конечно, общая благодарность, а то еще бы три или четыре минуты, и рабъ божій Иванъ не былъ бы на этомъ свѣтѣ. Съ этой глупой исторіей я потерялъ цѣлый день. А я такъ тороплюсь!

Вѣна. Только-что пріѣхалъ, прямо съ вокзала приказалъ себя везти въ кафе для пьющихъ и поющихъ. Хотя пѣли по-нѣмецки, что ужасно, но одна изъ нихъ, жидовочка, оказалась прелестна. Право, лучше даже той бородобрѣйки, которую, если помнишь, швейцаръ пригласилъ меня брить изъ цирюльни? (Пожалуйста, протежируй моей бородобрѣйкѣ; ты знаешь — она къ тебѣ неравнодушна. Правда, ты въ Парижѣ, а она въ Петербургѣ; «дистанція!» какъ говоритъ Скалозубъ). Жидовочка оказалась такъ мила, что я хотѣлъ подойти къ ней и пригласить ее съ собой ужинать, но, по ошибкѣ, пошелъ къ выходу и такъ и ушелъ: лѣнь было

возвращаться! А, право же, жидовское племя, что тамъ ни говори юдофобы, самое талантливое, находчивое, нахальное и въ высшей степени храброе (?); право такъ. Я хотѣлъ устроить здѣсь одно дѣло, но, не желая терять времени, поѣхалъ далѣе, черезъ горы, въ Италію; черезъ какія страны — не знаю. Кондуктору далъ два гульдена, за что онъ предоставилъ отдѣльное купэ въ мое распоряженіе.

«Подлецы! мошенники! негодяи!»

Холодъ! ужасный холодъ, точно въ Сибири у самоѣдовъ; принесли для ногъ какую-то длинную, толстую трубу, отъ которой тепло только ногамъ, а все остальное мерзнетъ. Такимъ образомъ, я походилъ на Азію, у которой голова покрыта полярными льдами, а ноги купаются въ тропическихъ водахъ. Помучился порядочно. Наконецъ, я кое-какъ заснулъ, но проснулся въ ужасѣ. Совѣтую тебѣ, mio caro, никогда не давать кондукторамъ на водку. Получивъ два гульдена, они меня берегли и не безпокоили священнаго для нихъ сна и этимъ оказали мнѣ медвѣжью услугу: вмѣсто Флоренціи привезли въ Венецію.

Венеція. Что дѣлать? Съ досады пошелъ въ самый послѣдній кабакъ, какой только можно найдти въ Венеціи. Кромѣ досады были еще двѣ причины: во-первыхъ, я везъ съ собой очень дорогую вещь (золотой ящичекъ, осыпанный какими-то камнями), которую П* просилъ меня

передать во Флоренціи m-me K*, и боялся, чтобы ее не украли, а во-вторыхъ, всѣ эти грандъ-отели мнѣ порядкомъ надоѣли (замѣчаешь стихи: «отели» и «надоѣли»?).

Кабатчику или, вѣрнѣе, содержателю вертепа, повидимому, архимошеннику, я отдалъ на сохраненіе свой золотой ящикъ, зная, что онъ сохранитъ его лучше самаго честнаго человѣка... Въ кабакѣ за мной страшно ухаживали и лелѣяли меня, точно хрустальнаго принца; я такъ и ждалъ, что меня обвернутъ ватой и положатъ въ коробочку отъ конфектъ.

Какой славный народъ низшій классъ италіянскаго народа! Единственный разъ я сожалѣлъ, что не знаю ихъ языка и понялъ смыслъ ужаснаго проклятія изъ священнаго писанія: «я пошлю народъ, который покоритъ тебя и не будетъ знать твоего языка».

Они покорили меня своею любезностью, заговорили меня совершенно, а я только и зналъ, что лепеталъ въ отвѣтъ, какъ младенецъ: «грація-съ!», «no, no!» или «si, si!», и больше ничего; разъ только сказалъ: «ляшьяте оньи сперанца», да и то кажется невпопадъ.

И съ какимъ радушіемъ меня здѣсь угощали, и какія хорошенькія были тутъ простыя гондольерки (красивый типъ!) просто разпрочертъ меня подери! Le peuple — это, батюшка мой, эхе-хе!.. всегда свое возьметъ...

Угощали меня отлично; правда, что я люблю оливковое масло. Затѣмъ давали всякую зелень,

фрукты и разныя морскія штуки всѣхъ сортовъ, даже такихъ, какихъ я и не видывалъ. Такъ какъ пословица говоритъ, что съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не суйся, то я все это и ѣлъ, не разбирая, и до того ѣлъ, что у меня разболѣлся желудокъ; кто ихъ знаетъ: чего они только въ своихъ каналахъ не вылавливаютъ? Вино было до того кислое и прокислое, что право даже ворона бы закаркала, не дожидаясь лисьяго комплимента.

Все это гостепріимство мнѣ обошлось бездѣлицу, почти ничего: архимошенникъ поступилъ въ высшей степени честно и даже волосъ съ моей головы не пропалъ. Изъ Венеціи я вывелъ заключеніе, что мошенничество существуетъ только въ высшемъ классѣ общества. Здѣсь, къ сожалѣнію, потерялъ одинъ день. Кстати: чуть не забылъ сказать, что я здѣсь вытащилъ изъ воды какого-то мальчишку. Странно: Венеція — и не умѣетъ плавать.

Флоренція. Хотя по названію она и должна быть вся въ цвѣтахъ и садахъ, а на самомъ дѣлѣ въ городѣ ни того, ни другаго. Въ лучшей гостинницѣ — адскій холодъ. Кричу: «топить! топить»! Положатъ въ каминъ щепку и требуютъ двѣ лиры. Всю ночь зубъ на зубъ не попадалъ. Все свое платье и бѣлье навалилъ на себя, чтобы было теплѣе; хотѣлъ даже диваномъ укрыться, вотъ до чего дошло. Утромъ одѣлся и сдѣлалъ визитъ m-me K*. Представь себѣ: она

себя здѣсь выдаетъ за графиню Телятину! И что за фамилія, что за фамилія? Какъ я ее отыскалъ, и самъ не знаю. Помню время, всего какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ тому назадъ, это была цвѣтущая красавица въ Петербургѣ, львица, тигрица, и все было приковано къ ея ножкамъ; всѣ, начиная отъ министра до послѣдняго старшаго помощника младшаго секретаря, всѣ ухаживали за ней, всѣ таяли и проливали чернильныя слезы.

Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Все это бренчало, звенѣло и стучало. И что же? Увы! едва узналъ ее! Даже руки дрожатъ. Отъ прежней красоты остались только одни слѣды. Она очень обрадовалась, увидавъ меня, а мнѣ такъ еще было холодно, что я, желая согрѣться, вообразилъ, что попрежнему въ нее влюбленъ и забылъ зачѣмъ пріѣхалъ (а золотой ящичекъ лежалъ у меня въ шляпѣ). Она нѣсколько разъ спрашивала меня о здоровьи князя П* и, когда я отвѣчалъ разсѣянно: «ничего себѣ, кажется боленъ... а впрочемъ, можетъ быть и здоровъ», то она стала на меня смотрѣть какими-то странными глазами (вѣроятно П* ей писалъ, что посылаетъ со мной подарокъ?). А я думаю, что она на меня такъ глядитъ. А! понялъ, думаю, и хотѣлъ ее поцѣловать. Она разсердилась. — «Вы съума сошли!» Я переконфузился, и из-

винившись, что у меня еще дѣла и что поѣздъ отходитъ въ Римъ черезъ часъ, надѣлъ по ошибкѣ ея шляпку (теперь такія носятъ) и вышелъ. Она разсмѣялась. «Куда вы, куда вы? Это моя шляпа!» Я сталъ извиняться, и тутъ кстати все и разъяснилось. Слава Богу! наконецъ-то я отдѣлался отъ этого золотаго ящичка! А то приходилось, чтобы не забыть, всю дорогу вязать узлы на платкѣ, такъ что сморкаться было не во что. Во Флоренціи времени даромъ не терялъ.

Римъ. Въ пословицѣ говорится: «въ Римѣ быть и папу не видѣть», а я и эту пословицу перещеголялъ: въ Римѣ былъ и Рима не видѣлъ! Боялся потерять время. Поѣздъ здѣсь стоитъ два часа; я и думаю: поѣду осматривать городъ, чего добраго, пробуду здѣсь нѣсколько дней, такъ ужь лучше уѣду отъ соблазна. Что хотѣлось посмотрѣть — такъ это Тибръ и именно то мѣсто, гдѣ Юлій Цезарь и Катонъ бросаются вплавь во время наводненія и Катонъ спасаетъ утопающаго Юлія. Но все-таки я долженъ сказать, что хотя эпикуреизмъ слабѣе стоицизма, а за то долговѣчнѣе. Долго ли существовала Спарта?

Въ Римѣ изъ вокзала не выходилъ и времени не потерялъ.

Неаполь. Наконецъ, я въ Неаполѣ. Море превосходно, и я достигъ цѣли своего странствованія. Но здѣсь со мной случилась малень-

кая непріятность. То лицо, на свиданіе съ которымъ я ѣхалъ, оказался въ Сорренто, въ Поццуоли или на Капри, или гдѣ-то поблизости, куда надо было ѣхать моремъ. Не теряя времени, я отправился къ пристани и сѣлъ на пароходъ. Расположился и отправляюсь на палубу, захвативъ съ собой небольшой портфельчикъ съ самыми важными бумагами и адресами; тамъ же было, чертъ возьми, нѣсколько сотъ рублей денегъ, которые я не размѣнялъ. Гуляю и вдругъ — восторгъ! Встрѣчаю m-me P*. «Вы какъ сюда попали?» — «А вы какъ?» ну, и такъ далѣе.

Очень похорошѣла: такая хорошенькая, что просто прелесть.

— А я вамъ подарокъ везу, говорю я.

— Какой подарокъ?

— Отъ князя П*...

— Я никакого князя П. не знаю.

— Ахъ, чортъ возьми! извините, это не вамъ... Я его уже отдалъ...

Ты понимаешь, mio caro, я перепуталъ: этотъ проклятый золотой ящичекъ меня преслѣдуетъ, какъ кошмаръ; не бери никогда никакихъ порученій и посылокъ, когда у тебя у самого важное дѣло. Она улыбнулась и начала меня упрекать въ невниманіи. Въ концѣ концовъ оказалось, что она вовсе не m-me P., и что я ее въ первый разъ вижу, а она меня знаетъ (хотя я не помню, называла ли она меня

по имени). Желая исправить свою безтактность, я сталъ сыпать комплименты, какъ Ламартинъ.

— Тѣмъ болѣе, говорю, тѣмъ болѣе! Въ первый разъ васъ вижу и уже очарованъ.

Тогда она вынула изъ букетика, который у нея былъ на груди, вѣтку вервены и сказала:

— Понюхайте, какъ пахнетъ»...

Я понюхалъ и отвѣчалъ:

— Хорошо.

— Вервена на языкѣ цвѣтовъ означаетъ «очарованіе»; возьмите себѣ.

Я поцѣловалъ вѣтку и сунулъ ее въ карманъ. Она опять засмѣялась. Тогда, желая показать, какъ я ее люблю, я развелъ руками и сказалъ: «вотъ какъ я въ васъ влюбленъ!» При этомъ портфель съ бумагами, который я держалъ въ лѣвой рукѣ, полетѣлъ въ море.

— Ахъ, бѣдный! сказала она, лучше бы вы показали вверхъ (по уши); тогда ваши деньги упали бы на палубу.

— Что дѣлать, сударыня! отвѣчалъ я, стараясь скрыть свое раздраженіе:— буду утѣшать себя тѣмъ, что рыбамъ, которыя проглотятъ мои документы, отъ нихъ не поздоровится... У меня еще остается вашъ цвѣтокъ...

И я полѣзъ въ карманъ за цвѣткомъ и вытащилъ оттуда — представь себѣ мой ужасъ! — огромное грязное полотенце, которое я, вѣроятно по разсѣянности, взялъ въ венеціянскомъ кабакѣ. Такимъ образомъ, мое дѣло не устроилось, потому что я потерялъ всѣ нужныя для

этого бумаги и адресы. Впрочемъ, я успокоился, такъ какъ въ Парижѣ у меня есть другое важное дѣло; кстати и ты тамъ. Ѣду безостановочно».

«Твой другъ И. Б.».

Только-что я кончилъ читать это письмо, какъ дверь отворилась и консьержъ внесъ въ комнату чемоданъ, а вслѣдъ за нимъ вошелъ и авторъ веселаго письма.

— Вотъ и я, сказалъ онъ.— Что это за письмо?

— Это описаніе твоихъ похожденій въ Италіи...

— А? да! какова исторія! Да, что я хотѣлъ сказать? Здравствуй, голубчикъ!

Мы поздоровались...

Декабря 1882 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

